

УРАЛЬСКИЙ № 12 (570), 2004

следопыт

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

**ГОРНЫЕ ЛЫЖИ
И ЛЫЖНЫЕ ГОРЫ**

**РОЖДЕСТВО
ДЛЯ ЗОЛУШКИ**

**МАНСИ -
ДЕТИ СНЕГОВ**

НОВОГОДНИЙ РОМАН

Маршруты Уральского следопыта

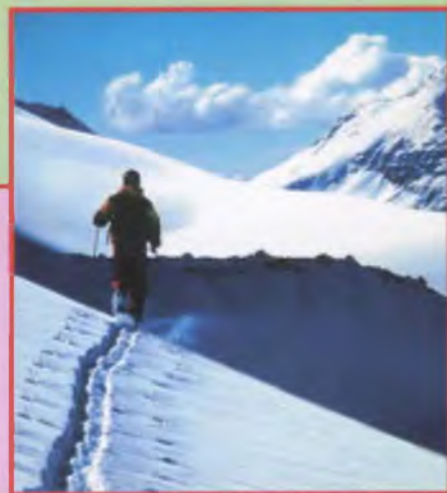

Схема расположения горнолыжных склонов на Урале.
Статью «Милые пологие горы» читайте на стр. 53.

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

В номере 12'2004 (570)

Главный редактор Максим Фирсов
Редакторы разделов Юний Горбунов, Александр Челноков, Андрей Наседкин, Анастасия Новикова
Художественный редактор Юлия Ульянова
Художник Ирина Овсянникова фото 1, 4 пол. обложки Анатолий Люблин фото стр.17 Александр Лавруков
Набор Валентина Кадочникова
Корректор Юрий Виноградов
Учредитель: Общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»
Издатель: ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
Редакционный совет: Владислав Крапивин Сергей Казанцев Борис Стругацкий Геннадий Пращевич Олег Поскребышев Юрий Казарин Станислав Мешавкин Нина Ягодинцева
Наблюдательный совет Евгений Виноградский м.с.м.к., «Снежный Барс» Евгений Савенко чл. Союза фотохудожников России Семен Спектор заслуженный врач России
издано при поддержке министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области
Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г. Министерством печати и массовой информации РСФСР. ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и названия журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28-30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе. В первую очередь рассматривают- ся рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD). Рукописи не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 257-36-62 Подписано к печати 15.12.2004 года. Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии Екатеринбургской Епархии
© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralstalker@sky.ru
info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 12, 2004
Издается с 1935 г.,
возобновлен в 1958 г.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Легенды и были

Е. ЛЫСЕНКО, В.ШАКАЕВ Дети снегов	2
Далекое-близкое	
П.ЕВЛАДОВ Генсек Киров	10
Этюды	
О.КАРЯКИНА Календарик	21
Юбилей	
А.МОЛЧАНОВ Песня в погонах	34
Э.МОЛЧАНОВ «И приговор нашептывает время...»	58
А.ЯКИМОВ Мой друг Макарым – парень хоть куда	84
Тропой поиска	
В.ИЩЕНКО Богословский завод на Турье	43
Из первых рук	
В.ВОЛЕГОВ Сын интернационалиста	48
Музей фотографии	
Е.БИРЮКОВ Ванька Голый и К^о	72

АЭЛИТА

Современная проза Урала

Ю.ГОРБУНОВ Дарсонваль	6
Современная проза	
И.ЗАВODOВСКИЙ Новогодний роман	14
В.РАЙХЕР Божье чудо	60
Сказка для взрослых	
Е.КУЗЬМИНА Новогодняя сказка	20
Наш гость	
А.СТРАВИНСКИЙ Стихи	32
Фантастика	
Н.ТЕРЕХОВА Танзания	38
Эксклюзив	
Ф.АДРА Вытель	49
Современная поэзия	
А.ТЕМИРОВ Стихи	70
Детектив	
Ю.ШЕРГИН Воздушный поцелуй смерти	74

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Человек и природа

А.ЯКУБЧИК Ворона токует	12
Проекты «Уральского следопыта»	
ФОТОКОНКУРС	18
Экспедиция	
В.МИХАЙЛЕНКО В краю заповедной Печоры	25
Наши увлечения	
А.НОВИКОВА Байкеры: начало – ездим на мотоциклах.....	46
Советы специалиста	
С.РОГОЖКИН Милье пологие горы	53
Организация безопасности в лыжном горном походе.....	56
Дети в походе	
Е.АНТОНОВ Но я-то знаю	64

Дети снегов

В одной из витрин Североуральского музея хранятся вещи семьи оленеводов Бахтияровых, проживавших не так давно около Денежкина камня. Рядом примостился браслет из белой бронзы с изображением медведя, датируемый XV в. н. э. Здесь же хранится коллекция культового литья с городища Няксимволь (датируемая I в. до н. э. — VIII в. н. э.). Что объединяет все эти экспонаты? Объединяет их то, что в разные времена принадлежали они одному загадочному угорскому народу. Сейчас этот народ зовется манси.

«Мань» — малый, «си» — народ. Малый народ — так называли себя сами манси. Видно раньше их было немного, а сейчас — и подавно. Около 130 человек проживает в Свердловской области.

Кто они? Существовали (да и сейчас существуют у многих) различные, порой фантастические на этот счет версии: наивными детьми снегов в грубых оленьих шкурах, «снежными человеками» и даже пришельцами из космоса называют их.

Вообще вопрос о происхождении народа очень спорный.

Вот одно из мнений. «Манси как этнос сложились в результате слияния уральских племен эпохи неолита, угорских и индоиранских племен, двигавшихся во II-I тысячелетии до н. э. с юга через степи и лесостепи Западной Сибири и Северного Казахстана. Сочетание культур таежных охотников, рыбаков и степных кочевников-скотоводов в культуре народа сохраняется и поныне.

Первоначально были расселены на Южном Урале и его западных склонах, но под влиянием колонизации коми и русских (XI-XIV вв.) переселились в Зауралье».

Знали манси гончарное, рудное, кузнечное дело (об этом красноречиво говорят находки археологов). О работе археологов у нас, на Северном Урале, — отдельный разговор. Мы же — директор Североуральского музея С.И.Литосова, его научный сотрудник Е.А.Лысенко и директор центра внешкольной работы, а ныне преподаватель ОБЖ В.А.Шакаев — совершили несколько небольших путешествий к современным местам проживания манси.

Мы посетили поселок Бурмантово, Хорпия, Тресколье, Ультем-Урай-пауль, Урай-пауль.

Впечатлениями от увиденного очень захотелось поделиться...

Елена ЛЫСЕНКО, Валерий ШАКАЕВ

Каменный сторож

Из окон квартир наших домов видны очертания Уральских гор. Уже стало своеобразным ритуалом: просыпаясь утром, взглянуть — как там Денежкин? Денежкин камень — величаво выступающий хребет, до которого, кажется, рукой подать. У жителей он — своеобразный барометр. Если на вершинах висят облака — жди ненастной погоды. Неслучайно манси почитают его как священную гору. Известный уральский географ, исследователь топонимов А.Матвеев, ссылаясь на мансийские легенды, отводит ему «роль» каменного сторожа, «который караулит Урал, наблюдает за порядком в горах», наряду с Сосьвинским Молебным камнем. Нер-Ойкой, и другими «стариками». Оттуда, из-под Ось-тагт-талях-нер-ойки, как называют манси Денежкин камень, в 60-е годы уже прошлого столетия на проводы зимы на оленьих упряжках ежегодно приезжали люди в малицах.

В памяти многих североуральцев остались воспоминания, как, будучи детьми, они бегали за нартами, облепленными детворой, слушали зычные, пьяные выкрики людей в меховой одежде, при помощи длинных шестов — хореев управлявших оленями. До сих пор перед глазами — измученные олени, пытающиеся сдвинуть с места перегруженные сани. «Как их было жалко!».

Но нет уже тех манси, нет и оленей...

Кто же остался? Чтобы получить ответ на этот вопрос, едем мы на север Свердловской области, к тем, кто остался...

«К местам не столь отдаленным...»

От Ивделя дорога бежит на север до Бурмантово по границе Урала и Западной Сибири, от одного увала к другому. Когда поднимаешься на верхние улицы Ивделя, на востоке открывается панорама бесчисленных просторов Сибири. Всего в одном градусе восточной долготы проходит граница Европы и Азии. Возникает какое-то непередаваемое, особое ощущение — ощущение границы. Границы, созданной не только людьми на картах, но и самой природой.

Между городом Ивделем и поселком Север-

ным расположен красивый поселок Полуночное. Необычное название А.К.Матвеев объясняет употреблением слова «ночной» в смысле «северный». Значит, «Полуночное» можно трактовать как «Полусеверное». Полусевер...

Хосволь — «долгий плес» — так называют манси место, где раскинулся теперь уже почти заброшенный поселок Бурмантово. Здесь, на окраине поселка, — последние скальные выходы пород. Ниже по течению реки их уже больше не встретишь. Река Лозьва (по-мансийски Лусэм — «голубая вода») из горной порожистой становится равнинной сибирской рекой.

Согласно «Книге рекордов Свердловской области», это самое у нас холодное место.

Уезжают из поселков Хорпия и Бурмантово люди. Едут туда, где теплее и сытнее. Раньше местных жителей «кормила зона», от которой сейчас почти ничего не осталось. Радуется: «неужели преступность в стране сократилась?» Да нет, просто невыгодно так далеко отвозить и обеспечивать продовольствием преступников. Зоны сейчас тоже ищут места, где «теплее» и к людям поближе. Места не столь отдаленные...

п. Ушма. Бывшая «зона».

Елена ЛЫСЕНКО

Бурмантово. Князь Шешкин.

«К манси приехали? Так их здесь всего-то один человек и остался — Костя Шешкин», — так нам ответили на мосту через Лозьву у поселка Бурмантово. Позднее оказалось, что не один Костя из манси живет здесь.

Река отражала солнечные лучи — на синей воде яркими лодочками качались блики. На островке паслись рыжая лошадь с жеребенком. Блестели окна домов в поселке.

Когда-то давно пришел в эти места человек по фамилии Бурмантов, приглянулся ему берег реки, сосновые леса, и остался он жить здесь. Так появился поселок с русским названием на Манси Ма (земле манси). До прихода сюда русских восточ-

ный склон Урала звался именно так, на западном склоне была Саран Ма (зырянская земля), а еще дальше, на запад — Роч Ма (русская земля).

Мы идем к одному из бывших хозяев земли манси — Константину Ефимовичу Шешкину. Он — потомок мансийских князей Кушкиревых. Как связана фамилия Шешкина с Кушкиревыми — об этом далее.

Упоминание о его предках встречается в документах начала XVII века. В это время в Ляпинской волости князьками считались Кушкул Наев, а позднее — его сын Ерток (именно их потомки носили фамилию Кушкиревых). В 1610 г. этот ляпинский князь бил челом государю с просьбой — наказать мародеров (русских казаков и новокрещенных вогулов), которые грабили святые места и могилы манси. В ответ на эту челобитную государь ответил: «Чтобы обиды осяткам некоторые не чинили!».

В более поздних документах упоминается Шеша Кушкирев (Кускилев). Он был отправлен в 1692 г. в числе других князей Березовского уезда в Москву челом бить о своей нужде. Шеша Кушкирев просил государя об отмене «рыбного сбора» и подводной повинности. По этой повинности местным жителям предписывалось: «стольникам и воеводам, которые поедут с Березова и на Березов, давать по 15 подвод, а ясажным сборщикам по одной подводе рыбы».

«А Березов город бесхлебный, бывают у нас голодные времена, а мы, государь, тою рыбою питаемся сами и промышленных собак своих кормим», — жалуется Шеша.

В 1716 г. князец Семен Кушкирев просил защиты у уездного начальства от «воровской пустозерской самояди» (от ненцев), грабившей и убивавшей его сородичей.

Государь, стараясь поддерживать ровные отношения с Югрой, отвечал на все жалобы и просьбы, обращаясь к уездному начальству насчет местных жителей так:

«Держать к ним ласку и привет и бережение». Князцам же были даны грамоты, которые регулировали отношения между российской администрацией и югорским народом.

В 1753 г. березовские ясачные князья были вновь приглашены ко двору Ее императорского величества — для «поновления данных предкам их грамот». Грамоты были даны многим, в том числе и «Ляпиной волости князю Ивану Шешкину и отцу его, князю Шешке Кушкилеву».

Такая вот длинная историческая справка.

Вы заметили, как менялись фамилии одной династии в течение XVII-XVIII веков? Кушкул Наев — Шеша Кушкирев (Кускилев) — Иван Шешкин. Прослеживается связь имен и фамилий (фамилия образовывалась от имени). Фамилия Кушкирев (Кускилев), происшедшая от имени Кушкул, возможно, появилась на свет при составлении ясачных списков.

Вообще коренные жители Севера (манси в том

числе) не давали ребенку имени до 5 лет. Да и потом он носил скорее прозвище, чем имя. Такое ухищрение предпринималось с целью уберечь человека от злых духов. Иногда даже покупались имена умерших родственников. Постоянное же имя закреплялось за человеком при христианском крещении.

В конце 1706 г. вышел указ Петра I, который предписывал митрополиту Филофею и его священникам ехать по юртам остяков и вогулов и крестить их. «Река Сосьва сделалась купелью множества остяков». Видимо, тогда, при крещении, и появилась фамилия Шешкиных (от дохристианского имени Шеша). По-мансийски «сескин» – веселый, радостный.

Почтительно относились манси к собственным князьям – старшинам. Слово князя считалось безоговорочным. А князю Шешкину в XVIII веке подчинялось ни много, ни мало, а 12 юрт в Ляпинской волости (среди них были и Ломбовожские юрты).

Примерно через 200 лет в п. Ломбовож Тюменской области, 8 января 1933 г., родился Константин Ефимович Шешкин – потомок тех мансийских князей, о которых было сказано выше.

Из рассказов матери и отца он помнит: «Ломбовожские земли были нашими, до 500 оленей пасла семья. Гоняли стадо по тундре до Карского моря. Потом мама приехала, выпал толстый снег и олени подошли. После этого уже не было так много оленей».

Мать Константина была из рода Мось, отец – из рода Пор (было когда-то у манси такое деление по родам (фратриям). А сейчас: «Не знают уже манси Мось и Пор».

«Вот когда люди говорили на одном языке и построили Вавилонскую башню, а потом Бог их разделил на разные языки и национальности, вот тогда уже и манси разделились на Пор и Мось и разошлись в разные стороны», – такова собственная версия Кости о разделении народа по фратриям.

О многом рассказал нам этот старик, похожий на гнома, с большой седой бородой.

Даже его дом со всем, что в нем есть, казался крепким, но каким-то маленьким, как-будто игрушечным. Как самый настоящий гном. Костя рассказывал нам народные сказки и предания, и порой трудно было отличить вымысел от правды (да нам и не хотелось).

«300 мужиков – воинов было в Ломбовоже. Они занимались турнирами на саблях.

После этого уже города Ломбовож не стало, стало – село». Может, и вычитал он это, а может, передаваемые из уст в уста (т. к. письменности у манси не было до 30-х годов XX-го века) народные предания сохранили память о таких далеких днях.

Об этих днях и более далеком прошлом говорится в творчестве народа. Манси помнят о том, а может быть, прочитали сейчас, что «их предки пришли с юга, они пасли там стада лошадей». Неслучайно узор «лув тонгх» – лошадиное копыто – и

Константин Ефимович Шешкин

сейчас встречается на традиционной одежде манси.

Множество преданий и сказок, хранящих память народа, узнал Константин Ефимович от матери, о которой вспоминает с большой любовью и уважением.

Долгими зимними вечерами рассказывали манси своим детям сказки. Молодежь приглашала стариков на ужин, перед ними ставили угощение – вареную заячью голову: «А кто съест вареную заячью голову, должен семь сказок рассказать». Если следовать этой традиции, тот дед Шешкин и за две, и за три головы легко бы «отказался».

Собирателем устного народного творчества был брат Константина – Петр Ефимович Шешкин. Человек очень талантливый – мансийский мастер (скульптор), он писал книги по мансийскому орнаменту. Петр записывал обряды, сказки, песни, предания. После его смерти Константин передал все записи в фонды Березовского краеведческого музея.

Сам Константин до 1955 года почти не владел русским языком. Именно тогда он пошел служить в армию (в Красноярске), там учился в вечерней школе, получил профессию плотника. В 1958 г. вернулся домой, через год женился на Марии (из рода Тасмановых) в п. Лемья. Кстати: Мария Захаровна

очень долго работала киномехаником в п. Хорпия и Бурмантово, была очень уважаемой женщиной (умерла 9 мая 2003 г.) Константин взял ее в жены с трехлетним сыном. Через год сын умер и тяжело заболела жена. «Я понял, что все это сделал Пупыг — их мусульманский бог, мне надо было ехать домой». Пешком из Лемьи я пошел в Ломбовож, там взял оленей (их уже немного было — с десятков), их оставил в Няксимволе и пешком пошел в Бурмантово», (проделав путь на оленях и пешим ходом в 400 километров!).

Да, жизнь иногда толкает в спину, гонит с насиженного места, для того чтобы человек начал думать: правильно ли он живет, во что или в кого он верит...

«О том, как молился отец, рассказывала мне мама. Понял я, что все это из-за бога этого мусульманского, пора в другую веру верить».

Из документов (свидетельства русских очевидцев — как инородцы меняли своих «божков»): «Как мы молились — ты спал и не слышал, ты остарел, ленив стал, ты не годен быть Богом, мы от твоей лености с голоду умираем». «Бывало, «болвана» бросят в яму и не вспоминают о нем, пока вновь не придет удача. Тогда мирились и почитали его по-прежнему. А иногда заводили себе других покровителей...»

В пос. Шекурья (6 км от Саранпауля) была христианская церковь, там «не было попа, а младший брат деда работал там сторожем». Там он немного узнал о христианской вере.

Еще в то время, когда Константин жил с женой на Лемье, ходил он в пос. Накоровка (там 7-8 домов стояло в 25 км от Лемьи) к старообрядцу деду «Сарапыню» (Серапиону Собянину). Дед этот был русский, там же жил старообрядец Бурмантов. Они рассказывали о Боге, о вере, о старообрядчестве. Слушая их разговоры, выбрал для себя веру манси Костя Шешкин — видно, приглянулись ему бородатые работающие старообрядцы, им хорошо помогал их Бог. «Я принял старообрядческую веру в 1967 г». В 1988 году дед Шешкин попал в тюрьму: «Я за убийство отсидел 8 лет, человека убил. Их было трое, они — мусульмане, я — христианин, они не любят христиан. Из-за веры все вышло. Я защищался». (Здесь «страдалец за веру» слукавил: говорят, причина была совсем в другом — оленей не поделили).

В тюрьме Константин много читал религиозной литературы, которую приносили туда баптисты. «После тюрьмы молился неделю в Свердловске, а в 1996 г. в Невьянске окрестился. Сейчас он соблюдает пост, религиозные праздники, не пьет, не курит.

Из мансийской сказки: «Гоняясь за тем человеком, он однажды летел, в каком краю оказался, не знает. Однажды он бежал в образе зайца, мышки, плыл в образе маленькой щуки, в каком краю оказался, совсем не знает... Дошел до того, что вот-вот умрет, со слезами туда-сюда ходит. И вдруг за его спиной кто-то молвит: «Друг! Что ты делаешь? Собирайся, я соскучился!». Он взглянул в ту сторону — стоит его конь. «Садись, — говорит, — на мою спи-

ну!». Сел он на коня. Двинулся вперед, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками»...

По преданию, жили когда-то в Ломбовоже (на родине Шешкина) три человека, они были вроде охранников прохода в «небесный мир».

В Бурмантове, как нам стало известно, тоже живет один из таких «сторожей» мансийских сокровищ земных и небесных. А хранить на Урале есть что. Знаменитая Золотая Баба здесь сокрыта от глаз людских, спрятали и другие сокровища священ- одически появляются сообщения о кладях Колчака, о «сокровищах Валькирии»... Чего только не «напрятали» здесь люди за свою историю!

Так вот, охраняет все эти сокровища человек, которого запросто в деревне зовут — Пашка-вор. Павел Куриков (по паспорту). Спившийся человек, «по чужим избышкам живет», первый манси, который на моторку сел — раньше ведь они всего боялись: моторов, дыма. Таков вот «хранитель». То ли сокровищ все-таки нет, то ли трудно удержать в трезвой голове все тайны вымирающего лесного народа? («Хранитель» умер в 2003 г.).

История манси тянется с севера на юг длинным волосом из косы покойного. Туда, в Хоманел (на «мыс земли человека»), отправляется одна из душ человека после смерти.

Птицы помогают душе перебраться через Урал. Наверное, там, на Родине, все еще дуют теплые ветра, а дальние-дальние предки пасут стада лошадей. Там, как в священном сказании народа манси, услышанном нами от их «князя» Кости Шешкина, только там будет «долгая человеческая жизнь, вечная человеческая жизнь»...

(В тексте использованы сказки, рассказанные Константином Ефимовичем Шешкиным в 2001 г.)

(Продолжение следует).

ДАРСОНВАЛЬ

Когда в рекламном проспекте Анна Петровна прочитала о грязелечебнице Дарсонваля, на нее напало чем-то далеким и не уловимым памятью. Повяло будто бы знакомым, а откуда — не вспомнить, не угадать. Но она уже решила бесповоротно: раз ей все равно, где провести вдруг подаренные судьбой десять свободных дней, то пусть это будет грязелечебница Дарсонваля. Ее пояснице, то и дело о себе напоминающей, суксунские иловые грязи не помешают.

Собираясь, она вдруг вспомнила — что-то будто ее толкнуло — папку с рисунками и этюдами молодой училищно-студенческой поры. Пошла в кладовку, взобралась на табурет и осторожно, чтобы не спугнуть многолетний слой пыли, достала ее с самой верхней полки, что под потолком. «Не ахти какая тяжесть, — решила, не развязывая тесемок. — Приеду на место — разберусь».

Автобус, что привез Анну Петровну к остановке «Грязелечебница», был на этот час последним. Он деловито высадил в освещенную желтыми деревьями осень, кроме нее, еще нескольких поздних пассажиров, которые тотчас канули в темноту, и, скрежеща железом, сомкнул двери.

От остановки к манящему огнями зданию грязелечебницы вела выложенная плиткой и слегка восходящая дорожка.

Ее комната была на двух отдыхающих, но вторая кровать оказалась свободной: грязелечебница в последнюю декаду сентября, похоже, сама отдыхалась.

Не включая света, Анна Петровна подошла к большому окну и отодвинула штору.

Одинокий фонарь освещал задний двор семиэтажки, окаймленный решетчатым забором. Ничего примечательного: куча щебня, неровная горка ржавых труб, почти игрушечный экскаватор с понуро опущенным ковшом, такой же ненастоящий грузовичок... Но дальше, за оградой, чудесным кон-

трастом восходили к небу сосны. Их сливочные стволы светились до самых верхушек кроны и были одинаково наклонены от опушки к чаще леса — как будто в изящном полупоклоне. Вот-вот приподнимут свои шикарные волконскаитовые шляпы на манер мушкетеров Д`Артаньяна.

Что-то заставило Анну Петровну смежить глаза, и перед ней тотчас возникла картинка...

Она включила свет, бросилась распаковывать чемодан, достала со дна его папку и принялась лихорадочно перебирать разноформатные листки ватмана и картона. Вот! На розовом покрывале кровати лежал стародавний, писанный маслом этюд: освещенная солнцем опушка соснового леса. Молодые, еще неокрепшие сосны склонили кроны в полупоклоне...

Да не вчера ли это было? Она выдавила на палитру весь тубик охры золотистой. А ее все было мало, и она велела Володьке принести другой из запаса. Нетерпеливо объясняла, как найти ее чемоданчик в отрядной кладовке, как открыть замок «с секретом», достать завернутые в тряпицу краски.

«Дарсонва-аль! — вдруг осенило ее. Летний месяц в пионерлагере железнодорожников. Канувшее в лету мгновение юности!»

Слепым случаем оказалась Аня вожатой в пионерлагере, что привольно расположился на чистых полянах хвойно-лиственничного бора близ деревушки Дарсонваль, ни прежде, ни затем на ее пути не встречавшейся, не знаемой ранее и прочно забытой потом.

(Дарсонваль... Откуда забрело на Урал это французское имя? Может, по той же okazji, что и Фершампенуаз или Париж, угнездившиеся близ Магнитогорска?).

Аня мечтала тогда о художественном училище и витала в облаке непреходящего творческого возбуждения.

Рисовать она любила с детских пор, а в школе ее сильно взбудорила своим вниманием учительница Вера Владимировна, то и дело оказываясь у ее парты и направляя нетерпеливую, но такую чуткую к оттенкам ручонку. Писание пейзажных этюдов, натюрмортов с цветами, карандашные наброски встреченных на пути лиц стало у Ани страстью, которая, верилось ей, будет сопровождать ее всю жизнь.

Пройдена школа. Мама устроила ее ученицей наборщика в городскую типографию, но на уме у девушки были только этюдник, краски, пастели, карандаши, мелки... Когда из горкома комсомола пришла разрядка на пионервожатую, директор типографии с легким сердцем «сбагрил» в лагерь почти бесполезную ученицу метранпажа.

Но и здесь, едва и наскоро отзанимавшись с детьми, она хватала этюдник с масляными и акварельными тюбиками, папку с листами ватмана и картона, находила укромный уголок и затевала очередную этюд.

В столовой, на каком-нибудь спортивном состязании или пионерском сборе она сидела в сторонке с доской, на которой был приклеен лист, или просто с блокнотиком и набрасывала бесконечные профили лиц, фигуры, плечи, прически... Вечером, когда лагерь уgomонится и сквозь сливочные сосны к двухэтажным корпусам пробьется далекий закат, она ловила акварельными мазками его отблески на стволах сосен, почти фиолетовой коре елей и щегольском наряде рябин.

Добровольным пажем был у нее Володька, тоже вожатый из старшего отряда — худой, нескладный и вечно как будто всему удивляющийся юноша. У него было никак не поддающееся Аниному карандашу лицо. Вернее, надо сказать, лицо-то было ей доступно, а вот глаза... большие, чуть навывкате, светло-голубые в крапинку. Они подолгу на нее смотрели, но уловить и передать бумаге их выражение она не умела. И это обстоятельство было вечным поводом ее брюзжания и капризов. Тем более, что поводов было предостаточно. Володька вечно где-то что-то оставлял, следуя за ее перебежками, и Аня, хватившись то мелков, то нужного тюбика, то штихеля, не церемонилась.

— Эй, ты, разиня в крапинку, где посеял мой капут-мортуум?

Володька сначала долго смотрел на нее, словно бы получив на то разрешение, и вспоминал, что собой представляет этот капут-мортуум, а потом срывался и убегал куда-то в чащу леса.

Все у Володьки и весь он был у нее в неподдающуюся ее карандашу крапинку.

Когда однажды Володька взял да и поцеловал ее в самый неподходящий для этого и несуразный момент, Аня сначала вздрогнула, а потом почему-то развеселилась:

— Ну ты, ухажер в крапинку, смотри, какую ультрамариновую медаль ты мне на блузку посадил.

Особенно Аня любила писать воду. Вода ее при-

тягивала и не отпускала то прозрачностью, то неведомой глубиной, то невероятными переливами света в ее струях и бликах. Если Володькины глаза в крапинку были идеалом достижимым — стоило только захотеть и постараться, то вода... Она была неуловима кистью и так непостижима в своих цветовых выражениях, что поймать состояние удавалось только акварельному случаю, везению, импрессионистской удаче. Маслу вода была недоступна, и когда Ане удавалось-таки какое-то ее состояние передать, то она сама бросалась Володьке на шею, навстречу его несерьезным поцелуям.

Бог мой, сколько, оказывается, осталось у нее от того быстротечного лета в Дарсонвале! Картонки маслом, альбомные ватманские листы акварелей, обрывки бумаги с набросками. И что любопытно: много было потом и других, где-то писанных, не отмеченных памятью, датой, местом, событием, лицом. Даже как-то неловко держать в руках: видишь, что твое дитя, смутно что-то или кого-то напоминает, а кто это? где? как зовут? — забыто, пережито, кануло в небытие... А эти, из Дарсонвала, словно бы меченые все. Ветка рябины, упавшая на неровные доски забора — Дарсонваль (выбрались с Володькой в деревню); клен-подросток с нежным серо-фиолетовым, даже голубоватым стволом и большими листьями-ладонями — тоже Дарсонваль (каждое утро бегали умаваться к его роднику); угол дома с прижавшимся к нему крохотным ельчонком — тоже, конечно он, Дарсонваль, корпус ее пятого отряда; профиль лица, острого, вытянутого, слегка шаржированный — конечно, Дарсонваль, ее Володька в крапинку. Еще и еще — Дарсонваль, Дарсонваль, Дарсонваль, узнаваемый, милый, неповторимый. Уже все розовое покрывало усеяли разноформатные этюды, а она находила в папке еще и еще. Масляно-акварельные плоды того промелькнувшего лета словно бы сами просились в руки.

Анна Петровна смотрела в окно на освещенный фонарем задний двор, на склонившиеся в полупоклоне сосны — сколько им было тогда, этим зеленокудым молодцам? — и было странно хорошо, светло на душе, теплые очистительные слезы текли по ее щекам. Ведь был же, был и на ее улице праздник — с таким странным нездешним забытым названием!

«Ну, здравствуй, Дарсонваль!»

Утро, завтрак, новые знакомства, кабинет врача, потом процедурные кабинеты — все это превратило вчерашнее видение в сон. «А был ли мальчик, — вдруг мелькало в ней, — а может, мальчика-то и не было?»

Только после ужина выдались час-полтора свободного от процедур времени, и Анна Петровна вышла на свет уходящего дня, стараясь воскресить в памяти обрывки вчерашнего воспоминания.

От корпуса, его заднего двора уходила в негустой лесок асфальтовая дорожка. Матерые стволы сосен, берез и елей вздымали кроны высоко в уль-

трамариновое небо. Между стволами все было усеяно молодым древокустарником среднеуральского клена. Его трехпалые продолговатые листья горели охро-золотистым огнем. А среди этого «пожара» то тут, то там вспыхивали затейливые перчатки рябин — то ярко-красным кадмием, то кадмием оранжевым, то желтым. Зато травы «пожар» как будто не коснулся: она выстелилась зелено-коричневым ковром (на палитре надо мешать желтую с черной), по которому только прошла-наследила желтым, красным, оранжевым капризная красавица-осень. Все это было недвижно и ненастояще — как во сне.

Анна Петровна не находила взглядом ничего от прежнего Дарсонваля, как-будто он был и остался только в ней самой и на ее этюдах, по-прежнему устилавших розовое покрывало незанятой кровати.

Справа от дорожки сквозь листву просматривались задворки и крыши селения. Пара-другая любопытных изб как бы раздвинула листву, но и они ничего не напомнили ей из прошлого. Их подновили, как могли, нынешние хозяева-дачники, но дорожка пробежала мимо. Зато между избами-аборигенами стояли бело-краснокирпичные особняки за такими же высокими бело-красными заборами. У ворот сторожились иномарки, за воротами гремели цепями псы, за много шагов чужа приближение чужака и начиная метаться в лае.

По узкой дорожке то и дело шмыгали машины красно-белых дачников, разгоняя по сторонам сухую сосновую хвою и заставляя редкого прохожего жаться к придорожным кустам.

Ничего было не узнать. Не было никаких следов ее Дарсонваля.

И вдруг взгляд упал на деревце с почти фиолетовым стволом двухладонного обхвата с нездешними желто-красными листьями-ладошками. «Батюшки, клен! Да уж не ты ли это?» — картонка с тоненькой веткой деревца-подростка, помнится, лежит среди других на розовом покрывале.

Канадских кленов на территории лагеря росло всего несколько. Аня с Володькой знали их наперечет. Один — тот, что она рисовала однажды утром, когда на его широких ладонях плавали блики солнца, никак не давая ей поймать на палитре нужный цвет, — рос в двух шагах от родника. Был тогда послеобеденный «мертвый час». Своих пионеров они с Володькой оставили беситься в спальнях верхних этажей и ушли к роднику, где была прохлада. Сейчас солнце слева, значит, родник, если это тот самый клен-подросток, будет теперь у него за спиной.

Анна Петровна отвела рукой тяжелую желто-красную ветку, шагнула в лес — и действительно, в двух шагах, как чудо, возник перед ней родник. Это был не тот обихожанный лагерный родничок со скамейкой, исписанной перочинными ножиками пацанов, и железным баннным черпаком на цепочке. А была на месте родника колонка с краником. Кра-

ник не был закрыт, и из трубы неслышно текла тонкая струйка, падала в деревянный желоб и убежала куда-то в чащу леса.

Анна Петровна подставила ладони. Вода была холодной и с привкусом, который тотчас вспомнился ей — пресно-слоноватый, к которому, чтобы напиться, надо было привыкнуть. Помнится, они с Володькой больше брызгались, чем пили эту «лечебную» воду.

Теперь уже ноги сами понесли ее к корпусу пятого отряда — туда, где он был в ее Дарсонвале. Надо было взбежать по утопанной дорожке между молодыми елками на взгорок, пересечь площадку с волейбольной сеткой и скамейками по бокам, свернуть направо...

Площадки не было, густо и чащобно росли деревья, но она помнила направление. И невольно прислушивалась: не донесутся ли голоса расшалившейся ребятни? Но тишину и неподвижность леса нарушало только неслышное падение листьев.

И вдруг среди зарослей она увидела синее облако. В лесу уже слегка смеркалось, и облако походило на недвижимый, словно замерший, дым костра. Бездумно, как сомнамбула, она пошла на этот костер, чувствуя себя единственной крупницей реальности в недвижимом мире сна. А дым, не рассеиваясь, стал обретать очертания ее пятого корпуса — и правда, вспомнила она, все корпуса в их пионерлагере были окрашены светлым ультрамарином. Еще шаг-другой, и Анна Петровна не поверила глазам: перед ней стоял синий двухэтажный дом с верандой — корпус ее пятого отряда. Но теперь он был необитаем и страшен, смотрелся прибежищем бременских музыкантов. Высокие сосны и ели подступили к нему вплотную и дико обнимали стены своими темно-зелеными лапами — в двух шагах пройдешь и не заметишь этого прибежища лесных духов. Некогда красивое здание цвета полуденного неба было полуразрушено и являло взору все свои раны и язвы, нанесенные ему временем и небрежением. Обвалился второй этаж веранды. Окна были незрячими, а из проема одного из них торчала обгорелая балка — наверное, шалили с огнем теперешние подростки. Опавшая кое-где штукатурка стен обнажила охристую дранку — как ребра некогда живого и здорового динозавра...

Анна Петровна стояла как вкопанная: так вот какими глазами смотрел на нее из прошлого ее далекий и солнечный Дарсонваль!

Она повернула голову вправо — там метрах в двадцати стоял корпус Володькиного первого отряда. Он и теперь стоял, едва различимый в чаще елей, таким же замершим синим облаком. Анна Петровна разглядела только крышу: по почерневшему ее шиферу, как большие ночные жабы, расселись кочки мха...

В стороне виделись теперь еще строения, за ними еще... Лес оживал видениями, но сумерки падали так стремительно, что Анна Петровна не

посмела шагать дальше. Она вернулась к колонкороднику, потом к повзрослевшему клену и вышагнула на асфальт.

Теперь лес за спиной клена виделся ей темной и страшной небелью. Кануло все и пропало. «Дарсонваль, Дарсонваль... Ты был или ты приснился мне? И найду ли я теперь на розовом покрывале твои реальные следы?»

Последней в этот день процедурой была у Анны Петровны грязевая подушка на поясничную область. Прежде грязями ее никогда не пользовали. Молоденькая сестричка, улыбнувшись, назвала номер кабинеты.

— Раздевайтесь, я сейчас.

Анна Петровна сняла и повесила халат, проверила, хорошо ли собраны наверху головы волосы, достала из пакета полотенце и выжидательно присела на краешек кушетки: как быть с плавками, она не знала.

— Совсем, совсем, — услышала она за спиной по-доброму смеющийся голос.

Сестра поставила на кушетку таз, двумя ладонями зачерпнула из него черной жирной массы и положила кучкой посреди кушетки на холщовую простыню. Потом еще и еще.

— Ложитесь спиной, — сказала и, подняв черные от грязи руки, деловито глядела, как Анна Петровна, внутренне ежась и прячась, неловко опускалась поясницей на эту грязь, тотчас горячо и влажно охватившую ее.

Она лежала, вытянувшись, на кушетке. Сестра неспешно завернула над ней полы свисающей холстины, накрыла, всюду подоткнув, красно-белым байковым одеялом и ушла.

Анна Петровна увидела высоко над собой конический купол зарешеченного и застекленного черного неба. Она закрыла глаза и оттуда, сверху разглядела себя маленькой красно-белой мумией или коконом бывшей гусеницы, и из черной высоты зазвучала на нее музыка, словно бы ее отпевали в каком-то пустом, высоком, зарешеченном сверху храме.

Уже было такое когда-то — однажды, дважды. Она была вот такая же беспомощная, вся в чьей-то посторонней власти. Но вот только сейчас пришло к ней ощущение, что едва ли и не всю свою жизнь прожила она словно бы добровольно спеленутой невидимой холстиной. Недолго, всего мгновение порхала по божьему свету бабочка...

После училища и института было замужество. Оно пришло событием безудержно-влекущим, не считающимся ни с чем в ее прошлом. Куда-то заброшены были палки, альбомы, краски и кисти. Они были рядом, так близко, что всегда можно было вернуться к ним. Но уже обуяла молодая, тоже безудержно влекущая, семья. Вечно занятый муж, каждодневная рутинная работа в школе учителем черчения, быстрое и довольно легкое рождение дочери, потом тяжелое, мучительное появление сына...

Ах да, вот где она пережила острое ощущение спеленутой беспомощности, которое и потом, оказывается, никогда-никогда навовсе не оставляло ее.

Этот её новый мир, обыденный и притягательный, как измена, был совсем не похож на то дарсонвальское лето. Оно порхало само по себе, сначала манящее и иллюзорно доступное, потом удалившееся, почти неразличимое; и наконец кануло навсегда.

Несколько раз Анна Петровна доставала этюдник, брала с собой на семейную прогулку, потом на дачу, выкраивала время, чувствуя за спиной то снисходительное терпение мужа, то бесцеремонное, но на цыпочках, любопытство детей. Но ужас, ужас! Какими беспомощными, закоснелыми были ее руки! Ее глаза, ее душа видели, хотели, чувствовали, а руки... Они были чужими ей, боялись и не узнавали красок. Скомкав очередной лист, разорвав надвое картонку с этюдом, Анна Петровна, извиняясь за минутное безделье, возвращалась восвояси.

Но были-таки минуты, когда руки словно просыпались. Это случалось на уроках в вузе, где Анна Петровна уже долгие годы вела рисунок. Они вдохновлялись неожиданно для нее самой, когда она оказывалась над чужим наброском, в котором вдруг что-то узнавалось ею. В беспомощном, еще не знающем оттенков и пропорций. Но было в этом карандашном уродце знакомое ей молодое желание постичь и освоить — в каждой линии, в каждом штрихе. И руки вспоминали это! Они брали карандаш или мелок и одним-двумя неуловимыми движениями что-то меняли в рисунке — и это было как озарение, как наитие. Она видела, что рисунок оживал. (Господи, да не было ли это возвращением к ней Дарсонваля!) Анна Петровна нехотя отдавала карандаш и, счастливая, как освободившаяся от куколки бабочка (да, да — как та девчонка из Дарсонваля!), шла-летела к другому рисунку. Редко какой урок обходился без такого вот подарка. Теперь она знала: подарка Дарсонваля!..

...Пришла сестричка и с деловитой улыбкой распеленала ее.

Потом она, счастливая, долго-долго стояла под прохладным ласкающим душем.

Петр Евладов - член Союза журналистов России. По вузовской специальности киноактер, по газетной профессии - художник, по литературному предпочтению - поэт. работал в газете «На смену!», на киностудии и телестудии. В начале 50-х годов подвергался репрессиям. 40 лет отдал «Вечерке». Автор нескольких стихотворных книг и многих публикаций в журналах и сборниках. Живет в Екатеринбурге. Очерк «Генсек Киров» был впервые опубликован в газете «КЛИП», 1991, № 11.

Генсек Киров

...Я должен был запомнить суть фактов, данных мне в сжатом виде, как бы специально «для длительного хранения». Прошло с тех пор 53 года — едва ли не человеческая жизнь.

Летом 1951-го года в камере № 49 тюрьмы города Свердловска Николай Александрович Полетаев рассказал мне нечто тайное о XVII съезде ВКП(б).

Работал в 1934 году Полетаев в Москве, «в органах». Его положение обеспечивало осведомленность о происходящем на партсъезде.

Задолго до начала съезда 1934 года в партии распространились слухи о том, что Сталин скрыл ленинское политическое завещание. И вот, спустя десять лет после смерти Ленина, утаенные эти ленинские документы старые ленинцы решили на съезде огласить. Все, что Сталин смог против этого сделать — не допустить зачтения в общем зале, а провести ознакомление по делегациям, келейно.

Этот эпизод стал известен со времен опубликования при Хрущеве этих ленинских «писем к съезду». Неизвестным остается поныне то, что за этим на съезде последовало.

Мнение Ленина об опасности вождя-диктатора и о необходимости его смещения с поста генсека сработало, стало стимулятором, взрывателем убийственной критики в адрес Сталина в прениях по его отчетному докладу, полному лжи о «победах». Миллионы погибших от голода, насилий, репрессий, развал экономики после разгрома ленинского НЭПа, невыполнение фактически по всем позициям плана первой пятилетки, личный вождизм и диктаторство — все было предъявлено Сталину сполна. Он был полностью развенчан как вождь. А в нескольких выступлениях был поставлен вопрос об исключении его из ЦК и даже из партии.

После прений от Сталина потребовали ответного слова — объяснений по существу критики, — и он, униженный и посрамленный, был вынужден покаяться во всех своих грехах, просить поверить ему, что он осознал всю свою вину, дать возможность искупить ее.

Невключение Сталина в список для голосования в состав ЦК произошло бы автоматически, если бы не Киров: он был единственным, кто неожиданно выдвинул Сталина и настоял на его кандидатуре в состав ЦК.

О том, как при этом тайном голосовании Сталина оценил съезд более чем двумя сотнями голосов «против», как счетная комиссия скрыла это, представив съезду ложь, — уже стало известным из ряда публикаций. Но то, что произошло далее, долго оставалось нераскрытым.

...Съезд был потрясен тем, что доложила счетная комиссия — будто Сталин получил «против» всего два голоса как и Киров. Заподозрили подтасовку.

Недоумение переросло в возмущение, в недоверие вновь избранному ЦК, коему предстояло избирать генерального секретаря. Делегаты потребовали изменить этот порядок и избрать генсека немедленно, всем съездом, путем открытого голосования поднятием мандатов.

Но возникла проблема: к этому часу съезд намечалось закончить, и на Красной площади должен был собраться многотысячный митинг. Однако съезд настоял на выборах генсека безотлагательно.

Назван был единственный кандидат — Киров. Но он выступил с самоотводом, мотивируя тем, что он не теоретик, что молод и недостаточно опытен, что не справился еще с делами ленинградской организации и т. п. Киров снова выдвинул Сталина, напомнив о его заслугах и достоинствах. Самоотвод Кирова был ре-

шитительно отклонен, но съезд был вынужден зарегистрировать Сталина вторым кандидатом.

Состоялось голосование: за Кирова — лес мандатов, подавляющее большинство. Буря оваций проводила Сергея Мироновича на трибуну, для «тронной речи». Овации долго не давали ему начать говорить. (См. снимок).

Киров в этой речи, поблагодарив за доверие, сразу перешел снова к тому же, что уже говорил в пользу Сталина. Он сказал, что съезд совершил историческую ошибку, что есть еще возможность ее исправить. Киров просил внять словам его — хотя бы потому, что это уже мнение генсека. Настаивая на том, что Сталин — теоретик признанный, стратег испытанный, революционер верный, ветеран закаленный и прочее в этом духе, Киров заверил съезд в том, что нет оснований сомневаться в искренности покаяний Сталина. Он предложил провести переголосование — утром, на свежую голову, когда сегодняшнее возбуждение и утомление не будут действовать на делегатов.

Съезд не мог не уступить авторитету, красноречию, обаянию Кирова: на утро было назначено дополнительное заседание для переголосования.

Рассказывая, Полетаев, особо подчеркнул свое личное участие в утренней фальсификации голосования.

Ночью «по тревоге» была тайно собрана большая группа функционеров на секретное оперативное совещание. Им было сказано, что на съезде антипартийные силы начали, по существу, контрреволюционный переворот: заменили на посту генсека Сталина на Кирова, в расчете на то, что над ним, молодым, будет легко одержать победу в дальнейшем. Но сам Киров — верный сталинец — сумел добиться переголосования.

Перед собравшимися была поставлена задача обеспечить результаты, а именно: получить подложные мандаты делегатов съезда, по ним явиться на утреннее заседание и проголосовать за товарища Сталина.

Предложено было, чтоб не вызвать подозрений, не вступать в разговоры с делегатами, а в случае разоблачения — застрелиться на месте, для чего иметь при себе (тайно) личное оружие. После голосования подложные мандаты немедленно сдать.

В то время и Полетаев, и другие, такие же как он, ни секунды не сомневались, что творят «святое дело» — спасают социализм, партию, революцию и т. д. и т. п.

Утром этот план был выполнен. Никаких затруднений не возникло, отсутствие нужного количества настоящих делегатов было обеспечено: многих еще ночью отправили домой по заранее имевшимся билетам (ведь продлить съезд не предполагалось), а нужное число не уезжавших срочно направили в различные трудовые коллективы рассказывать об очередном судьбоносном событии в партии — о съезде — по заранее заготовленным для них текстам.

На этом можно было бы закончить мой рассказ, это конец полетаевского свидетельства, как такового.

Но я считаю необходимым хотя бы кратко сказать об этом героическом человеке.

...После окончания описанной утренней съездов-

кой акции, в тот же день 1934 года Полетаев лег в госпиталь. (Направление на лечение он получил еще до съезда, носил его в кармане). У него было профзаболевание — экзема по всему телу на почве нервных перегрузок.

Уже была решена и его дальнейшая судьба: с таким дефектом он не мог оставаться на секретной службе, и уже был оформлен перевод в политуправление Военно-Морских сил.

В госпитале Полетаев пролежал более года. За это время произошли известные трагические события — убийство Кирова, репрессии. Выйдя из госпиталя, Николай Александрович убедился, что никого из связанных со съездом товарищей по службе уже нет: он один остался в живых, забытый совершенно случайно, спи-санный уж давно из прежнего ведомства.

Войну встретил в чине капитана третьего ранга, оборонял Одессу, а затем Севастополь, где был тяжело ранен и вывезен на подлодке на материк. Подлеченный, продолжал служить до окончания войны — его использовали для выполнения заданий, связанных с реализацией военной помощи союзников, посылали в США, в Англию. После войны работал в лесной промышленности.

Арестовали Полетаева весной 1951 года. Мы быстро в общей камере заметили друг друга, познакомились. Меня, препроводив в тюрьму, не вызывали затем почти полгода. То же творилось и с Полетаевым, и мы имели много времени для бесед.

Однажды Полетаев сказал, что если его догадка верна и его насчет 1934 года изучают, то ему грозит «форточка» в черепке, чтобы выветрилось из головы лишнее. Сказал, что не имеет права дать похоронить вместе с собой историческую правду, что решил передать ее мне, молодому журналисту, чтоб я ее обнаружил, когда придет время «собрать камни». Сам он не надеялся дожить до этого и меня особо предупредил насчет смертельной опасности — быть «носителем информации» такого рода, пока правят Сталин и сталинцы.

...Прошли десятилетия.

И вот — кадры кинохроники о том съезде, в новом документальном фильме к 1 декабря, дню убийства Кирова: он на трибуне, неумная буря оваций... а в тексте — ни слова, что это не просто восторг Кирову, а генсеку Кирову!

И вот появляются у историка строки, мол, так и так, а что дальше было на съезде — неизвестно... И возникает у беллетриста художественный домysel — изображение раздумий Сталина, мол, вот какой нескромный оказался Киров — ему предложили с мавзолея выступить вместо Сталина, а он ведь не отказался...

А выступал Киров с мавзолея именно потому, что он, а не Сталин, был в тот вечер Генеральным Секретарем ЦК ВКП(б). Откуда бы иначе могла возникнуть необходимость Сталину срочно убить вернейшего Кирова? Если бы был триумф Сталина на «Съезде Победителей», то зачем бы Сталину истреблять поголовно всех этих «победителей»-свидетелей? Полетаевские свидетельства расставляют четкие логические «точки» над этими вопрошающими «и».

Ворона токует

Прозрачное насквозь утро в лесу. Через палатку всегда слышно больше, чем без нее, поскольку в палатке тебя не видно. В лагере затишье — всю ночь прогалдели, теперь успокоились. Птица какая-то незнакомая.

- Ты знаешь, кто это?
- Ворона.
- Да нет. Я серьезно спрашиваю.
- Ворона.
- Совсем не похоже. Что это с ней?
- У них брачный сезон.

Прозрачное утро. Прохлада и чистота. Спокойно.

- А я шоколадку ела и тебе половину оставила. Будешь?
- Давай.

Ворона так ворона. Пускай ворона токует. Да уж. Атакуют мысли со всех сторон. Хорошие мысли. Прозрачные.

- Давай вставать, пошли костер разводить.
- Спи давай.
- Я не хочу спать. Утро же.
- Спи.

Не буду я спать, шуршать буду. Мыслями. Я и вставать предлагала чисто формально, чтобы получить разрешение валяться и слушать лес. Ветер. Кажется, что даже облака слышны. Только ради такого утра стоило ехать, оторваться от учебы, работы, семьи — от всего. Только в лесу человек представляет самого себя, а не свой социальный статус. В лесу проще, чище и настоящей. А важная дребедень незаметно отходит на второй план. Поэтому я здесь и всех люблю — просто потому, что хорошим набита после утра, ветра и облаков. Да еще если ворона токует!

А они умудряются и здесь устраивать конкуренцию. Любишь — люби, но чтобы всех — вроде как непорядок. А сами атакуют — и отступают, атакуют — и отступают. Вроде как взятие Бастилии — дело рук самой Бастилии. До смешного. О чем то бишь я? Да все о том же — ворона токует и ждет, когда ворон ее атакует. Ворона тоскует. Даже если это не совпадает с теорией зоологии.

Воронята

Полуразрушенная смолинская церковь. Красивая, фигуристая, кирпичная. По карнизам расселись вороны, как шишки. Внутри через копоть просматриваются цветные сюжеты на стенах и потолке. Через дверные и оконные проемы проносится ветер, а при определенном раскладе — может гудеть. Вороны снаружи разволновались было, потом успокоились, как только пришельцы внутри затихли. В таком своем обличье церковь воздействует даже сильнее, поскольку ломали ее, жгли, а — выстояла. И сохранила гордость, царственную осанку и силу. Местные жители говорят, что приезжала недавно делегация, серьезные мужички в галстуках деловито осматривали стены, что-то горячо обсуждали, спорили и уехали с обещанием заняться реставрацией памятника.

Сделали несколько кадров смолинских фресок, пора обратно двигаться. На выходе у разбитой кирпичной кладки воронята в траве глазами блестят. Родители на верхотуре опять шум подняли, еще немного — и заклюют. Мягкие, графитовые воронята, пушистые. Решили их сфотографировать, наклонились поближе — один хлоп клювом с размаху! Он и сам за себя постоять может, а ну как еще мамка подоспеет — впору ноги уносить.

Несколько деревенских мальчишек, до блеска обкатанных ветром и солнцем, искрящихся жизнью, попались у забора навстречу:

— Идите прямо через лес до пещеры. Тут недалеко, метров пятьсот, может. Только правее держитесь.

Ну и пошли мы через лес. Он тут неровный, холмы, овраги, кустарник-валежник. И комаров орда. Комары непуганые, кровожадные, идешь-бежишь, руками машешь — и то откусывают. Шансы добраться до пещеры убывали с каждым десятком кровососущих, поэтому вышли к воде, на берег. По берегу идти не всегда возможно, иногда траверсом ползти по скалам, иногда по камешкам прыгать. Вброд пытались на другую сторону — глубоко, и течение неслабое. Решили дальше пройти. Сломали по длинной ветке — комаров бить — и бегом по лесу. Какие уж тут пятьсот метров, добрых километра три-четыре отошли. До первых палаток добрались, спросили — оказалось, пещера-то здесь на противоположном берегу от лагерей находится. Как раз группа желающих из пещеры выползла — все грязные, мокрые и дово-о-ольные: теперь только в Исети полоскаться.

Предыдущей ночью набарагозились, этой большинство все-таки немного поспать решилось. А мы на камни среди реки забрались, сидели и слушали шум воды, которая уже несколько сотен, а то и тысячетелетий прокладывает себе здесь путь. Пленяла своей мощью, настойчивостью и упорством. А скалы впитывали эмоции, чувства, слова и по сей день по-своему рассказывают, даже кричат о самых красивых и страшных.

Вдогонку

Утром морозным спесь облетела, снегом и слезным осень запела; перекликаясь в зимнюю клеть, ветер из глаз выдирает резь, надолго теперь не придется пестреть, хотя и на это ведь как посмотреть. Быть может, иначе и даже не здесь, но страх подкрадется, поэтому — лучше слезь...

Щас! Не дожدهшься, хоть задождись. Насмерть по наледи выбиться в люди, выбрести в холоде мысль сокровенную и, улыбнувшись озябшим лицом, поймать зарождение жара; голод и ног усталость докажут, какая малость способна совсем добить, вернемся к вечному пить; подставка для телерадара сдвинется от удара нахлынувшей темноты, жизнь обломком плиты, немеют плечи и пальцы, сумбурно вспомянув вальсы, грех раскрывает рты... так возникаешь ты.

На обрыве споемся...

Новогодний роман

...Мы, словно пугаются во тьме, и наш удел — идти вперед...

Для всех знакомых и окружающих это была странная пара, и не только из-за разницы в возрасте в 12 лет. Они и появились на свет в разных концах огромной страны, но внешне были удивительно похожи — как брат с сестрой, как одногодки. У обоих каштановые волосы, карие глаза, одинаковый рост, ещё стройные, спортивные фигуры. Только вблизи можно было увидеть необратимое серебро в причёске мужа, тонкие морщины вокруг глаз. Они долго шли навстречу друг другу и потеряли много лет счастья. Он до неё был женат шестнадцать лет, она три года была замужем, и непросто было увести её от мужа. Но всё когда-нибудь кончается. За 3 года замужества Надежда так и не забеременела. И однажды, устав от сомнений, прижала своего очкастого мужа к стенке: «Давай выкладывай, дорогой, в чём причина бездетности? За себя я спокойна, в нашей родне с деторождением всё в порядке до четвертого колена, папка мой вообще три раза был женат, и везде выросло умное и здоровое потомство!». Так и расколола она своего Сергея; оказалось, что в воинской части РВСН, где он прослужил 10 лет и заработал майорские звёзды, все мужики заработали и эту проблему. Проклятая военно-ракетная карьера начисто исключала наличие потомства.

— Извини дорогой, любовь любовью, но мне в 30 лет пора рожать от того, кто меня хочет.

— Неужели был кандидат, — встрепенулся Сергей.

— Был, был, но это всё очень чистые отношения, не ревнуй. Оставайся в своей квартире, а я ухожу! — сказала Надежда и съехала с улицы Гимназистов обратно к маме. Развод оформила сама. Дама она была решительная и быстрая, как тигрица.

Был в этом переезде один хороший момент. От маминой квартиры до работы всего два квартала пешком по улице Войковского. Незаметно,

как бы само собой, завязались вновь дружеские отношения с давним поклонником Егором, которого вроде бы и отвергла 3 года назад. Прогулки после работы на зимнем воздухе, разговоры про жизнь и про любовь быстро переросли во взаимное предложение руки и сердца. Егор долго не тянул, быстро официально расторг отношения с первой женой, оставил ей квартиру. Всё, что связывало их, уже было изжито, безжалостное время не оставило от бывшей любви ничего, только воспоминания.

Новый брак зарегистрировали 12 января, между Новым и Старым новым годом. На несколько дней пришлось перебраться к будущей теще. Та, понятно, встретила нового зятя с холодком. Сама была в разводе с отцом Надежды более 20 лет, и обида всё ещё сидела в сердце. Мать и дочь были очень похожи, только мать в свои 55 лет была уже полноватой, но ещё не потерявшей своей привлекательности. Он сразу стал называть тещу «мамой», это получилось как-то сразу и естественно. Теперь Егор знал, как будет выглядеть его новая супруга через 20 лет. Истинные чувства точному расчёту не поддаются, говорят, любовь слепа. Ну, что выбрал, то выбрал, это уже его. Ещё говорят, если дочь похожа на мать, то она повторит её судьбу; в какой-то степени это уже начало сбываться. Тещу тревожила разница в возрасте дочери и её нового избранника — всё-таки 12 лет. Хотя у них и много общего: одинаковый уровень образования и 7 лет работы в одном медучреждении.

Зять, будто угадав тревогу тещи, сам завёл разговор: «Мама, ну чего вы переживаете по этому поводу, я люблю Надежду, я сделаю её счастливой, и на это у меня уйдёт вся оставшаяся жизнь. Мужчины уходят на пенсию в 60 лет, за оставшееся мне время планирую сделать Надежде ребёнка, вырастить его и пристроить на первый курс института. Всё остальное приложится! Первое время поживём на квартире, мы ведь оба работаём».

После таких слов теща растаяла и успокои-

лась. Егор сдержал своё обещание, через неделю молодая семья сняла квартиру на год, и переехала в небольшую гостинку напротив горбольницы. К удивлению жены и тётки, Егор оказался хозяйственным мужиком. За неделю жизни в их квартире он починил все текущие краны, нерабочий бачок в туалете, перебрал и смазал вечно заедающие замки в двойных дверях, и даже сделал верхний свет на кухне, не работающий уже 7 лет и не поддававшийся ремонту силами электриков из ЖКО.

Дальше семейная жизнь потекла своим чередом, полнокровно и регулярно. В запланированный и положенный срок Надежда забеременела. К удивлению врачей из женской консультации, беременность протекала очень легко. Хотя по всем канонам Надежду относили уже к «старородящим». Никаких токсикозов, перепадов давления и прочей дряни у неё не было. Словно бог, наконец, дал и им кусочек счастья. На шестом месяце будущей маме пришлось идти на плановое дородовое УЗИ. И там на экране монитора высветилось такое, что на консилиум собрались врачи всей смены. Равнодушный ультразвук высветил... тройню. И не просто тройню, а трёх девочек. Современная эхографическая техника УЗИ уже показывает наличие отростка, по которому отличают мальчиков от девочек. Притащили и подключили импортную звукоусиливающую приставку; на фоне мощных ударов Надеждино сердца ясно прослушивалось биение трёх маленьких сердечек, каждое из которых было размером с карамельку. Будущая мама была не столько удивлена, сколько раздосадована. Было две встречи лично с Фёдором Анатольевичем, был грамотный разговор в таком направлении: случай-то уникальный; в семье врачей сразу тройня будет, такое один раз в 30 лет бывает, вот где все могут увидеть заботу мэра о жителях. Можно всех журналистов смело собирать и поднимать рейтинг мэра Сибирякова. А вот если не выделит администрация 4-комнатную квартиру несчастной семье бедных врачей, то тут все местные СМИ такой вой поднимут. Целый новогодний переполох противникам мэра. А телеканал «Крем» не только рейтинг у мэра опускать будет, но и вообще вытравляет его всё, что торчит выше имиджа. Вот такая квартирная политика, тут советы из книг Дэйла Карнеги не очень помогут.

И вот первые обещания вроде бы были получены. Далее начался этап сбора справок из жилищных контор, из отдела кадров, из женской консультации, из налоговой, ожидания в очередях под дверями раз-

ных кабинетов в разных конторах, ходатайства от профсоюза, из горздравотдела и прочее-прочее. Надежду он в это дело особенно не вмешивал, справедливо полагая, что униженное положение бедных просителей не прибавит здоровья будущей маме. Сам же участковый врач Радзиховский на некоторое время забросил работу, и перевоплотился в профессионального попрошайку.

Несколько суток после последнего разговора в кабинетах мэра и первого зама Егора мучила бессонница. Мучительное ожидание опять затянулось. Было желание напиться и всё бросить. Всплыли из памяти мудрые слова первой жены, сказанные при расставании: «...Хоть я и прожила с тобой 16 счастливых лет, но обратно не приму, не надейся, поэтому постарайся сделать новую жену более счастливой, это твой долг на оставшуюся жизнь...». В одну из холодных ночей привиделся странный сон, скорее, наваждение: Егор, почему то в теле морского котика, бьётся грудью о скалистый берег, пытается выйти из чёрной холодной воды на сушу, одновременно увёртываясь от острых зубов морского леопарда и касатки, но никак не может подняться из воды

на берег; вот уже и грудь разбита в кровь, и силы уходят, но везде крутой непреодолимый берег...

Конечно, он и сам понимал, что сейчас никто так просто не придёт и не скажет: «На, Егорушка, возьми квартиру, живи на здоровье!».

Но всё пошло как по маслу. Где-то высоко в небесах провернулись невидимые коясики, что-то соединилось в тёмных недрах мрачного здания городской администрации, и шар удачи упал прямо в протянутые руки Егора. Ему наконец позвонили из общего отдела мэрии и предложили прийти за смотровым ордером. Помогло и то, конечно, что главврач конторы был в хороших отношениях и с градоначальником, и с его первым замом, и с главным строителем города.

Ну, а что будущая мама? За оставшиеся ей два месяца до родов её регулярно показывали по всем метровым и дециметровым магистральным телеканалам. И Егор при регулярных встречах с корреспондентами разных СМИ, в том числе из «Российской газеты», «Медицинской газеты», регулярно озвучивал согласованный и заученный текст о наличии в городе доброго заботливого мэра, помогающего многодетным семьям и «отвалившегося» семье бедных врачей благоустроенную хату из резервного фонда. Впрочем, это уже было чистой правдой. Чем больше рос живот беременной Надежды, тем больше рос и рейтинг мэра. Положительная информация о деловом хозяйственнике быстро прошла и в Совет Федерации, и в аппарат полпреда президента. Один раз только сорвался Егор — когда без приглашения припёрлись в их маленькую гостинку шустрые телеканальщики из «Край», стали крупно снимать живот уже уставшей Надежды и задавать провокационные вопросы против Сибирякова.

Пришлось применить флотские навыки и выставить всю «телебанду» из подъезда. Хотя он и понимал, что эти люди тоже на работе, но совесть Егора была спокойна: «Тот, кто помог моей жене и детям, мой друг навсегда, и точка!». В общем, каждый получил своё, всё честно.

Молодая мама точно в срок родила долгожданных и крохотных тройняшек, удивительно похожих друг на друга и всех вместе — на отца. Правда, напоследок Надежда удивила всех ещё раз: трудные роды-то произошли в новогоднюю ночь. Сначала было сомнение, всех ли удастся выводить. Но три маленькие крошки упрямо цеплялись за эту жизнь и не хотели умирать. Будто знали, что их отец часами простаивал под окнами первой палаты физиологического блока, а сверху, с неба, на его голову падали серебристые снежинки. Они уже никогда не растают. В них, этих девчонок, будет смысл его оставшейся жизни.

Первое время дочки лежали в специальной камере, их вынимали и подавали матери только для кормления и процедур. Но через 15 дней выписали совсем. Ни мама, ни малышки, к счастью, уже не нуждались в специальном лечении.

Счастливый Егор начал готовиться к появлению своих женщин: в нелюбимой ещё квартире вымыл с хлоркой полы, расставил кое-какую мебель, приготовил зимнюю одежду для жены. Всё необходимое для малышей было куплено тещей заранее. Приехал в малолюдный роддом на такси и увёз своё ревущее семейство в ещё почти пустую, но уже свою большую квартиру.

Что ждёт их всех в будущем? Наверное, то же что и другие семьи с малыми детками, да и нас всех. Работа, дом, семья. Труд, отдых, заботы. Всё только хорошее.

Храни нас Господь и в Новом году!

Любимый и самый дорогой читатель,
поздравляем тебя с Новым 2005 годом!
Любви, удачи и здоровья желает тебе
вся редакция «УС». Пусть Новый год
принесет тебе только радостные моменты.
А мы, в свою очередь,
попытаемся помочь ему
сделать твою жизнь чуть-чуть интереснее
и разнообразнее.
Поэтому в следующем году по-прежнему
захватывающие уральские приключения и истории.
Ведь ты живешь в самом чудесном месте на земле!!!

Работающая только для тебя редакция «УС»

*Мир будет чуточку иначе!
- Пусть в наступающем году
Вас поведет тропа удачи,
И не петляя на ходу.*

*Пусть счастьем будут не забыты
Ни взрослые, ни малыши,
Его уральским следопытам
Я и желаю от души!*

Юрий Конецкий

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

- * Соответствие темам:
 - * Урал – горная страна
 - * Городской пейзаж
 - * Жизнь уральцы
 - * Крайние земли
 - * На грани...
 - * По следам предков
- * Предоставление информации о снимках:
 - * Условное название снимка, краткое пояснение
 - * Дата съёмки (если известно)
 - * Район, запечатлённый на снимке, если это важно
 - * Объект (если известно)
 - * Персонаж (если известно)

3. Информация об авторе

- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон

- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка

- не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив)
- или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, tif 300dpi 200 x 300.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой "ФОТОКОНКУРС". Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

НА ГРАНИ...

Спортивный туризм.

По реке можно попасть в самые удаленные места.

Необходимо только уметь управляться с веслом, крепко держаться в дугах катамарана и безоговорочно выполнять команды капитана...

Победитель фотоконкурса Антон Григорьев

Новогодняя сказка

Нет, Фее и в этот раз удалось чародейство, платье на Золушке было чудесное: всё затканное живыми цветами, жёлтыми и розовыми, источающими чувственный жасминовый аромат и продолжающими распускаться из бутонов в роскошные матовые страстные опалы; в складках порхали золочёные ангелочки, ведущие перестрелку из таких же золочёных крохотных луков, а шлейф плескался настоящим озером с прелестными утятами, которые норовили взлететь, поскольку считали себя совсем взрослыми.

Просто Зиме в тот год надоело быть "тоже" (Зимой тоже весело! Зимой тоже много развлечений! Зимой тоже приходит любовь! Зимой тоже скучно умирать!), и она, топнув копытцем, учудила на Рождество то, что никто, кроме неё, делать не умеет: завалила снегом землю так, что дышать стало нечем. Нужно было вставать на цыпочки, чтобы дотянуться носом до верхнего края сугроба и вдохнуть шипучего шампанского воздуха, в котором вместо пузырьков сталкивались между собой снежинки, смеющиеся по причине полной своей безмятежности.

И поэтому Паж Феи направил карету Золушки мимо поворота к Королевскому замку и завернул на следующем, не заметив указателя (а может, его и не было, если стрелка упала от ветра или была хулигански выдернута шаловливым гномом, которых много развелось в тот год). Однако замок Спящей Красавицы был ничуть не хуже, только вместо фейерверков были бенгальские огни, поскольку верхние залы, как положено, спали, а в нижних выходила замуж Дюймовочка за своего странноватого Эльфа, прифрантившегося по такому важному случаю.

Нашей Золушке так хотелось танцевать, что уже в карете она начала выбивать такт каблучками хрустальных туфельек, а войдя в зал, забыла обо всём, закружив беспечный экосез, причём утята на её шлейфе притихли от яркого света и сидели молча, забывшись в камыши.

А Прекрасный Принц на другом балу, в другом замке, восхищённо вёл в танце свою невесту, очень милую, надо заметить, барышню — красивую, добрую и весёлую, не знающую, впрочем, пока, что на её воспитанную сдержанность уже через год Принц ответит презрением, и за эту свадьбу с совершенно чужим для неё человеком им обоим придётся расплатиться одинокой участью парадных портретов. Её белое платье светилось жёлтым на иссиня-чёрной отрешённости неба в жёстком проёме окон.

Ночь устало брела к рассвету, снег опутал ветки. Золушка в дрёме ехала домой; платье не исчезло в полночь, просто цветы под утро завяли, озеро замёрзло, а выросшие утята улетели в тёплые страны. Только хрустальные туфельки Золушка, как всегда, бережно спрятала до следующего Рождества. На диване мирно посапывал муж Золушки, научивший её танцевать. Он перемыл всю посуду и разобрал фасоль на белую и цветную, хотя, надо заметить, был уверен, что фасоли-то как раз всё равно. Что делать — он не любил балов, предпочитая горькое пиво в компании друзей, и Золушка раз в год ездила туда одна. Зато рассказов хватало до следующей зимы, когда вновь и вновь Эльф женился на своей брошенной на лето Дюймовочке.

В далёком теплом море билась, растворяясь в прибрежной волне, Русалка, любившая Прекрасного Принца.

Счастье — это когда тебя понимают.

Ольга Карякина окончила филологический факультет УрГУ. Заведует отделом искусств Центральной библиотеки им. П.П.Бажова в г. Лесном Свердловской области. Там же руководит филиалом Екатеринбургского отделения общества «Россия – Япония».

Календарик

Один знакомый художник увлекался рыбалкой, любил тайгу, интересовался шаманством. Он творил из глины фантастических существ с драгоценнокаменными глазами, «ювелирил» диковинные амулеты потрясающих размеров. Художник обожал красивые вещи, хотел делать такие же.

Несомненно, он был талантливым художником. Занимался также графикой и живописью. Графические его работы отличались технической сложностью и опять же фантастическими сюжетами. Рыбы, птицы, женщины переходили друг в друга, создавая замысловатую композицию с намеком на философский вывод. Живопись мастера представляла суровые уральские пейзажи, удручающе действующие на многих зрителей. Мне они нравились.

Художник жил обособленно, не любил лишних знакомств, не считался с мнением большинства, общался избирательно и в грубоватой манере. Я входила в число тех, с кем разговаривали. А в период организации его выставки в нашей библиотеке мы даже как-то сдружились.

Первым презентом мне был маленький черный календарик с фотографией красного керамического бульдога — творения художника, являвшегося его гордостью. Красный человекообразный бульдог имел зеленую пасть и нефритовые глаза. Голову, лапы, грудь украшали золотые кольца-ручки. Пси-на сидел, сложив передние лапы, как руки, на коленях нижних (то есть задних) лап.

Календарик был сделан из плотной глянцевой бумаги и выглядел очень прилично. Я поместила его на своей тумбочке перед зеркалом, где стояли баночки с кремом и духами. Так я делаю со всеми подаренными открытками, телеграммами:

растыкиваю их по свободным местам. Черный блестящий календарик с красным бульдогом я воткнула в коробку с туалетной водой, и он торчал из нее в течении длительного времени. Иногда я пользовалась его обратной стороной. Выпученные зеленые глаза и расставленные лапы бульдога меня уже не смущали, я привыкла к нему и почти перестала замечать.

Но в один не прекрасный день уборки, вытирая пыль с ароматной тумбочки, я обнаружила на торчащем углу календарика непонятные проколы. Пустячок, но неприятно. Никто тут не должен был ничего трогать. Даже разозлилась немного. Загадочная природа дырок заставила задуматься...

О, дошло! Это Генрих прокусил!!!

Вобщем-то наш умный котик хоть и лазил кое-где, но не на эту душистую тумбочку. Он мог пройти ее краешком по пути на подоконник, но никогда здесь не сидел и ничего не «лапал». И вдруг такой вандализм — взял и прокусил красивый календарик! Я обиделась на кота, немного разгладила края рваных дырок и убрала календарик подальше, в альбом.

Потом, вспоминая этот пустяковый случай, я удивлялась: ни до, ни после Генрих не тронул зубами ни одной бумажки на моей тумбочке. Мистика какая-то...

Может, наш кот таким образом сразился с фантастическим бульдогом, защитив нас от его недоброго влияния, «обезвредил» чудовище. Принял, так сказать, на себя все отрицательные волны, ведь умер Генрих молодым.

Теперь я думаю: нести ли мне домой керамическую птицу, подаренную художником... Или сначала завести нового кота?

В оформлении использованы работы Инны Лебедевой-Грачч.

Дорожный эпизод

Я вошла в вагон одной из первых. В этот день я сдала последний экзамен и испытывала чувство усталости и радостного облегчения. До дому — часов пять. Я настраивалась взять постель и лечь спать. Плацкартный вагон потихоньку наполняется пассажирами, только в мой «отсек» никто не заходит. Как хорошо!..

И раз... Боже мой... Вошел парень с бритой головой. В то время не было принято так ходить (в моде — длинные волосы). Из вещей у него — только журнал «Огонек». Парень плюхнулся на сиденье напротив и нагло уставился на меня. С надеждой посмотрела я в сторону прохода, но люди шли мимо. Попутчик вытянул ноги, тем самым обнаружив тряпичные домашние тапочки на них. Этот факт окончательно подтверждал мое предположение: передо мной — уголовник. От неудобной такой ситуации я решила даже, что — сбежавший уголовник. Весь его облик — очень простая одежда: бритая голова, тапочки и отсутствие вещей — не давали усомниться: я попала в трудную ситуацию. Парень сходу начал разговаривать, чем еще больше меня испугал. Как назло, к нам никто не подсаживался. Мне было не по себе. Сделав невозмутимое лицо, лихорадочно придумывала предлог уйти в другое место.

Крохотная щетинка на голове парня сообщала, что волосы у него черные, в глаза я боялась посмотреть. Что он все выспрашивает? Я устала и не хочу разговаривать. Теперь не поспишь — надо соблюдать бдительность.

Видимо, он понял, что я обескуражена его внешностью, и быстро выдал мне объяснение: его ко-

миссовали, обнаружив язву желудка, и отправили домой в чем был. Побрить, понятно, успели. Я еще не смогла окончательно все сообразить, но камень полетел с моей души прочь. Господи, вот ведь дура! Точно — устала, раз такое напридумывала...

Тут и люди подошли, поезд тронулся. Начинаясь следующий акт.

Денег у Володи (какое хорошее имя) хватило только на чай. Я поделилась своими съестными припасами. Мы разговорились, и время... полетело. Теперь трудно вспомнить, о чем мы разговаривали почти пять часов. О чем-то важном, конечно. Он рассказывал о себе немного самоуверенно, как мне казалось, но интересно. Говорил с юмором, и я тихонько посмеивалась. Сначала было неудобно, что мешаем отдыхать соседям, но очень хотелось говорить, а не спать. Он пересел на мою полку. Мы казались друг другу уже друзьями. А глаза у него были голубые, конечно. И домашние тапочки умиляли. Мы уже не замечали спящих вокруг людей, находясь в своем отдельном мирке разговора в полумраке стучащего вагона.

Он ехал до конечной станции, я должна была выйти раньше. На моей станции поезд стоял только две минуты, и я собралась выйти в тамбур заранее. Он пошел провожать. Громыхал наш поезд, за окном мелькала темнота. Разговор заканчивался. Володя доложил мне, что пользуется вниманием девушек, и я подумала, что он обязательно попытается (по законам жанра) поцеловать меня в темном тамбуре или хотя бы руку пожмет. Напрасно я мысленно решала, что мне делать в такой ситуации. Все было проще. Он только подал вещи, когда я спускалась, и по-доброму попрощался...

Ни детектива, ни любовной истории не случилось. Просто дорожный эпизод.

«Время прозвещения»

112.

Из случайных записок

110.

Когда я лежу на своем диване, то вижу за окном только деревья и небо. Правда, еще угол нашего дома. Но он мне не мешает. Что примечательно, деревья за окном разные. Ближе всех береза. Она высокая и стройная, как на картинках. Только высохшая макушка портит ее. Все дерево укутано кудрявой зеленью так, что и ствола не видно, а верхние веточки совершенно голые. Не знаю, что случилось с березой, и не помню, когда это произошло.

К стволу березы прижалась чахлая, обломанная елка. Она доросла как раз до того места, где у красавицы соседки начинаются ветви. Елку я вижу только когда встаю. «Может, поэтому она такая несчастная», — подумалось мне однажды. Елку стало жалко, но я все равно забываю смотреть на нее чаще.

С обеих сторон от березы растут две сосны. Одну я вижу целиком. Гораздо интереснее для меня та, у которой виднеются только крайние ветки, торчащие вверх: все время хочется увидеть ее всю. Так я думаю, лежа на диване, но

всегда забываю посмотреть на сосну, когда иду по улице.

Больше всех меня привлекает лиственница. Она выше других деревьев за окном. Много раз я наблюдала ее осенью в золотом, как это ни банально звучит, наряде. Однажды был потрясающий листопад — фейерверк золотых черточек! Но постоянно я пропускаю тот момент, когда лиственница распускается салатного цвета иголками. Наверное, я мало лежу в это время или тоже забываю.

Особое значение в моем заоконном пейзаже имеет небо. Оно бывает разным, но чаще — голубым. Видимо, мне везет. И облака... То буквально несущиеся, то как будто совершенно неподвижные, хотя потом куда-то исчезающие. Я часто не улавливаю этот момент изменения, потому что, глядя на небо, забываю обо всем.

Слово «цветок» означает обязательно нечто красивое, хотя растения цветут по-разному. Трудно сказать, что красиво цветет, например, крапива. Или дуб... Обычно таких цветов мы не замечаем. Но у всех у нас свое понимание и восприятие красоты, поэтому мы любим разные цветы. Правда, я не встречала человека, который считал бы своим любимым цветком, скажем, цветок редиски. Зато тысячи людей обожают и воспевают цветы яблони. Роза, понятно, вне конкуренции. Но вот дикую розу — шиповник — немногие вносят в список своих любимых цветов. А разве не чудесен цветущий куст шиповника у пыльной дороги?! Банальность, но именно у пыльной дороги он особенно восхищает.

Честно говоря, начала я все это писать из-за одного цветочка, любимого, — незабудки. Одно название чего стоит! Сентиментальное, конечно. Но ведь любование цветами — тоже проявление сентиментальности. Растут некоторые незабудки на полянах, есть и садовые виды, но именно незабудка болотная — предмет моего поклонения.

Крошечные цветочки, в голубизне которых соединились чистая вода и небо с нежным розовым восходом. Их много на тоненьких стебельках, и они улыбаются. Они всем рады и всех помнят. Их трудно сорвать: стебли тянутся с корнем. Все живописные изображения незабудки, которые я видела, передают только внешнее сходство. В них отсутствует особая какая-то трепетность, что живет в незабудках на родном болоте.

Никогда не видела пчел и бабочек на незабудках. Видимо, им не под силу выдержать вес этих насекомых. Но есть такой вид маленьких голубых стрекоз, которые, наверное, и созданы, чтобы летать над незабудками. Эти стрекозки мелькают, сверкая слюдяными крылышками, вскользь касаясь голубых цветочков. Вот где гармония!

24

* * *

На Тверском бульваре пробка. Из окна автобуса, как бы сверху, наблюдаю за массой медленно движущихся машин. Привычно, с равнодушными лицами проходят между ними две девочки и суют в окна автомобилей букетики каких-то голубых цветов. Идут молча навстречу транспорту...

Появляется парень с книгами. Так же, без слов, предлагает сидящим в машинах четырехтомник Даля. Никто не интересуется...

Потом в узком пространстве между движущимися машинами — инвалидная коляска. В ней мужчина средних лет, без ног, в камуфляжной одежде. На него тоже никто не обращает внимания. Нет, все-таки один водитель протянул руку...

Такое странное «немое кино».

* * *

Сверчок — тот случай, когда лучше слышать и не видеть.

Как он чудесно стрекочет! Как вдохновенно! Не знаю, как воспринимаются эти звуки, когда он

сидит за печкой, но в читальном зале, вечером, они прямо-таки впечатляют.

В то время, когда в библиотеке жили сверчки, читателей в нашем новом отделе было еще мало. Простор, чистота, книги по искусству, выставка живописи и «пение» сверчка. Праздник получается! Но пришла «санэпидемстанция» и потравила сверчков.

Я еще не забыла чудесные звуки этих существ, когда неожиданно увидела их воочию. Сверчки были мертвые, их было много. Оказывается, домом легендарным насекомым служил сухой пен, стоящий в углу. В него был вставлен горшок с аспарагусом, и поэтому сверчков я никогда не видела. Петть по вечерам они «выходили» в зал. Звуки доносились со стороны окон, и я думала, что живут они под батареями.

Боже мой, как я была удивлена, увидев этих страшеньких «гибридов» кузнечиков с тараканами. Так не хотелось верить, что эти неприятные на вид существа могут доставлять эстетическое удовольствие. Стало грустно.

Прошло немало времени. Я уже почти забыла про сверчков. Читателей в отделе стало много, мероприятия пошли чередой. И вот в клубе «Сакура» мы попробовали сочинять хайку...

В какой же восторг я впала, когда Э.Н.Анненкова прочитала свое:

— Страстно поет сверчок:

«Где ты, моя любимая?

Под каким сидишь радиатором отопления?..».

ИГ

Виктор МИХАЙЛЕНКО,
фото автора,
Александра СВЕШНИКОВА

В краю заповедной Печоры

часть 2

В горы

7 июля. Сегодня все плывем на кордон. Рядом с ним — устье правого притока Печоры с одноименным названием. По Большому Шежиму раньше поднимались до 42-го километра. А дальше вела местами заболоченная семикилометровая тропа к реке Шежимь-Ю, до устья которой на Илыче остается примерно километров двадцать. Сейчас на Шежиме завал на 9-м или 11-м километрах.

Избы на кордоне, понятно, из ели. Стоят они долго, а покосившимися становятся, думаю, из-за перемещения грунта в почве. Есть еще одна болезнь у них — жучок в дереве. От него дерево, как я услышал, пропитывают авиационным керосином.

К слову, о дереве. Вспомнились слова Ирины Николаевны об избе, в которой пол был из кедра. Изба со временем разрушилась, полу — ничего. А еще у кого-то из якшинских она увидела доску для разделки рыбы, вырезанную из кедра. На ней был вырезан и год изготовления доски. Получалось — двести лет назад...

На Шежиме живут три семьи. Старшие Лызловы — Поликарп Григорьевич с женой Анисьей Диевной. Их сын Григорий с женой Ольгой и детьми. И Виктор Кудрявцев с женой. Сегодня здесь все Лызловы.

Здесь бы все сохранить. Нам показывают старые вещи, предметы домашнего обихода. Вот пояс охотника манси. На нем медвежьи клыки, квадратик ромбика из, возможно, оплавленных кристаллов горного хрусталя. И все это что-то означает... А вот широкие охотничьи лыжи, обтянутые лосиной шкурой так, чтобы ворс на скользящей поверхности располагался в направлении книзу и служил от проскальзывания лыж. В местах под обувью на них набивались медные пластинки. Это, чтобы не мерззал лед.

Григорий откуда-то приносит старое ружье — самodelку, куда пуля закладывается в ствол, смеется.

— Ну, что, дед, ты с ним охотился? Сколько ему лет?

— Дак 150, наверное, будет. Я-то с ним не охотился. Но охотники раньше были. Без промаха медведя били. Даже случай был: присел охотник по нужде. Тут медведь. Он берет ружье, стреляет — и продолжает нужду справлять.

С высоты кордона просматривается часть реки. Слышен её постоянный говор.

— А как высоко бывает подъём воды в Печоре? — спрашиваю я.

— В году, по-моему, 66-м, — отвечает Григорий, — Шежим заливало. Были сильные дожди, да еще они вызвали таяние снегов.

Я прикидываю: дома от обычного уровня воды в Печоре подняты метров на 9...

А вот о какой произошедшей в этих местах трагедии рассказала Анисья Диевна:

— Здесь, по Шежиму в семи километрах, Якова Рассоха есть. Дядя мой по маме там с семьей жил. Раньше охотились, пушнину заготавливали. За нее хорошо платили, золотом. Ну, вот, двое беглых бежали. Встретили его и убили. Потом жену его под страхом заставили показать, где золото. Она повела их к пню, где было спрятано золото в мешочке из-под дробы. Ее тут и убили. А дом с детьми, дети-то небольшие были, запечатали и сожгли...

Вечером нам приготовлена самая настоящая русская баня в срубе, где пахнет смолой деревьев, где пар и березовый веник. А потом чай с душистым вареньем, свежей выпечкой и подарок в дорогу — большая буханка черного хлеба, выпеченного Анисьей Диевной.

8 июля. Утром попрощались со всеми — и в путь. С подъемом вверх заметно укорачиваются плесовые участки реки и чаще идут перекаты и деления русла на рукава. Поэтому чаще и протаскиваем лодки за собой. На пути встречаем человека. Он на маленькой лодочке. Недалеко изба. Расспрашиваю его. Приехал на лето из Николаевской области. Здесь уже не первый раз. А сначала написал письмо в заповедник. Прочитал в журнале «Охота и охотничье хозяйство» о Поликарпе Григорьевиче Лызлове, где была помещена и фотография шежимского лесника. Понравился ему старик да здешние места. Тогда и попросил разрешения приехать сюда на лето, пожить и пользу принести, поскольку сам он охотник, рыбак, раньше жил на Колыме. Ему ответили. Так вот, когда есть возможность, и приезжает сюда, помогая кому-то из научных сотрудников разделить быт в тайге...

За день проходим километров двенадцать. Стоянка около устья речки Саги и горы Гаревский Носок с отметкой 189,1 м. По-прежнему стоит настоящая жара.

11 июля. Утром по берегу нахожу дикий лук. От жары он уже жесткий. Сверху спускаются резино-

вые лодки с людьми. Их вид и разговор неприятен. За час проплыло 11 лодок этой компании. Спускались они от реки Большая Порожная, где их высадил вертолет. Как потом мы узнали, прилетели они с Перми. Выгрузились пьяными и сразу пустились сплавляться. Следы этих «любителей природы» в виде банок, бутылок, мусора, кострищ мы не раз увидим на пути. К этим «друзьям» я еще вернусь, а сегодня мы выдвигаемся к пещерам и будем обследовать самую большую — Медвежью. Вчера мы до нее только дошли и немного осмотрели внутри. Впечатляет в ней все. Из описаний этой пещеры: «Медвежья — самая крупная из пещер Печорского Урала. Общая длина исследованных ходов составляет около 480 м. Входной грот вытянут вглубь массива на 38 метров. В нем в 1960 г. была открыта первая из наиболее северных в мире палеолитических стоянок человека каменного века. Кроме того, пещера представляет собой уни-

кальное по обилию местонахождение костей плейстоценовых млекопитающих. В результате многолетней работы археологов здесь были обнаружены следы сооружений культового характера, собрана обширная коллекция каменных изделий. А так же кости пещерного медведя, северного оленя, овцебыка, лошади, сайги, мелких млекопитающих. По современным данным возраст стоянки насчитывает более 18 тыс. лет».)

Саша забирается в пещеру, насколько дают ходы, снимает и выносит из пещеры большого размера... кость, которая поедет уже с нами домой.

12 июля. Утром, пройдя километра три, ребята обнаруживают прокол в днище лодки: задели, когда протаскивали на участке у скалистого берега. Там много острых осипей на дне. Значит, стоянка, и завтра ребятам клеить очередную заплату. На днище лодки их вообще-то уже штук девять. Добавится Печорская. Можно бы на них подписать — где, когда и как... Место стоянки — низкая галечнико-

вая пойма. Недалеко ключ с ледяной хрустальной водой. А выше по берегу, где я собираю сухие ветки для костра, вижу сброшенный олений рог.

14 июля. А мы все чаще на перекатах тянем лодки за собой. Хотя и здесь встречается довольно длинный и глубокий (до 4-х метров) плесовый участок. Как хорошо при солнышке рассматривать его дно, где каждый камешек играет! Ловлю себя на желании плюхнуться в прозрачность воды и раствориться в этой стихии. А еще — смотреть бы и смотреть на все это творение божее.

В конце плесового участка — устье долгожданной Елмы. Сейчас речка мелковата. Если придется идти по ней, то, думаю, только впроводку.

15 июля. Утром недалеко от нашей стоянки делаем лабаз, где оставляем большую часть вещей и продуктов. Витя спрашивает:

— На сколько дней нужно брать продуктов? Я взял на десять.

Я тяжелой головой пытаюсь понять: «Хватит ли?» Чувствую: по моим темпам для похода в горы это маловато, но ничего не говорю. Позиция, конечно, неправильная.

Движение по реке начали в 16.30. При движении на моторе у меня все внимание на дно реки. Чуть вперед и с боков смотрю на глубину и на валуны, большие камни в воде и подаю сигналы. Ребятам мотором непросто лавировать нашей жесткой спаркой: не успел увернуться от одного валуна, в вилку берет уже другой. Хватает сегодня и проводки.

Саша снимает сначала гору, а потом оленя, вышедшего к реке метрах в ста выше нас и за шумом реки не слышавшего звука мотора. Он попил воду, спокойно перешел Печору и скрылся в лесу. Для съемки далековато правда, и если снимать из лодки, то видеокамера двигается. К концу дня я чувствовал истощенность (ночью плохо спал) и ташил лодки по инерции. Стоянку выбрали после 22 часов.

16 июля. День отдыха. Всем необходимо вос-

становить силы. Мы стоим на острове. За дровами переправляюсь на правый берег. Затем на костре варим с Сашей обед. Немецкий примус, используемый в армии бундесвера, с таким же успехом отказал, как бывает и с нашими туристскими «Шмелями». Часто купаемся. Вот уже три недели температура днем под 30. Ничего себе — Северный Урал.

Вечером ловлю выше, на входе реки в перекат — желобе. Даже не ожидал, что так будет брать. А он, хариус, здесь стоит. 17 июля.

В узком рукаве, на стремнине, с маленькими харюзками попадаетея незнакомая рыбка с крапинками и в окрасе что-то есть от радужных цветов. Не сразу соображаю, что это и есть знаменитая печорская семга. Зову Сашу. Он снимает, и

я отпускаю красавицу в свою стихию. Дай бог ей вырасти до возможных 38 килограммов.

На другой мощной стремнине проявляю непослушание. Саша готовится снимать, и нужно взаимодействовать, а я забрасываю мушки. Всплеск — и чувствую необычную тяжесть. С усилием кручу катушку. Веду сразу двух хариусов. Один — граммов на 700. Таких я еще не ловил.

На нашем, как мы рассчитываем, последнем переходе до устья реки Большая Порожная, в русле реки два участка, где острова тянутся один за другим на протяжении 2-3 километров. Бывает, сразу два и даже три острова разбивают русло реки на рукава. В одном из них мое внимание привлекает что-то необычное на дне. Присматриваюсь — явно предмет с красной и серой окраской. Достают... колovorот с надетым и завязанным чехлом. В голове крутится догадка: кто-то прилетал сюда по весне ловить, да и утопил ненароком. Позднее, уже на обратном пути, на Шежиме Григорий рассказал, как здесь было дело:

— В прошлом году, в конце апреля, из Перми нелегально прилетал вертолет с любителями поживиться рыбкой. Эти любители наловили килограмм 80 хариуса. Время-то выбрали — инспектора ни на лодке, ни на «Буране» не проедут, только возможный уровень воды в реке не рассчитали. А где-то таяние снегов в горах пошло быстрее, и их вещи, имущество стало быстро затапливать. Кроме того, начался ледоход, и этих рыбацков вертолет снимал с торосов, а кто по берегам был, залезал на деревья. У них не только снасти, вещи, но и ружья утонули.

Нам остается подняться с километр. Впереди во всем величии и полноте просматривается гора Медвежья. В полукилometре выше по реке — как будто кто Печору перегородил камнями. Они, конечно, на разном уровне, но их много, поэтому издали они сливаются в одну полосу. Идем впроводку, обходя камни. Между ними местами по пояс. Уже сумерки. Наконец выходим к галечнику по ле-

вому берегу. Метрах в трехстах впереди — костер. Кто-то стоит на Большой Порожной.

Все. Дошли. Уставшие, мокрые по пояс, пожимаем друг другу руки. Три недели со всеми остановками, встречами, препятствиями мы поднимались эти 116 километров. Отсюда нам предстоит поход в горы.

18 июля. После вчерашней нагрузки, хотя ночью и спал, сутки уходят, чтобы более-менее урвановестись. Хочется только сидеть. И я сижу, перебирая в воде мелкие камушки. А среди них такое разнообразие формы, красоты и состава, что невольно залюбуешься. Ребята утром ходили к палаткам. Саша сказал, что там стоят лесоводы из Екатеринбургa.

19 июля. Сегодня начинаем поход в горы. Лодки и кое-что из вещей будем оставлять у палаток лесоводов. Поднимаю лодку с грузом к палаткам лесоводов. Знакомлюсь с ними: Юрий Алесенков, старший группы, его жена Наташа, она почвовед, и их дочь, пятилетняя Саша. Николай, примерно моего возраста, лесовод, и молодой парень — Володя, только что закончивший биофак пединститута.

У палаток вижу мешочки с образцами почвы, несколько отобранных камешков — кварцитов и сланцев, компактную легкую бензопилу (могут же так делать), прибор для каких-то измерений... На вопрос, что именно они изучают, ребята рассказывают, что здесь, в заповеднике, это девственный лес, а точнее, его участок на склоне Медвежьей горы.

— Изучаем плотность деревьев, их видовой состав, количество упавших деревьев от ветра, времени, их возраст, а также состав и характер почвы, и многое другое. Зная, как живет и возобновляется лес полностью в условиях нетронутости, мы можем давать рекомендации лесхозам, занимающимся заготовкой древесины в тех же предгорных и горных районах, местностях.

Мы встаем на тропу и около полутора километров идем по ней вдоль Печоры, делая привалы у ручейков. Тяжелее всех Вите. На нем самый тяжелый рюкзак, да свой нелегкий вес. Он обливается потом. На этом участке та же предгорная тайга, внизу с мохом, черничником и брусничником. Затем тропа поворачивает от реки, начинается тягун километров на пять, по которому мы поднимемся примерно с 250 до 450 м над уровнем моря. Сразу ощутимее более тонкий слой почвы, камни под ней, а то и на поверхности тропы. А ки-

лометра через полтора — настоящая каменная река, как ее называют, курумник.

Горы со временем разрушались, камни уносились, перемещались вниз. На месте каменных рек нет деревьев, только камень, покрывающийся мхом и лишайником. Через движение по камням на Печоре здесь приходят строчки:

На повороте тропы — сброшенные побелевшие от времени лосиные рога.

Тропа подходит к верхней границе леса. В двух местах выше тропы — только камни склона горы Медвежьей. В одном из них неожиданно видим небольшой обелиск. Подхожу, читаю надпись на нем: «Лызлов Семен Степанович. 1912 — 1940 г.г.» Что же случилось с ним здесь?

Из рассказа Григория о дяде:

— Он тоже лесником в заповеднике работал. А кордон тогда был около устья реки Большая Порожная. Дело было в марте месяце. Шел на лыжах, промеряя глубину снежного покрова. Это входило в обязанности лесника. По запасу снега оценивали предстоящий уровень половодья и другое. Сверху пошла лавина. Он бы успел убежать, если б лыжа не соскочила...

На нашей высоте попадают и березы, заметно приземистее, с изгибом и толстой корой, с лишайником. Кедрa уже не видно. Где-то через километр пошли на спуск с Медвежьей и вскоре перешли ручей. Изба становится видна на повороте. Она на небольшой полянке, приподнятой над ближайшими подступами к ней. И так естественно вписалась сюда, будто все время здесь и была. Но не вросла, не осела, а будто большой птицей опустилась, готовая снова подняться в воздух.

Рядом с избой спуск к ручью, что бежит в десяти метрах, кострище, выложенное камнями и системой жердочек над ним с приспособлениями для удобства готовки. Метрах в трех от избы стоит часть

ствола бывшего большого дерева, на одной стороне которого кто-то вырезал лица — как выразился Саша, мансийские мотивы

В избе в углу — металлическая печка, дальше лежанка — четверо плотно улягутся да накроются лежащими тут оленьими шкурами. Стол, полки, узелок с крупами, сухарями, подвешенный почти к потолку от грызунов. Одно окно, но, в общем, светло. Это и есть стационар заповедника на «Янах». То есть у хребта Яныпупунер.

Спускаюсь к ручью, и здесь уже трудно оторваться от его холодной, чистейшей воды, необычных камешков, переливающихся голубизной, серебром и позолотой...

Пока мы отдыхаем, пьем поспевший чай, подходят наши лесоводы. Главный из них выглядывает из рюкзака, что за спиной у Юрия. Выше избы они не поднимались, но тропа, по словам Юрия, старая. Ходить по ней еще охотники за соболем начали. Но для нас здесь все вновь. За избой вскоре кончается лес, идет участок лугов с травой в наш рост, но недолго.

Еще не кончился пояс берез, новое необычное зрелище: настоящий ковер цветов из иван-чая, зверобоя и других трав. Такой их густоты я нигде не видел, а только слышал название: альпийские луга. И вот они — перед нами.

Ландшафт становится открытым. Выше просматриваются отдельные деревца елового стланика, кусты ивняка, можжевельника, ерника (карликовой березы). А под ногами после лугов все больше мха с ягодными кустами черники, голубики... И все эти пояски растительности меняются с изменениями высоты буквально в каких-нибудь 30, а то и в 20 метров. Размеры одних и тех же растений меняются еще быстрее, прямо на глазах. Кусты черники,

голубики в 5 сантиметров! А ягода большая. Появляется больше лишайника, того, что в боррах-беломошниках. Под ним тонкий слой почвы — нога чувствует камень. Лишайник другого типа желтого, серого, коричневого цветов покрывает голые каменистые участки. Это уже пошел горно-тундровый пояс. В складках и понижениях его нередки кустарники ив, можжевельника, участки мха, травы, лишайника. Чем выше, тем больше участков чисто каменистых россыпей. А вообще растения будто вжились в землю. Неудивительно — здесь царство частых ветров.

Метров на 70 по высоте мы забираемся на склон. Какой обзор! Видны и вся поясность, и бесконечная череда хребтов Уральских гор, и в пяти километрах к востоку от нас возвышающаяся до 1087,5 метров гора Койп.

Привал. Здесь будем располагаться на ночлег. А пока сидим, и трудно оторвать взгляд ото всего вокруг. От жары стоит дымка. Она и закрывает даль, но и создает особую картинку. Неожиданно мой взгляд улавливает какое-то движение по нашему склону. В первый момент отмечаю длинную шерсть, мелькает мысль: заросшее копытное. Всматриваюсь: по склону в нашу сторону движется медведь. Расстояние — метров 40. Он нас не видит и, видимо, ищет ягоду. Воспринимаю все спокойно, говорю:

— Ребята, медведь!

Несколько секунд все глядим, замерли. Витя издает какой-то звук. Я говорю:

— Саша, снимай!

Сашка приподнимается, делает несколько замедленных шагов до сумки с видеокамерой. Отстежка с характерным звуком липучки. Медведь приподнимается на задние лапы, несколько секунд смотрит на нас, быстро разворачивается и прыжками скрывается от нас. Я только успеваю нажать кнопку затвора фотоаппарата.

Ну, я дурак! — произносит Сашка.

Я понимаю его чувства.

— Дураки вы, бросились снимать, — говорит Витя. — Неизвестно, как повел бы он себя, окажись чуть ближе.

Дураки мы или нет, а для нас это была первая в жизни встреча с медведем. Мишка, кстати, был в возрасте. Шерсть его косматая, до желтизны выцветшая на животе.

20 июля. После вчерашней нагрузки спал хо-

рошо, что у меня бывает нечасто. Ребята с утра успевают в километре западнее поснимать ручей. Лицо Саши говорит об усталости. Устраиваем обед, к нему у нас добавка уже кое-где созревшей по склону голубики. И решаем двигаться по маршруту. Через километр мы у восточного склона Яныпунера (сокращенно Ян), круто уходящего вниз к узкой лесистой долине с ручьем, по ту сторону которой, за невысокой горой, взметнулся величественный Койп (1087,5 м.) с каменно-голой верхней частью.

У края нашего склона горкой — груды валунов, метров 10 высотой, видимо, разрушившийся останец, откуда доносятся звуки птицы. Присматриваемся — кто-то из семейства соколиных. А рядом, на ровной части плато, на коротком мху растет...морозка. Не ожидал ее здесь увидеть. Потом уже соображаешь: здесь же тундра, пусть горная, но с повышенной влажностью.

От нас километрах в трех хорошо виден «замок» — каменные останцы, что-то напоминающие своей формой. К ним мы идем вдоль склона по каменистым россыпям. Идти по ним, кстати, легче, чем по мху или через низкий кустарник. Только надо успевать четко ставить ногу на камень, лучше массивный: он неподвижен. Километра через два наш склон плавню переходит в ровную часть плато, поросшую коротким можжевельником и карликовой березкой. В их разрывах иногда из-под тонкого почвенного покрова торчат белоснежные части кварцитов.

Начинаем спуск в долину, по ходу прислушиваемся: не журчит ли внизу ручеек. Нужна вода. Мы с Витей ничего не слышим. А Саша еще наверху улавливает желаемые звуки. Что значит музыкальный слух! Долину пересекаем, где еще только трава да кустарник. Ручьев здесь несколько, и у каждого ручья в горах, как отметил Витя, вода со своим вкусом. Вдоль ручьев местами болотины, много ивняка и звериных тропок. Наконец взбираемся наверх. Здесь ровное плато, поросшее мхом и мелким кустарником.

21 июля. Утром, после бессонной ночи (сказалась перегрузка), понимаю, что продолжать путь дальше не получится. Говорю об этом ребятам. Знаю, что тяжелым грузом ложатся на них мои слова.

Мои возможности и раньше заставляли меня в наших походах от чего-то отказываться, тормозить ребят, но здесь расчет был все-таки на троих. Теперь их двое. Конечно, в той ситуации я многое не воспринимаю, и только гораздо позднее дойдет, что нагрузка на ребятах лежала и легла огромная. И чисто физическая, и главным образом на Саше, — психологическая. Он нес ответственность и за всех нас, и за весь добываемый материал для фильма.

Они делятся со мной продуктами, у самих запаса остается на пять дней. Я желаю им нормально дойти и вернуться. Провожая взглядом, пока различаю их на местности...

Собираюсь и иду обратно медленно: и — что-

бы снять напряжение, и — чтобы всмотреться во все, что окружает. Я всматриваюсь в травы, мох, цветы, кусты. Камни, что выглядывают из-под мха, и те, что составляют останцы, и те, что лежат на дне бегущего ручья, несущего хрустальную воду по лесистой долине. Взгляд начинает обзирать редкую по красоте и величию картину: на все 180 градусов обзора — тянущиеся цепи Уральских хребтов. За их ближними склонами, в понижениях, видны склоны других рядов. Лесистые и повыше — с голыми каменистыми вершинами. И все они — бесконечно уходящие к горизонту и все более теряющиеся в дымке, точно под созданной завесой над тайной их жизни...

К ночи я на месте нашей первой стоянки. Жгу костер, вслушиваюсь в звуки.

22 июля. Утром иду к ручью на западном склоне Яныпунера. День проведу там. Пока держится тепло, солнечно и дымка. Последняя сильно затрудняет видимость. Куда вышли ребята? Верно ли взяли поправку на азимут? Да и сам азимут верен ли?

Перед уходом по компасу взял засечки по верхним точкам горы Медвежьей. В сумерках при возвращении это помогло мне найти место стоянки.

Я иду по каменистому склону хребта. Камень в своем, особом наряде. По низу склона больше кустарника, выше — группки или отдельные елочки. Склон поворачивает. Перед спуском к ручью — невысокий, метров восемь, массив останца. Примерно отсюда спешу еще в утренних лучах снять склоны, ущелье с ручьем. К тому же, каждое место этого изначально нетронутого края неповторимо по ре-

льефу, ландшафту, растительности, камню. После перемещения, в выборе лучших точек для съемки, начинаю спуск к ручью. И ближе к нему для меня открываются необычные картины: повыше — водопадик в несколько метров. Причем его отвесная стена вся покрыта коротким зеленым мхом, и по всей ее поверхности тонким слоем стекает кристально чистая вода. Под стеной разливающееся миниатюрное озерцо. Если бы не блики и преломление лучей, наверное, воду из-за прозрачности можно было бы не видеть. Сам ручей течет в узком неглубоком ущелье. Пониже озерков идет каньонный участок с отвесными стенками. С одной стороны стена обрушена. Чуть ниже опять необычный участок: в русле ручья — трапы — ступеньки в сплошной каменной основе ложа. Поверхности ступеней гладкие. Вода и время работают не хуже специального инструмента.

И опять, завороженный всем этим чудом, я хожу, пью эту сказочную воду, обливаюсь, снимаю, потом, как старатель, вытаскиваю из ручья горсти песка с камешками.

Сколько разнообразия в них по цвету, форме, составу! Но, что это? Неужели?! В горсти среди камней вижу кварцит, в котором сверкают прозрачными гранями кристаллы горного хрусталя. Вот это удача! Даже не верится.

Вечером на крутом берегу ручья я варю на костре пакетик риса и долго наблюдаю за всем вокруг. Мне не хочется уходить. На пути к стоянке, уже в сумерках, метров с семи снимаю вспугнутых, но не улетающих куропаток.

23 июля. Ну, вот и все. Взглянув на цепочки гор, на все вокруг, начинаю спуск и обратный путь. До избы дохожу довольно быстро. Здесь вся группа лесоводов. Коротко объясняю, почему возвращаюсь и рассказываю всем увиденное за три дня. Меня угощают вскипевшим на костре чаем, и пока

остальные готовятся к трудовому дню, я беседую с Николаем.

— Общая беда — уходят специалисты из институтов, с предприятий, исчезают слаженные коллективы. А ведь на Урале была база высокопрофессиональных специалистов. Сейчас очередная перетрубация: упразднили комитет по лесному хозяйству, у которого был наработан большой опыт. Теперь все структуры будут подчинены созданному министерству по природным ресурсам.

А ведь был печальный опыт объединения под одной крышей природопользующих и ее охранных структур. Сейчас попросту в условиях так называемого рынка ведется хищническая добыча леса. Но, так как чиновник одновременно выступает и в роли защиты, охраны леса, почему нельзя себе все грехи списать.

Я добавлю, что за работу в заповедниках группа никаких доходов не имеет. Зарплата того же Николая составляет 800 рублей в месяц. Вот и вынужден он, специалист, идти и зарабатывать деньги, спиливая в городе старые, сухие да наклонившиеся деревья...

Николай предлагает мне в лагере на Большой Порожной воспользоваться его палаткой, они до 28-го будут здесь. Я благодарю. В этом человеке чувствуешь открытую, бескорыстную душу.

Я прощаюсь со всеми, иду по уже знакомой тропе с пропиленными проходами упавших на нее деревьев. Что-то снимаю, наблюдаю за рябчиком, большим черным дятлом. Дойдя до лагеря, иду ловить рыбу. Налавливаю хариуса, готовлю уху и съедаю ее всю. Что ж, можно сказать, я дома. Испытание у ребят. Как там они?... Не сбились ли с маршрута?

Окончание следует.

* * *

Внутри моей фатальности
Есть фактор аномальности —
Сродни моей тональности
Сродни моей душе.

Среди потока вольности
Есть камушки жестокости,
И пар чрезмерной робости
Струится из ушей.

Истоки щепетильности
Хранят налет невинности,
Особенности подлости
И вежливый отказ.

В структуре пунктуальности
Есть принцип ритуальности...
В испорченной реальности
Осталось много нас!

* * *

А может, оборвать все нити,
Стряхнуть с ладони капли боли?
Пусть мой Пьеро уйдет из жизни
И крестик превратится в нолик.

Затихнет музыка, и рампа
Погаснет, погрузив во тьму
Его безжизненное тело,
Его несмелую мечту.

* * *

Рыжей кошкой моя ладошка
Лежит у тебя на груди.
Не спеши, погоди немножко,
И увидишь, что все впереди.

Может быть, остановится время,
Я сниму и оставлю часы.
Будем плыть, иль босой ногой в стремя
Умываться прохладой росы.

И растают снега лихолетья...
А когда улыбнутся дожди,
Рыжей кошкой пройду сквозь окошко
И ладошкой усну на груди...

* * *

Наша родина дерзкою кажется
И людьми непослушными славится.
Здесь убийство
За смерть не считается,
Даже если кому-то не нравится.
Здесь пространство

Все время меняется,
Да и время в движении плавится,
Здесь природа в дыму задыхается,
Даже если кому-то не нравится.

Каждый дом за соседний цепляется,
Словно тихий, потерянный пьяница,
Палачи здесь людьми называются,
Даже если кому-то не нравится.

Что построено — тут же сломается,
То исчезнет, то снова появится,
И синица вороной окажется,
Даже если кому-то не нравится.

Не жилец тот, кто верить пытается
И от каждого крика не прячется.
Здесь любой безнадежно спивается,
Даже если кому-то не нравится.

Тот, чье тело тоской наливается,
Никогда ни за что не поправится.
Здесь в болото река превращается,
Даже если кому-то не нравится.

Я открою глаза, хоть слипаются,
И на горле ладони сжимаются,
И потерянным раем покажется
Длинноногая псевдокрасавица.

* * *

Мне выпало шутом на свет родиться.
Что делать? Видно, карма нелегка.
Порой мне хочется пойти и удузиться...
Пускай колпак пускают с молотка!

Пусть продадут мой труп
В анатомичку,
Пусть грязной тряпкою
Сотрут мой светлый след.
Берите все — долги, мечты, наличку,
Оставьте лишь любовь, которой нет!

Я шел к ней годы, падая и плача,
Ладони раздирая о бетон.
Одной нужна была
Квартира, дети, дача,
Другой — вино, друзья и телефон.

Одна искала каменную стену
И, не найдя, залезла на забор,
Другая не любила перемены —
Курила так, что вешался топор.
Потом пришли другие... ненадолго...
Погрелись — и опять пустились в путь.

Кто не дошел, а кто и вышел, только
Опять болела голова и грудь.

И я смеялся, пел и удивлялся,
Никто из них не мог меня понять,
С кем через год,
С кем через месяц расставался
И снова пил, и снова шел гулять.

Мне снились люди,
Я во сне к ним рвался,
Но падал навзничь,
Не успев взлететь,
Я знал, что я смогу, и я старался,
Я знал, что нужно только захотеть.

А по утрам...
Ну, в общем, как обычно —
Тоска, депрессия,
Давно остывший чай...
Все до того знакомо и привычно,
Что крики за окном звучат как лай.

Ну а потом по новой приходили
И зашивали дырки в колпаке,
Жалели, верили, ласкали и любили,
И так же засыпали на плече.

Но шли минуты, и звенел звоночек,
И тени страха
Вновь плясали на стене,
Стонал от вождельня позвончек —
Из тех, последних на любой спине.

Но нет в моих поступках адекват,
И вновь я закрывал за ними дверь.
Наверное, я злой, как стекловата,
Наверное, я одиночка-зверь.

А впрочем, что тут говорить,
Оно и ладно,
На мне не замыкался клином свет.
Возьмите все! Мне ничего не надо.
Оставьте лишь любовь,
Которой нет...

Когда сдирают начисто с холста
Потрескавшиеся фрагменты краски,
Я думаю о том, как не проста
Вся наша жизнь без нежности и ласки.

Или, когда от утренней зари
Отделит кто-то солнце и прохладу,
Иду и разбиваю фонари
И из осколков делаю эстраду.

Я забираюсь на нее босым
И во все легкие пою о примирении
Земли и неба, пули — с холостым,
Тепла с дождем, и дня — со днем рождения.

Скажи мне на прощанье пару слов —
Из них построю церковь и колодец.
Потом ко мне из странных,
Вещих снов
Придет навеки маленький народец,

Построит город без дверей и стен,
Напишет книги о семье и быте,
Посадит дерево, чтоб лучше было тем,
Кто хочет в жизни
Совершить открытие.

Я расскажу им о минувших днях;
Им интересно, как ночуют боги,
Как любят, как относятся к друзьям,
И почему так влюблены в дороги.

Они узнают, как цветет сирень,
Куда летят отломанные крылья,
Каких людей не мучает мигрень,
Какие города покрыты пылью.

Незнание — не бедность, не порок.
Так пусть слагают дивные легенды
О том, что в церкви
Появился пьяным бог
И говорил о важности момента.

Потом я образумлюсь и уйду,
И вряд ли вспомнит
Маленький народец,
Задумавшись однажды поутру:
Откуда взялись церковь и колодец.

Дай бог вам силы не сойти с ума
От окружающего вас опустошения!
Как безнадежно капают слова,
Когда из вен уходит вдохновение.

И в луже строк едва есть
Здравый смысл;
Все вытоптано злом и сапогами.
В окне напротив, помню, кто-то был,
Но я убил его ненужными слогами.

В бессонных днях, я знаю,
Что-то есть,
Но где предел безмолвия и вере?
И как легко с людей слетает спесь,
Когда любовь придумывает двери...

И где ключи от тех земных оков
Которыми опутывают крылья?...
Депрессия да пара теплых снов —
Вот и ответ...
Здесь все покрыто пылью.

Алексей МОЛЧАНОВ

Алексей Молчанов — артист оркестра ансамбля песни и пляски Приволжско-Уральского военного округа. В нашем журнале печатались его очерки: «Поет Владимир Трошин», «Феномен Гребенщикова» и другие

Песня в погонах

Оркестровая группа. 1951 г.

Комфортабельный автобус с надписью «Александрия» ранним утром взял курс от окружного Дома офицеров Екатеринбурга на Ижевск, увозя в чреве багажного отсека реквизит и аппаратуру, а в пассажирском салоне — тридцать артистов ансамбля песни и пляски Приволжско-Уральского военного округа. За бортом — минус тридцать, а в салоне «неоплана» мы, откинувшись на спинки мягких кресел, смотрели видеofilмы, за столиками специально оборудованной кухни пили горячий чай с домашними пирогами и обсуждали предстоящие гастроли по городам Удмуртии и Пермской области. Ансамбль выехал в полном составе. Предстоящее турне посвящалось Дню защитника Отечества.

И вот мы в столице Удмуртии, в республиканском театре оперы и балета. Звучат гимны Удмуртии и России, выступает президент республики Александр Волков, поет большой детский сводный хор про ижевские винтовки и штыки, которые и сегодня славятся на весь мир. Наконец ведущий объявляет: «На сцене — ансамбль песни и пляски Краснознаменного Приволжско-Уральского военного округа. Начальник ансамбля — Станислав Довгалюк. Художественный руководитель — заслуженный артист России Андрей Семочкин.» Занимаю свое место среди оркестрантов, беру в руки электрогитару. Взмах руки дирижера, заслуженного артиста России Юрия Смагина, и зазвучала песня:

«Здесь зимой снега,
И летом солнца мало.
Здесь вам не юга,

Но мы зато с Урала.

Музыкальной миниатюрой «Мы с Урала», музыку к которой сочинил Р. Якупов, а слова А. Драт, наш коллектив, как правило, открывает свои программы. Эта песня, как и другие номера, — сегодняшний день нашего ансамбля. А начиналось все так...

«Гей, по дороге»

Именно так называется песня, которая и по сей день держится в нашем репертуаре и с которой ансамбль начал свой путь на концертную эстраду. Первый концерт ансамбля состоялся 4 декабря 1939 года в Свердловском театре оперы и балета и был посвящен второй годовщине Сталинской Конституции.

С началом Великой Отечественной ансамбль выступал перед воинами, отправляющимися на поля сражений. Разбившись по бригадам в 10–12 человек, давал ежедневно 5–6 концертов на призывных пунктах, площадях, на станции, прямо возле воинских эшелонов, идущих на запад. В ноябре 41-го выехал на Ленинградский фронт. За 117 дней на передовой было отработано 386 полных концертов, не считая малых бригадных «летучек». Артисты ансамбля убедились в том, что их скромный труд в военные дни нужен воинам так же, как и боеприпасы.

Держу в руках программку отчетно-творческого концерта ансамбля, посвященного его десятилетию. На дворе стоял декабрь 49-го года, и поэтому первое отделение открылось, как и положено, «Кантатой о Сталине». Но были и солдатские шуточные пляски,

и танцы народов Кавказа, фантазия на русские темы... Среди певцов замечаю фамилию Николая Бадьева. Впоследствии он станет народным артистом России, одним из ведущих актеров Екатеринбургского академического театра музыкальной комедии.

Хормейстером коллектива в те годы была Маргарита Глаголева, в недалеком будущем — профессор кафедры хорового дирижирования Уральской государственной консерватории, лауреат Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года в Москве. Список можно продолжить, ибо у нас начинали свою творческую карьеру многие артисты, которые затем стали ведущими солистами театров и педагогами высших учебных заведений страны. А где только не побывал ансамбль со своими концертами: на стройках КамГЭС, Качканарского ГОКа, северных железных дорог, гастролировал по Сибири и Поволжью, «осваивал» целину... Высокую оценку его выступлениям дал тогда выдающийся композитор Дмитрий Шостакович.

Ныне ансамблю песни и пляски Краснознаменного Приволжско-Уральского военного округа исполняется 65 лет.

Артист, подполковник Семочкин

— Когда я приехал в Екатеринбург, коллектив был достаточно новый, — вспоминает нынешний художественный руководитель ансамбля, заслуженный артист России подполковник Андрей Семочкин. — Публика была разношерстная. Половина артистов во главе с бывшим руководителем Львом Белевцовым прибыла из расформированного в связи с развалом СССР ансамбля Туркестанского военного округа. Остальных танцоров, музыкантов и певцов набрали на месте. Поначалу мне пришлось тяжело. Начал с того, что подготовил новое, хорошо срежиссированное шоу в современных ритмах.

Затем выпустили еще три ревью: «Времена года», «Музыкальное путешествие», «С Россией в сердце я живу». Сейчас в нашем репертуаре программа, посвященная 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Она называется «Есть такая профессия — защищать Родину!» В среднем в год у нас выходит по 140 концертов. Так что за мою бытность в коллективе их было более тысячи. В содружестве с членами Союза писателей Александром Дратом, Александром Керданом, поэтом Алексеем Савиным я, как композитор, сочинил для ансамбля немало песен. Одна из них, «Удаль русская», даже прозвучала по ОРТ.

Золотой фонд

«Есть в каждом коллективе люди, о которых говорят: «Наш золотой фонд». Эти слова по праву относятся и к солисту нашего ансамбля Петру Сохареву. Закончив Уральскую консерваторию по классу вокала у народного артиста России Яна Вутираса, он начинал свою карьеру в оперном театре Новосибирска. Екатеринбургские меломаны наверня-

ка помнят его в спектаклях нашего академического театра оперы и балета, где он перепел практически весь басовый репертуар: в «Князе Игоре» Бородин, в «Евгении Онегине» Чайковского, «В бурю» Хренникова, в «Царской невесте» Римского-Корсакова, в «Жизни за царя» Глинки.

Вся певческая судьба Петра Сохарева связана с армией. Местами его службы были ансамбли песни и пляски Центральной группы советских войск в Германии, Тихоокеанского флота, железнодорожных войск России. Вернувшись в Екатеринбург, он решил не изменять своего амплуа. «В ансамбль УралВО попал без музыкальной подготовки, — вспоминает Сохарев. Решающую роль сыграло то, что у меня был голос — бас, который, слава Богу, сохранился до сих пор. Нотную грамоту осваивал самостоятельно.

В 1967 году в Москве, в Кремлевском дворце, проходил смотр-конкурс военных ансамблей Советского Союза, и мы заняли там 1-е место. В первом отделении на суд публики представили так называемое театрализованное шоу «Зори Октября». Заканчивалось оно хореографической композицией по сказу Бажова «Каменный цветок» в постановке заслуженного деятеля искусств России Александра Поличкина, с куражной подсветкой и шикарными костюмами. Второе отделение было эстрадным. Особенно мне запомнилась «стретта» (ария с хором) Монрико из оперы Верди «Трубадур». Солировал тенор Владимир Копытов, который взял ноту «фа» в верхнем регистре и с ней вместе ушел за кулисы...»

Современный ансамбль.

Бойцы вспоминают минувшие дни

«Приказом министра обороны я был назначен начальником ансамбля песни и пляски УралВО, — вспоминает художественный руководитель коллектива с ноября 1983-го по январь 1988 года заслуженный артист России, майор запаса Юрий Смагин. — Количественный состав ансамбля колебался тогда от 70 до 90 человек. Было много солдат срочной службы, контингент приходил очень профессиональный.

Поставщиком певцов и музыкантов являлась Уральская государственная консерватория, музыкальное училище. Как новый человек на Урале, я был тогда приятно удивлен тем, что здесь очень сильная художественная самодеятельность. Танцоры довольно-таки высокой квалификации приходили именно оттуда. Ансамбль наш очень любили. Шло здоровое соперничество с другим крупным коллективом — Уральским государственным русским народным хором.

Были гастролы в Афганистане, в зоне аварии ЧАЭС. В Афганистане были дважды и выступали перед солдатами и офицерами сороковой армии, которая принимала участие в боевых действиях. Первая поездка состоялась в марте 85-го. В Кундузе давали концерт для тех представителей душманов, которые собирались перейти на сторону демократических властей. Преобладал, в основном, танцевальный материал. Перед выступлением нас успокоили, что моджахеда придут без оружия. Но оказались все вооруженными. Поэтому состояние артистов было очень напряженным. Восточные народы обычно свое удовольствие выражают не аплодисментами, а свистом и визгом. Вот под них-то мы и уходили со сцены.

Второй момент — когда летели на вертолете после концерта, данного в Герате, над трассой Кабул—Термез на высоте 45 метров, и все плохо видимые и подозрительные участки с него же простреливались.

Что касается чернобыльских событий, то для нас это было неожиданностью. Коллектив находился на гастролях в Челябинске. Вдруг меня вызвали на военный совет округа, где поставили задачу в течение двух суток организовать концертную бригаду в составе 20 человек для поездки в зону аварии.

Коллектив собрал в срочном порядке. Буквально через два дня вылетели в Гомель Белорусской ССР.

Приземлились и работали в Брагинском районе в тридцатикилометровой зоне. Пять дней прошли очень напряженно. Поднимались в 6 утра, ложились в 2 ночи. В день давали 4-5 концертов. Не только перед личным составом химватальонов, химволков, которые принимали участие в ликвидации, но и перед местным населением. Нигде не были слышны детские голоса, смех. Всюду уже краснели сочные, спелые гроздья вишни, малины, и так хотелось их попробовать (дома этого, разумеется, еще в помине не было), но... Сами понимаете, сделать этого мы не могли...

«После окончания Уральской государственной

Александр Малинин и Людмила Черепанова.

консерватории по классу народных инструментов — «баян» — был призван в ансамбль песни и пляски на срочную службу, — вспоминает ветеран ансамбля старшина запаса Николай Чеканов. — Это был 1979-й год. Затем остался здесь на сверхсрочную. Запомнился состав солдат срочной службы. Нас было 56 человек. Я являлся старшим. Наверное, процентов 70 ребят — с высшим образованием. Со мной служил Урмас Отт, в будущем популярный телеведущий. Свои первые шаги как конферансье он сделал именно на сцене нашего Дома офицеров. Артист оркестра скрипач Леонид Элькин впоследствии стал лауреатом нескольких джазовых фестивалей. В балете танцевали солисты оперных театров, как нашего, так и пермского. Конферировал отличный ведущий Юра Синков, сейчас он работает у Льва Лещенко. Чуть раньше меня срочную здесь же проходил будущая звезда российской эстрады Александр Малинин. С ним я был знаком еще по ансамблю песни и танца «Уральские самоцветы» ДК Эльмаш...».

О трех китах...

«Чем славен любой коллектив? Сплавом молодости и опыта. Ансамбль стоит на «трех китах»: хор, балет, оркестр. Вначале я расскажу о творческом цехе, в котором сам работаю. Без него нет ни песни, ни танца. Понимая это, дирижер ансамбля, заслуженный артист России Юрий Смагин старается добиться максимально точного и яркого звучания. Наш коллектив невелик — 13 инструменталистов. Поэтому от каждого полностью зависит общая картина. В составе оркестра — ритм-секция, группа духовых инструментов (два альт-саксофона, варьируется саксофон-тенор с кларнетом и флейтой, труба, тромбон), аккордеон, балалайка и скрипка. Это позволяет исполнять музыку самого разного плана — от народной до джазовой. В последнее время широко используются электронные инструменты, значительно расширившие звуковую палитру оркестра. Костяк цеха составляют музыканты с многолетним стажем такие, как Виктор Буньков, Дмитрий Петров, Олег Букин. Все увереннее заявляют о себе молодые исполнители Ольга Бова, Александр Шульгин, Александр Лимонов, Дмитрий Самков.

В балетном цехе, которым руководит Андрей Дрокин, сложилось свое творческое ядро. Зрители и специалисты отмечают сильную технику народного танца заслуженной артистки Республики Узбекистан Татьяны Бова, высокий артистизм и мастерское владение искусством эстрадного и современного балета Елены Лисиной. Всегда радует шуткой и сценической выдумкой характерный дуэт Евгения Макарова и Александра Черепанова. Не отстают от них и молодые солисты, это Елена Резепина, Ирина Белошейкина, Лариса Мартинова.

Немало известных ныне широкой публике певцов прошли через хоровой цех: Александр Малинин, Раис Галямов, Владимир Огновенко, Олег Плетенко. И сейчас уровень исполнительского мастерства поддерживают такие мастера сцены, как народный артист России Виталий Алексеенко, Петр Сохареv. Хормейстер Роман Резепин, солисты Рудольф Катенин и Данил Богданов — молодые, но уже достаточно заявившие о себе исполнители.

Незаметное для зрителей, но отнюдь не менее важ-

ное подразделение ансамбля, без которого невозможна организация ни репетиционного процесса, ни концертной деятельности — техническая группа. В нее входят специалисты, обеспечивающие жизнедеятельность коллектива: водители, звукотехники, осветители, грузчики. Когда публика с восторгом рукоплещет артистам, выступающим на яркой, залитой лучами софитов сцене, она не задумывается, что за этим стоит труд людей, никогда не появляющихся перед светом рампы, людей, чьим трудом и старанием обеспечивается радость встречи с коллективом».

Так считает начальник ансамбля подполковник Станислав Довгалоук, прирожденный администратор.

О чем поют солдаты?

Что входит в понятие «современная солдатская песня»? Прежде всего, это строевая песня. К сожалению, она сегодня не в чести. Как бы ни звучало пафосно, преувеличенно, она действительно поднимает настроение, боевой дух. Мажорную, жизнерадостную песню можно исполнять и на концертной эстраде, и на строевом смотре, и в солдатском быту. Затем — авторская песня, написанная в Чечне, в Афганистане. Ставшие впоследствии профессионалами «Голубые береты» начинали именно с нее. И наконец, произведения мастеров отечественной песни о нелегкой воинской службе, славных армейских традициях, о любви к Отчизне, матери, любимой девушке, жене.

Специфика армии накладывает на его репертуар определенный отпечаток. Приходится себя ограничивать в стилях, шагать подчас в ногу со временем. Тот же рэп или хеви металл здесь попросту неприемлемы. Искусство ансамбля тематически направленно.

Приоритетным является военно-патриотическое воспитание. Как говорится, развлекая, поучай. Ну, а для тех, кто хочет отдохнуть, в программе есть традиционный джаз, русские народные песни, популярная классика. Юбилейный год для нашего коллектива будет насыщенным. Поскольку мы являемся теперь ансамблем Приволжско-Уральского военного округа, расширилась география наших гастролей. Наряду с Курганом, Челябинском, Тюменью, Пермью они будут включать в себя такие крупные города, как Уфа, Пенза, Саратов, Ульяновск. Так что скучать не придется.

Танцевальная группа 1970-х гг.

Танзания

Первой его заметила Вика. Кошелек лежал на самом краю мокрого тротуара, одним углом обреченно глядя в гостеприимно распахнувшую объятия лужу. Хотя, когда вещица оказалась у нас в руках, мы поняли, что если и была в ней какая-либо обреченность, то только обреченность на успех. Округлые бока и глянцевая шкурка портмоне излучали уверенность в востребованности, не было и намека на одиночество бездомного Шарика, никакого заискивания и заглядывания в глаза новому хозяину. Наоборот, вполне закономерное ожидание поклонов, восхищенных вздохов драки за обладание.

— Крокодиловая кожа! — присвистнул Эгоист. Прозвище придумала ему я. На самом деле его звали Эдик, но нам с Викой казалось, что Эгоист больше ему подходит, а кроме того, льстит его самолюбию. Пестовать, лелеять и взращивать самолюбие Эгоиста, как томат в теплице, было для нас с Викой делом чести и предметом тайного состязания. Однако тут приходилось признать лидерство моей подруги, рыжей сексапильки, будь она неладна. Куда мне до Вики с моими рубенсовскими формами, мода на которые была вздернута на инквизиторской дыбе и замурована еще в холодные стены средневековья. Откуда взяться такой же небрежной раскованности, если дурная голова до отказа забита бабушкиными советами типа: «девушка должна быть неприступной». Приступ в отношении меня имел место лишь однажды, да и то со стороны Вики. Это был приступ смеха после того, как я, сведенная с ума увлечением Эгоиста блондинками, вытравила волосы перекисью.

— Наверняка выпал у какого-нибудь мажора из отпарковавшейся тачки, — продолжал Эгоист, с вожделием ощупывая находку. Кошелек в ответ призывно похрустывал, обещая одарить нас зеленью из своей утробы.

— Открывай скорей, посмотрим, что внутри, — прощбетала Вика, притеревшись к Эгоисту, как пробка к горлышку шампанского.

— Что бы там ни было, это не наше, — совершенно нектати поперли из меня бабушкины советы. Вика и Эгоист, давно привыкшие ко мне и понимающие, что всему виной детство, изуродованное доктором Споком и Сухомлинским, молча дернули за изящный кожаный хлястик. Кнопка щелкнула, как затвор, и кошелек открылся.

Атласное нутро разочаровывало коричневым блеском; баксов не было, не было даже завалящего мятого червонца. Кошелек был совершенно пуст, если не считать извлеченных Викой из бокового кармашка трех пластиковых карточек голубого цвета.

— Это что? Кредитки? — уцепился за хвост ускользящей надежды обогатиться на халяву Эгоист.

— Нет. Это, скорее всего, визитные карточки, — разочарованно сказала Вика.

Все три визитки были однойцевыми близнецами: по голубой глади плыли, словно бы написанные детской рукой, розовые буквы, составляющие одно-единственное слово — Танзания. На обороте очень мелким шрифтом указывался адрес и телефон.

— Это совсем близко отсюда, на соседней улице, — задумчиво произнесла я.

— Ты что, идти туда собралась? — накинулась было на меня Вика. Но Эгоист остановил ее:

— Она права. Хозяин кошелька наверняка работает в этой «Танзании», поэтому и носит с собой несколько визиток, чтобы раздавать при случае нужным людям. Нашедшим дорогую вещь полагается вознаграждение. Тем более, судя по вещице, он совсем не бедствует. Идти тут — два шага. Нечего париться, двинули туда.

И мы двинули.

Вика, шествующая под руку с Эгоистом впереди, первая углядела нужную нам улицу:

— Какой номер дома у этого турагентства? — потянулась она к голубому квадратику, но карточка, словно шустрый моллюск в раковине, мигом исчезла в ладони Эгоиста:

— С чего ты решила, что это именно турагентство?

— А какая еще беда может работать под такой вывеской? Адвокатская контора, что ли? Конечно, это турфирма, причем, могу поспорить, они специализируются на экзотике! Представляешь, тропические джунгли Африки и сказки Ближнего Востока!

Хотя я облезлым хвостом тащилась сзади и не могла лицезреть Викау в анфас, я прямо-таки увидела, как подруга блаженно зажмурилась. Второй ее слабостью, после Эгоиста, была страсть посмотреть за границу, и эта вторая, в отличие от первой, оставалась пока не удовлетворенной.

— А вдруг я понравлюсь их главному менеджеру, и мне предложат у них работать. Ведь бывает же такое. А что? Внешние данные у меня вполне... — выражение Викиного лица предвещало полет мечты, которая уже не только расправила крылья, но и вырвалась на взлетную полосу. — Поднатаскаюсь в инглиш и вперед — возить тургруппы. Из-за бугра вылезать не буду!

— Скинь обороты, — Эгоист снисходительно хлопнул Вику по заднице, — Мэрилин Монро местного разлива. Сейчас на одном экстерьере далеко не уедешь. К тому же, прикинь, какой будет облом, если ты вывалишь свои прелести на стол, а их топ-менеджером окажется баба?

Вика надулась. А я изо всех сил душила прокравшееся в душу злорадство.

— Только это не турбюро, — продолжал между тем Эгоист. — Это наверняка бар или ночной клуб. А название такое с экзотинкой оттого, что у них мулатки стриптиз танцуют, тайский эротический массаж, приват-кабинеты, ну и прочие безобразия. Вот где я бы поработал!

— Кем? Стриптизером-массажером? — фыркнула Вика. Но Эгоист уже видел себя в эпицентре греховных утех и не снисходил до того, чтобы обращать внимание на подколки обиженной подружки.

— Директорша в таких клубах обычно тетка да-

леко за тридцать, «б/у, но в хорошем состоянии». Кстати, наш кошелек скорее смахивает на женский. Мужик бы такой носить не стал. Когда хозяйка выйдет, я сам с ней переговорю, — многозначительно добавил он и незаметно погладил находку в своем внутреннем кармане.

— Послушайте, а нам часом не сюда?

Занятые воздушными проектами таинственной Танзании, они не сразу услышали мой робкий призыв и по инерции прошли еще несколько метров вперед мимо неприметной дверки, которую я углядела лишь благодаря своей дурацкой привычке вертеть головой по сторонам.

Узкая железная дверь со скупой табличкой «Агентство Танзания» наставила на нас черное дуло глазка. Ничто больше — ни ручка, ни цепочка, ни, на худой конец, кнопка звонка — не нарушало безаппеляционной глади. Мы переглянулись. Достучаться до кого-либо через эту толщу можно было разве что ногами. Но подобный способ как-то не вязался с целью нашего визита, к тому же за такой дверью наверняка скрывалась парочка серьезных дяденек с бронированными челюстями.

Я неуклюже топталась на нелепом квадрате, вероятно, служащем агенству «Танзания» неким подобием коврика или крылечка. Эгоист мрачно констатировал:

— Да... Если это клуб, то оч-чень закрытый клуб.

— А может, ну ее, эту «Танзанию», — неуверенно произнесла Вика, которая уже, кажется, отдала своей мечте о турагентстве приказ заходить на посадку.

Но не успела она договорить, как дверь неожиданно распахнулась, и прямо у меня перед носом вырос человек с презентабельной, но ничего не говорящей внешностью банковского клерка.

— Кто звонил? — сухо поинтересовался он, глядя мне под ноги на черный квадрат крыльца. Вот оно что: там у них встроен фотоэлемент или какая-нибудь другая научно-техническая хренотень, подающая сигналы о посетителях. Клерк, кажется, ожидал, что мы сейчас дружно развернемся и пустимся наутек, как делают дети, балуясь с чужими звонками.

— Это «Танзания»? — официальным тоном поинтересовалась я, кашлянув. В конце концов, надо же было что-то сказать.

— «Танзания», — бесцветно повторил клерк, скосив глаза на табличку. Надо отдать ему должное: высколен он был безупречно, даже удержался от колкости, что в нашем возрасте уже пора уметь читать. Тем более обидно, что нас здесь ни в коем случае не рассматривали как потенциальных клиентов. Клерк загораживал своим телом вход и вежливо ожидал, когда мы уберемся. Эгоист наконец-то оторвал от сердца крокодиловый кошелек и извлек три пластиковых квадратика. И тут произошло чудо! Равнодушно-никакой служащий вдруг засветился изнутри и мгновенно обрел черты лица, определенный возраст и настроение. И настроение это было самым что ни на есть благодушным.

— О! Что ж вы сразу не сказали, что состоите в нашем агентстве! — произнес он войлочным голосом с некоторой ноткой смущения. Дескать, простите, не признал. И оловянным солдатиком отскочил в сторону, давая нам проход.

Мы сделали шаг и оказались в довольно просторном холле, где европейская мода заходила в своем последнем писке. Пред нами предстала не обстановка, а интерьер, не оформление, а дизайн; слева от входа высилась стойка красного дерева, подобная тем, какие бывают в отелях, с мерцающим экраном компьютера; посередине, в окружении кремовых диванов, стояли несколько низких столиков темного стекла, а стены украшали не картины, а цитаты, убранные в рамки. «У. Теккерей», — прочитала я под одной из них. Однако где же пальмы с попугаями, удавы и экзотические фрукты на подносах? Это не «Танзания», а «Бенилюкс» какой-то.

— Видите ли, позволить себе услуги нашего агентства может далеко не каждый, поэтому всех клиентов я знаю, так сказать, в лицо. Я полагаю, родители приобрели для вас карты агентства, — продолжал прощупывать нас мягкой лапкой клерк.

Я открыла было рот, чтобы выложить ему всю правду, но Вика так дернула меня сзади за край рубашки, что я повалилась в мягкие объятия дивана, прикусив язык.

— Да, в честь поступления в университет, — не моргнув глазом подтвердил Эгоист. — Но мы еще не решили, как лучше распорядиться с подарком, вот и пришли узнать прямо на месте.

— Вам повезло с родителями. Нельзя и желать лучшего подарка при вступлении в жизнь. Само название нашего агентства — «Танзания» — это символ далекой и несбыточной мечты, которую мы исполняем для наших клиентов, претворяя в жизнь их нереализованные желания.

— Что любые?! — в голосе Эгоиста смешались недоверие и жгучее желание поверить.

— Любые, — спокойно подтвердил клерк, — если они, конечно, не вступают в конфликт с уголовным кодексом и не противоречат законам физики. Понятно, что если, скажем, клиент потребует обучить его летать безо всяких специальных приспособлений, мы этого ему обещать не сможем. Но, уплатив такие огромные деньги за карту агентства, вряд ли кто станет просить о подобной ерунде.

— Выходит, если я скажу: «Хочу разбогатеть!», вы откроете мне счет в Швейцарии? — слотнул слюну Эгоист, плотоядно оглядывая неслабый интерьерный дизайн «Танзании».

— Ну! Молодой человек... — даже как-то слегка обиженно протянул клерк, — я вижу, ваши родители совсем ничего вам не объяснили. Не стану называть стоимость вашей карточки в точных цифрах, думаю, они хотели бы оставить это в секрете. Но замечу лишь, что она сопоставима с ценой недвижимости самой высшей категории, например, особняка с прилегающей к нему землей где-нибудь на Лазурном побережье. Так что, если бы ваши родственники хотели открыть для вас счет в любом заграничном банке, они сделали бы это и без нашей помощи.

Вика чуть слышно присвистнула и шепнула, наклонившись к самому моему уху:

— Вот это находочка... Да, лучше бы деньгами!

— Другое дело, если вы пожелаете разбогатеть независимо от ваших родителей, так сказать, сами по себе...

Вика и Эгоист, как по команде, энергично затрясли головами.

— Это похвальное и довольно частое стремление детей из обеспеченных семей. В этом случае при подписании договора с нашим агентством вы можете сформулировать это несколько иначе. Например, как помощь в продвижении по карьерной лестнице в любой из выбранных вами сфер деятельности.

— Значит, мы прямо сейчас можем заключить с вами договор? — торопливо перебила клерка Вика.

— Конечно. Сейчас к вам спустятся наши сотрудники, и вы реализуете свои права на осуществление любой вашей мечты, полученные с приобретением карточки агентства «Танзания». Хочу лишь обратить ваше внимание на особый пункт договора, где говорится, что ответственности за последствия принятых вами решений агентство не несет, так как это вам решать, в какое русло вы хотите направить свою судьбу. Мы лишь, согласно контракту, исполняем вашу личную волю.

Мне стало не по себе, и я уже начала говорить, что мы еще хотим подумать, но в этот момент Викин каблук, словно лезвие гильотины опустил на мою туфлю, и не сорвавшись с губ слова приказали долго жить.

— Мы готовы подписать договор, — хором отчеканили мои друзья. Мне стало как-то нехорошо, все вокруг завертелось и поплыло. Словно сквозь дымку я видела, как откуда-то сверху спустился молодой мужчина с внешностью менеджера турфирмы и, галантно взяв Вику под локоток, увел ее за собой в таинственные глубины агентства. Потом настала очередь Эгоиста, за которым пришла мулатка лет тридцати, правда, в отличие от женщин из его неоновых грез, она была полностью одета. Я чувствовала, как мертвыми кольцами несуществующего здесь экзотического удава меня скручивает паника. Подошел мой черед, и сейчас по мою душу тоже кто-то явится, чтобы спросить о самом главном и великом желании в моей жизни. Что я ему скажу? Я сидела, припечатанная к дивану, и тупо смотрела на цитату в рамочке, висящей на стене прямо напротив меня: «Хочу быть владицицей морскою, и

чтоб сама рыбка была у меня на посылках. А.С. Пушкин». Этот момент, словно высвеченный фотовспышкой, почему-то остался у меня в памяти, хотя сейчас я не помню даже лиц Вики и Эгоиста, которых с тех пор больше никогда не видела.

Все, пора! Сейчас уже должны объявить рейс из Лондона, который принесет в мои дружеские объятия господина Тороса, старого партнера и такого же старого пройдоху. Я затушила сигарету, расплатилась, оставив пять баксов на чай (а большего эти сонные мухи не заслужили) и вышла из Ви-Ай-Пи зала в бегущую, кричащую, роняющую что-то на ходу людскую сумятицу аэропорта. Судя по табло, только что прибыл стамбульский рейс, и из зоны таможенного досмотра выскакивали ошалевшие тетки в джинсах, вытянутых майках, с нечесанными головами — челночницы, надежда и опора российского потребителя. Самая шустрая из них, уже успевшая получить багаж, суежилась среди своих тюков, баулов и рюкзаков, шаря затравленным взглядом по головам более уважаемых путешественников, волею случая оказавшихся с ней в одном месте в одно время.

— Девушка, — вдруг цапнула она меня за рукав.

Только этого мне и не хватало. Сейчас попросит присмотреть за своими баулами. И ведь надо же, какая честь, не боится доверить свои сокровища. Видимо, сразу разглядела, что ее турецкие тряпич-

ки меня не интересуют.

— Ой! — челночица вдруг подкосилась и осела на один из тюков. — Аня! Ты!

— Вика! — я почувствовала, что готова плюхнуться рядом с ней. Господи! Неужели это Вика? Да, ее высокие скулы и тот же призывный вздернутый нос, но словно бы размытые водами древнего Мертвого моря или подточенные африканским жуком-короедом. А ее рыжие волосы! Неужели это солнце экзотических стран сделало их похожими на слезавшиеся водоросли.

— Анька, я бы никогда не узнала тебя! — хрипела, не поднимаясь с тюков, моя бывшая подруга, которую распознал датчик моей души «свой-чужой», но глаза не желали верить ему. — Как изменилась! Похудела! Наверное, замужем за иностранцем? Нет? За депутатом? Нефтяным магнатом?

— Я по-прежнему одна. — Остановила я поток ее матриониальных фантазий. — А ты как? Как твоя мечта о работе в турбюро?

— Как видишь. Я работала менеджером крупной турфирмы первое время, но потом... В общем, произошла у меня неприятная история на таможне, и несколько лет мне пришлось отдыхать. Но теперь вот опять, как видишь, мотаюсь за границу. Чтоб ее, в душу мать, — завершила она неожиданно жалобно.

— А как там Эгоист? — поспешила я сменить тему. — Вам не случалось пересекаться?

— Разве ты не слышала? — при упоминании о нашем давнем предмете воздыханий, яблоке, а лучше сказать помидоре раздора, по лицу Вики пробежала рябь мелких морщинок, как от застарелой зубной боли. — Он тогда сразу же бросил университет, впрочем, как и я. Работал в одном скандально известном клубе ди-джемеем. Собирал на свои дискотеки полные залы. Срывал плоды легкой популярности, как дешевенькие поцелуи фанатеющих старшеклассниц. Но, говорят, за всей его карьерой стояла сама... — Вика назвала фамилию певицы, числившейся секс-символом семидесятых годов... — А она баба серьезная, не терпит, если что не по ней. Видать, так круто взяла Эдика в оборот, что его ни деньги, ни слава уже не грели. В клубе он и так-то привык прикладываться к горлышку, а потом для

полноты ощущений сменил конька: подсел на «белого». Ну, на героин, значит. Теперь я даже и не знаю, жив ли он, — завершила Вика биографию Эгоиста, скорбно поджав губу.

— А ты-то, ты как тогда выкрутилась? Заключила договор с агентством? Или... неужели сказала им всю правду? Я часто потом об этом думала. Может из-за этого у нас с Эдиком все пошло наперекосяк? — она прищуренным глазом мазнула по мне с головы до пят.

— Нет, — вздохнула я, — правды им я не рассказывала.

— Ну, а что же ты попросила? Кем стала ты? — Вика, наконец, поднялась на ноги, и ее дыханье теперь горячим ветром далеких пустынь било мне в лицо. Но песчаная буря не успела разойтись, так как объявили долгожданный лондонский рейс. Мне ничего не оставалось, как пожать плечами и с самым невинным видом назвать мою нынешнюю должность:

— Я директор агентства «Танзания», правда сейчас оно называется «Бенилюкс».

Богословский завод на Турье

(свидетельствуют архивы)

Пруд у медеплавильного завода.

Известно, что возникновение горнозаводской деятельности на Северном Урале в Сосьвинской волости произошло благодаря находке верхотурским разночинцем Григорием Посниковым двух железных приисков на реке Колонге. О его находке узнал верхотурский купец Максим Походяшин и упросил Посникова уступить прииски ему. Вот как об этом рассказывал Посников унтершихтмейстеру Серебряникову, когда тот в июле 1769 года приехал обследовать найденные верхотурским купцом Енталцовым и Посниковым золотосодержащие рудники (стиль и орфография сохранены).

«Я, будучи в прошлом 1752, 53 и 54 годах по данному мне разрешению еще от Верхотурской воеводской конторы, прислан сам собою, а не от него Походяшина, за отысканием слюды и точильного камня в Верхотурском ведомстве около реки Сосвы и реки Вагран. И тогда наперву найдены мною собственными моими трудами и коштом по обе стороны реки Колонги два рудника железные; а реченый Походяшин, повладев, что мною те рудники отысканы и зазвав меня в дом свой, просил меня, чтобы те рудники отдать ему и для строения завода место сыскать... Да и после их собственными моими трудами, не требуя от него, Походяшина, на то никакого кошту, еще сыскано мною и ему отведено железных же три, да медных 10 рудников. Да сверх оных в 1759 году по просьбе же его, Походяшина, указано мною два железных рудника (на Брусковой горе в верховье реки Оленьей, притока Вагран) и под завод (Вагранский) место Строганова управителю Ваулину,

вместо уступленных от него Походяшину поблизости реки Павды рудных приисков, где ныне его Походяшина с купцом Ливенцовым завод». (ГАСО ф. 129, оп. 1, д. 187, л. 77 об.)

После находки Посниковым двух железных рудников на Колонге, рудознатец Богомолов открывает в тех местах еще несколько приисков железных и медных руд. Обследование приисков показало их надежность, и 5 декабря 1757 года Максим Походяшин получает указ из Государственной Берг-коллегии на строительство Петропавловского завода. (ГАСО ф. 24, оп. 14, д. 1671, л. 2). Этот указ и явился причиной появления Богословского завода.

Берг-коллегия рассмотрела предложение Канцелярии главного заводов правления (в дальнейшем — Канцелярия) и Походяшина о постройке завода на Колонге в двух местах: на нижнем месте, у владения Колонги в Вагран, где предусматривалось установить домну с медеплавильными печами и молотами, и на верхнем, отстоящем от нижнего вверх по Колонге на 3 версты, где было предложено построить молотовую фабрику. Она решила отказать в постройке молотовой фабрики на верхнем месте, объяснив это тем, что размещение завода в двух местах приведет к «опустошению» лесов. Походяшину было предложено приискать другое место.

Канцелярия 1 февраля 1759 года сообщила в Берг-коллегию, что «...сысканы в том же верхотурском уезде на трех речках способные места и с которых по свидетельству старшим пробователем Леонтием Яковлевым и мельнишным за уставка Иваном Се-

вастьяновым за способное признано место на реке Турье... Река Турья состоит в верхотурском ведомстве сосвинской волости на государственных порожних землях и от всех построенных казенных и партикулярных заводов в отдаленности, и никому ни в чем обиды и притеснения быть не может».

Сообщение Походяшина о пустынных местах на реке Турье было не совсем правильным. Места были заселены вогулами. (Каждая вогульская семья имела владения, простирающиеся на большие расстояния.) Походяшин, чтобы избежать конфликта с аборигенами, скупил у них земли в местах расположения приисков и завода. Так, 31 декабря 1759 года он получил за 100 рублей «крепость» от ясачных вогул Дмитрия Алексеева Антипкина и сына его Федора на владение землей по речке Турье «с устья оной до большого лому», а также лесами и сенными покосами.

Берг-коллегия, рассмотрев доношение о выборе места, направила 5 февраля этого же года указ в Канцелярию: «Верхотурскому купцу и заводчику Максиму Походяшину на том приисканном месте им на реке Турье для переплавки выплавляемого при Петропавловском его, Походяшина, заводе из домен чугуна в железо, молотовый завод дозволить построить».

Место Походяшину было отведено на 60-летнее пользование.

По представлению Берг-коллегии Правительственный Совет 14 февраля 1760 года повелел приписать к «новозаводимым железо и медеплавильным заводам» Походяшина приписать государственных Чердынского уезда крестьян «на первый случай по пустоте тамошних мест, доколе он, Походяшин, к тем заводам собственных своих крестьян купит тоlikовое число».

Походяшину было отведено: к Петропавловскому заводу – 2600 душ и для строительства молотового завода на реке Турье – 1600 душ. Расчет производился по количеству устанавливаемых домен, печей и молотов. Например, на домну отводилось 100 дворов, а на один молот – 30. (В каждом дворе считалось пригодных к работе 4 души мужского пола).

В действительности же из 4200 душ пригодными для работы оказалось только 1837. Остальные негодные: за старостью – 606 душ; отданных в рекруты – 135; беглых – 395; умерших – 1227 душ. (ГАСО ф. 24, оп. 1, д. 1674, л. 34).

Но и этого количества душ Походяшин не получил. Крестьяне не захотели покидать свои места и до 1764 года оказывали неповиновение. В это время волна протестов охватила крестьян на многих заводах Урала. Для их усмирения Екатерина II направила на Урал генерал-квартирмейстера и кавалера А.А.Вяземского. Он сумел навести порядок, и крестья-

План завода и города.

Рабочие и служащие завода на фоне собора Иоанна Богослова.

яне в 1766 году стали приходиться на заводы, в том числе и к Походяшину.

На реке Турье начались работы по расчистке места под завод. Была проведена подготовка к сооружению плотины, заготовлены лесные припасы и кованые изделия под строения вешняковых и ларевых прорезов и каналов.

Со времени получения указа на строительство завода прошло 10 лет, но он так и не был построен. За это время в его окрестностях было найдено много медных и железных приисков, в том числе богатое Турьинское месторождение медных руд. Руду здесь добывали еще с 1760 года. Их возили на Петропавловский завод (за 50 верст), где имелись медеплавильные печи.

К этому времени стало ясно, что решение о возведении молотового завода на Турье для перековки петропавловского чугуна в железо — является абсурдным, так как нужно было не только возить чугун из Петропавловского завода, но и доставлять в Петропавловский завод руду, добываемую на Турьинских рудниках. Поэтому 23 марта 1769 года Походяшин пишет доношение в Канцелярию и просит, кроме молотовой фабрики, «построить медеплавильных до двенадцати печей». Он также сообщает, что при заводе строит церковь во имя святого евангелиста Иоанна Богослова, «чего ради и соизволено б было именовать тот завод Богословским». (ГАСО ф. 24, оп. 1, д. 1981, л. 228)

Берг-коллегия, рассмотрев «челобитье» Походяшина, 23 мая 1769 года постановила:

- вместо молотового завода построить доменный завод с молотовой и медеплавильной фабриками;
- прежде дозволенные перевозки чугуна с Петропавловского завода на переплавку в железо на том строящемся на речке Турье заводе не производить, так как чугун выплавляться будет при этом заводе из местных руд, отысканных около строящегося завода;

- десятичного платежа с выплаваемого на вновь назначенном строении заводе не взыскивать в течение десяти лет.

Теперь Походяшин стал быстрыми темпами строить завод, и в 1771 году он был пущен в действие.

Между тем, Походяшин продолжает поиск. Некоторые из приисков оказывались на землях вогул. Поэтому он скупал эти земли. Так, 29 ноября 1769 года он за те же 100 рублей купил у ясачных вогул «Федора Андреева с братом Афанасием, Ивана Тимофеева и Василия Гаврилова Княспинных с товарищи» «в потомственное владение

при четырех Княспинских озерах места и по речке Улве, коя пала устьем в Кагву (Какву), и по оной Кагве вверх до вершины, а вниз по речке малой Тоте и по впадающим с вершины до устья, также и по реке Кочкиной до большого лома и дороге и по обе стороны реки Вагран».

Покупает он земли и у других вогул, считая, что такой акт покупки является законным. Но впоследствии оказалось, что его купчие не имеют никакой юридической силы.

В 1780 году Енталцов и Посников продали тайному советнику и кавалеру Всеволоду Алексеичу Всеволожскому 2/3 своей доли приисков компаний, в которую входил и Походяшин. Узнав об этом, он возбудил дело против такой сделки. В ответ Всеволожский подал доношение в Пермскую казенную палату, в котором указал на незаконную покупку Походяшиным земель у вогул, так как составление купчей было совершено заочно — без присутствия представителя власти. Кроме того, вогулы не имели документов на владение землей, которую они продавали.

Разбирательство показало, что вогулы владеют землей с незапамятных времен, и им никогда не выдавали никаких документов, т.е. была допущена недоработка на государственном уровне. Конфликт был оставлен без решения, так как получалось, что Богословский завод был построен незаконно.

Тем не менее Богословский завод стал самым крупным на Урале по выплавке меди. Здесь находилась главная заводская контора, которая управляла Петропавловским, Богословским и Николаепавдинским заводами. Здесь же были созданы лаборатория, минералогический музей и обсерватория.

Таким образом, находка Посниковым железных руд 250 лет назад стала поводом для строительства не только Петропавловского, но и Богословского завода.

БАЙКЕРЫ: НАЧАЛО – ЕЗДИМ НА МОТОЦИКЛАХ

Наши увлечения

Сегодня к байкерскому движению в России относятся совершенно по-разному. Уже не много осталось от всеобщей прокрустовой ненависти к хорошему делу другого человека. И, если честно, радует, что в наше время одно из популярнейших слов – толерантность

Последний школьный звонок отзвенел уже давно. Одноклассники, как ласточки разлетелись кто куда. Но в этой череде движения автомобилей наших жизней встречаются порой, однако, мотоциклисты. Встреча была короткой. Он улыбнулся, поцеловал меня в щеку, как обычно, и уехал на своем серебряном коне на встречу с новыми друзьями. Его друзья – байкеры.

Андрей четыре года ездил на велосипеде: «Сначала просто катался, потом соревнования, турниры». А затем, как это часто бывает в нашей жизни, – травма. «Я стал меньше заниматься, да и потом,

хотелось того же, но с большей скоростью и меньшими затратами. Так и сел на мотоцикл».

Сейчас в нашем городе существуют четыре байк-клуба. Они разделены по интересам и территориально. В «Черные ножи» большей частью входят бизнесмены и люди, которые могут приобрести хорошую машину, хороший мотоцикл. «Мертвые головы» собира-

ются на Московской, они практически все – дружинники. Так же «Стальные кони». «Железный коготь» находится на ВИЗе – здесь признак территориальный. Но «общаются все и со всеми всегда. Нет какой-то неприязни. Если надо, собираемся вместе. Например, на общественные мероприятия: ездим в детский дом – игрушки, книжки, одежду отвозим». На последнем

празднике, дне рождения «Мертвых голов» «собрались своими клубами, ещё из области приехали — Ирбит, Тюмень».

«Стой, стой!! Последнее — это было закрытие сезона. Все собираемся, проезжаем по городу (это организуют «Черные ножи»), а затем — по турбазам». После этого стараются не кататься. Примета плохая. Я посмотрела в окно: на машине Андрея прыгала синица, оставляя на свежем слое снега дорожки. «Понимаешь, у всего есть свои плюсы. Велосипед — это удобно, но в городе его оставить негде. Мотоцикл оставлять опасно, но на нем быстрее едешь. И на дороге к тебе относятся как к полноценному участнику движения. Но всегда есть что-то, что не устраивает. Зимой на мотоцикле ездить нельзя. Погода иногда позволяет. А на машине — в любую погоду — сел и поехал». Ко всему прочему зима — «это время, когда все модернизируют, как-то дорабатывают мотоциклы. Кому есть что до-

рабатывать, кто не просто катается. «Переделка» под себя идет постоянно, всегда найдется что-то: в конце концов, вставить покрасивее болтики, другие фары, другие лампочки. Это как ремонт: его нельзя закончить, можно только приостановить».

Идет настоящая подготовка к лету, «но встречаемся мы круглый год: пешком, на машинах». Хотя нет такой свободы, неограниченности общественными рамками прокрустовы ложа: «ты не как в машине сидишь, как в аквариуме. Можешь ездить на такие же расстояния, но с большим для себя удовольствием. Но вот в дождь, на мотоцикле ехать сложно. Скользкая дорога. Это не машина. Можно упасть, повернуться — достаточно неприятно».

Сезон открывается в начале мая. В этом году было седьмое байк-шоу в Ирбите (250 км туда и 250, соответственно, обратно). «Народ ездил у нас в Тамань, на Нашествие — в Москву». Это просто: «сзади вешаются кофры — на трассе всегда с собой палатка, спальный мешок. Идеальное место для ночевки — это автобусная остановка. Люди обычно относятся доброжелательно к байкерам». Ещё бы, «все представители мужского пола либо хотели ездить на

мотоцикле, либо ездили. А может, и сейчас ездят». Одна девушка из Питера. Всегда одна... путешествует, «приезжала к нам на байк-шоу. Далее ехала на Алтай. Её во многих городах знают. Почти везде встречают».

Иногда, конечно, доходит до анекдотичного. Приехал, слез с мотоцикла и упал — оказался в стельку пьяным. «На автомате у человека происходит. Ходить уже не может, но едет нормально. Таких практически нет. Большинство вступили в клубы. У клубов есть в уставах довольно-таки жесткие правила. Самое главное: запрещено ездить в пьяном виде. Опасно это, портит отношение к мотоциклистам».

Все байкеры абсолютно разные. «Сидели прошлой зимой в кафе, к нам подошел человек: «Скажите, как так, сидя люди абсолютно разных возрастов, по-разному одеты... И вполне нормально общаются, друг друга понимают. Как так?» «Просто мы все ездим на мотоциклах...».

СЫН ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТА

В одном из переулков современного Пекина с названием Динь Инь — «Серебряный холм» — живет Жен Дунлян, человек удивительной судьбы — единственный оставшийся в живых китаец, который встречался с В.И.Лениным, разговаривал с ним. Он сын бойца-интернационалиста, командира китайского полка Жень Фучэня, героически погибшего в ноябре 1918 г. в борьбе за власть Советов.* Было тогда Жен Дунляну 11 лет (родился в 1907 г.), но память его цепко хранит эту встречу, годы, проведенные в Москве.

История, однако, умалчивает некоторые сведения о жизни Жен Дунляна в Харбине, а выпускники Харбинского политехнического института (ХПИ) этих фактов тоже не сообщают. В 30-е годы Жен Дунлян, оказывается, учился в ХПИ вместе с несколькими русскими. Его сокурсниками были Г.В.Голованов, Воронин и другие русские студенты.

Одним из сокурсников Голованова («дяди Гоши») и Жен Дунляна был Воронин, советский подданный из плеяды старосветских «кавэжедицев» (по харбинской терминологии), т. е. человек, получивший паспорт в довоенное время, до 1941 г. Он был арестован японцами и позднее замучен в страшном японском застенке, известном среди харбинцев и всех жителей Китая — Сумбее. Этой участи не избежали и некоторые другие выпускники ХПИ, многие «кавэжедицы», служившие на Китайско-Восточной железной дороге в те далекие тридцатые годы прошлого столетия.

В одном из номеров газеты «Правда» в середине 80-х годов была опубликована статья о Жен Дунляне, о его знакомстве с вождем пролетариата, сообщался и его домашний адрес в Пекине. Этими сведениями и воспользовался дядя Гоша, направив по этому адресу письмо своему другу юности и молодости.

После почти полувекового молчания он получил от сокурсника Жена долгожданное письмо. Его, а потом и другие письма, я читал, хорошо их запомнил и восхищаюсь грамотностью изложения, литературным слогом, убедительностью суждений иностранца, изучавшего русскую речь и грамоту на заре XX века!

*О поездке Жен Дунляна на Урал см. в очерке О.Лузянинова «Прощай, колокол!» - «УС», 1997, № 11-12.

Жен Дунлян с внучкой.

В богатом архиве дядя Гоши (его семью мои родители знали с 20-х годов по Харбину, а потом случайно встретились в Омске в 1957 г.) хранились фотографии сокурсников за многие годы. К великому прискорбию Жена, у него никаких фотографий в семье не сохранилось: были уничтожены или утеряны в пору так называемой культурной революции в Китае. Многие годы он провел в «лагерях по перевоспитанию». В то же время подобную участь перенес и будущий реформатор Китая Дэн Сяопин. Оба позднее были реабилитированы.

Репродукции с фотографий из альбомов, сделанные мною в Омске, дядя Гоша переслал в Пекин. Снимки вызвали у Жена массу приятных ассоциаций, связанных с молодостью и друзьями, а также незабываемыми годами, прожитыми в Харбине. Выслана была и копия диплома Г.В.Голованова, выпускника 1931 г.

Диплом выпускника ХПИ любопытен по многим статьям: он был на трех языках — русском, китайском, французском или английском. Как видим, сохранялся паритет между русским и китайским дипломами. Тем самым отдавалась дань уважения Китаю, на территории которого находился институт. Все три оригинала были равноценными. Во всех странах мира диплом Харбинского политехнического института признавался и юридически не требовал переводов с одного языка на другой. Обладатели диплома сейчас разбросаны по многим весям земного шара. Естественно, выпускники ХПИ, помимо родного языка, знали еще два дополнительно, что было важно в налаживании контактов в различных странах Азии, Европы, Америки, Австралии, Африки.

ВЫТЕЛЬ

Угощение было скромным, но голодному Воле оно показалось царским. Он обмакнул лепешку в мед, зажмурился и откусил. Ах... Счастье — это чувство, длящееся мгновение, когда забываешь обо всем, что осталось за пределами этой сладости на языке. Но уже через секунду голос бабки вернул его на землю:

— Поешь, отдохни... Утром Рюша проводит тебя короткой дорогой через лес.

Воля открыл глаза и ответил:

— Спасибо вам, бабушка, за гостеприимство и заботу.

Старушка, похоже, немного смутилась.

— Да ладно... Людям помогать надо.

— Не все так считают, — отозвался Воля. — Ваши соседи даже разговаривать со мной не захотели.

— Не обижайся на них, — сказала бабка. — Деревня у нас крохотная, в лесу затерянная. К чужим здесь относятся с подозрением. Что это вдруг незнакомцу у нас понадобилось, не иначе как плохое что-то задумал — вот как принято думать.

— Так я же просто путник, в вашу деревню забрёл случайно! Не хотят ночлег давать — не надо, но выслушать-то могли!

Бабка вздохнула.

— Боятся они, сынок. Да и мне сначала не по себе стало, а ну как ты с Вытелем связан!

— С кем? — удивился Воля.

— Ты сожжённый дом видел? Первый в деревне...

— Да.

— Его Вытель сжёг, — ответила бабка. — А хозяев убил — обоих стариков, и даже маленького по-

мощника не пощадил.

Услышав последнюю фразу, Воля непроизвольно перевёл взгляд на Рюшу — домовый сидел тут же, за деревянным столом, шумно пил молоко из кружки, обхватив её обеими лапками, и внимательно прислушивался к разговору. Воле, как городскому жителю, было в диковинку, что в этой деревушке «маленькие помощники» обитают в каждом доме и совсем не прячутся от людей. К Рюше Воля сразу же проникся симпатией: домовый был похож на ребенка, заросшего шерстью, его огромные глаза светились наивностью и добротой, а на путника он смотрел с интересом и уважением.

— Да кто же такой этот Витель? — спросил Воля, возвращаясь к беседе.

— Лесное чудовище. Страшное и беспощадное. Со всех домов деревни он требует дань — то козленочка, то курочек, то ещё чего. И попробуй не послушайся... А хозяйство-то у нас бедное! Отдайшь поганцу дань, на что сам жить будешь?

— И что же? Никакой на него управы нет?

— А какая на него может быть управа? — удивилась бабка. — Что нам, сражаться с ним?

— Конечно! — воскликнул Воля.

— Глупенький ты... Кто же с ним сражаться будет? Здесь же, в деревне, одни старики остались, молодые все в город подались.

— Ну и что? Они что, не могут вернуться и сразиться с чудовищем?!

— Почему? Могут. Некоторые возвращались. Только Витель-то хитёр. С молодыми да сильными связываться не хочет, прячется. А потом нападает по одному, со спины... И всё.

— Ага! — воскликнул Воля. — Раз молодых стережётся, значит, не так уж и силен, власти могут прислать сюда бойцов — с нечистью разобраться, с кровопийцей. Никуда ему тогда не спрятаться!

— Власти? — бабка развела руками. — Скажешь тоже, власти! Да кому мы в городе интересны?!

— Да что же, никто и не пытается ничего сделать? — возмущился Воля.

— Щитники пытаются...

— А это еще кто?

— Существа такие, в лесу живут. Они нас от кро-

вопийцы охраняют, но он и их по одному изводит. Теперь их совсем мало осталось, справляются плохо: Витель появляется чаще и требует больше. А когда щитников совсем не станет... Страшно даже подумать.

— М-да... — понимающе протянул Воля. — Плохо дело. А какой он из себя, этот Витель?

Старушка замаялась.

— Ну... Чудовище... Росту метра два. Клыки. Язвы по всему телу. Нос длинный, весь в бугорках.

— Красавчик, — хмыкнул Воля. — Эх, если бы я мог задержаться, попробовал бы разобраться с мерзавцем!

Бабка с домовым переглянулись.

— Оно-то, конечно... Сынок, а ты разве воин?

Воля замаялся. Он уже жалел о своем хвостовстве. Неприятная черта характера — стараться выглядеть лучше, чем есть на самом деле — осталась с детства и проявляла себя в самые неподходящие моменты. Хотел произвести впечатление, а в результате попал в дурацкое положение.

— Нет, я, конечно, не воин. Но ведь мужчина! Мо-

лод, силен, не трус.

Бабка и домовой пристально на него смотрели, и Воле от стыда хотелось провалиться сквозь землю.

— Кхм... — он прочистил горло. — Спасибо вам, бабушка, за угощение. Если вы не против, я бы отдохнул. Завтра с раннего утра в путь...

— Конечно, сынок, — бабка словно вышла из оцепенения. — Пойдем, покажу, где ты можешь поспать...

Но долго спать Воле не удалось. Он проснулся оттого, что его дергали за рукав. Это оказался Рюша.

— Скорей. Идти, — взволнованно говорил домовый своим тонким детским голоском.

— Куда идти? — удивился Воля.

— Витьель, — произнес Рюша и затрясся всем телом.

Воля подскочил на кровати.

— Что?! Он здесь?!

Домовой энергично закачал головой.

— Не здесь. Воля. Витьель. Ра-зо-бра-ться.

— Что-о-о?! — изумленно протянул Воля.

— Рюша. Знать. Витьель. Место.

— Погоди, погоди! Ты что же, знаешь, где сейчас Витьель?

Домовой кивнул. Воле стало не по себе. Когда он заявлял, что готов сразиться с чудовищем, он говорил неискренне. Рисковать жизнью ради какой-то деревни ему вовсе не хотелось.

— Так если ты знаешь, где Витьель, почему другие не могли его найти, а?

Рюша постучал себя по лбу.

— Сегодня знать. Случайно.

— Только сегодня? Откуда?

Домовой отчаянно замахал руками — какая, мол, разница, откуда я знаю! Время же теряем!

— Ладно, неважно, — согласился Воля. — А я тут при чем?

Рюша даже отпрыгнул от неожиданности, широко раскрыв глаза.

— Ра-зо-бра-ться! — напомнил он.

Воля мысленно выругался. Конечно, можно и отказаться от своих слов, но это такой позор... Пусть даже единственные, кто об этом узнает, будут бабка и её домовый — всё равно.

В голову пришла спасительная мысль.

— Не успеем, — сказал он твердо. — Скоро ведь стемнеет!

Но Рюша был иного мнения.

— Близо! Идти! Сейчас! Успеем! — в голосе домового слышалось отчаяние.

— У меня нет оружия, — схватился Воля за последнюю соломинку.

В ответ Рюша указал в угол комнаты, где на полу оказался топор. Тут Воле стало по-настоящему страшно. Но в конце концов он решил, что позора боится сильнее. Тем более, кажется, Витьель сам не из смельчаков, раз от молодых бегал.

— Черт с тобой, — проворчал он. — Веди.

Прошло уже не меньше получаса после того, как Воля с Рюшей покинули деревню, углубляясь в лес.

Домовой не замедлял шага. Между тем уже начало темнеть.

— Эй! — позвал своего спутника Воля. — Ты что, не видишь, солнце вот-вот сядет! Давай назад, пока не поздно.

Рюша обернулся и прижал указательный палец к губам.

— Почти, — прошептал он.

Воля почувствовал, что холодеет. Неужели ему так и не удастся избежать встречи с чудовищем!

Впереди показалось небольшое деревянное строение. Домовой резко остановился и тихо сказал:

— Воля ждять. Рюша смотреть, — и, не дожидаясь ответа, убежал вперед, к странной хижине.

Воля попытался убедить себя, что всё не так страшно, как ему кажется. Ведь даже маленький беззащитный Рюша не боится. Правда, и сражаться с чудовищем не ему, а Воле... Может, всё-таки пора бежать?

Принять решение он не успел: зашуршали ветки, и перед ним снова появился Рюша. Домовой мелко дрожал.

— Витьель спать! Внутри! Сейчас! — жарко зашептал он. — Воля идти! Скорей!

Эх, была не была! Воля крепко сжал топор правой рукой и направился к строению. В нескольких шагах от входа он уже слышал доносящийся из хижины громкий храп. Стараясь ступать бесшумно, Воля переступил порог и оказался в полутьме. На полу перед ним виднелся силуэт крупного существа. Оно лежало, не шевелясь, и шумно храпело. Постепенно глаза привыкли к полумраку, и Воля различил длинный, весь в бугорках, нос, язвы на теле... Никаких сомнений — это спал Витьель. Осталось только взмахнуть топором, и конец страданиям деревни. Но Воля почувствовал, что не может убить спящего. Просто не может! Не помогла мысль, что перед ним не человек, а грозное безжалостное чудовище, и проснись оно, уж точно не станет задумываться, как поступить с Волей. Но оно спит! Не может Воля убить спящего, у него же есть понятие о чести!

И тут храп резко прервался и в полутьме зажглись два огромных желтых глаза — Витьель проснулся и в упор смотрел на пришельца. Все мысли сразу куда-то исчезли, остался только всепоглощающий ужас. Не имея больше ни сил, ни желания ему сопротивляться, Воля закричал, взмахнул топором и резко опустил его на шею монстра...

Возвращались уже в полной темноте, но Рюшу это нисколько не беспокоило, он уверенно вёл Волю, не сбавляя шага. Видимо, для ориентации зрение домовому необязательно.

Заснуть в эту ночь Воля так и не смог. Не получалось думать ни о чём, кроме глаз Витьеля. Сейчас, когда всё уже позади, Воле казалось, что во взгляде чудовища читалось удивление. Словно оно не понимало, за что его хотят убить. Уже под утро Воле

пришло в голову, что чудовище ведь не виновато, что оно всего лишь такое, какое есть. Стало совсем тошно... Поэтому гордости он не испытывал, напротив, возникло странное чувство стыда.

Прощаясь с бабкой, Воля не стал ничего говорить о вчерашнем. Пускай узнает от Рюши, если до сих пор не узнала. Последнее сомнительно, так как иначе старушка хотя бы поблагодарила, что ли... Воле же хотелось одного: скорее покинуть эту проклятую деревню и забыть обречённый взгляд Вытеля.

Как и было обещано, Рюша повел Волю короткой дорогой. Скоро путники оказались в таком густом и тёмном лесу, что идти стало сложно и даже страшно. Воля остановился.

— Послушай, — обратился он к Рюше. — Что-то мне эта дорога не нравится. Веди меня обратно, пойдём обычным путём.

Но домовой не ответил. Он вдруг пискнул и мелко затрясся, в глазах появился испуг.

— Что случилось? — встревожился Воля. Внезапно он обратил внимание на стоящую вокруг тишину. Исчезли все лесные звуки, даже птиц не было слышно. — Эй, что происходит?!

Но домовой не успел ответить, потому что в этот самый момент раздался дикий вой, а затем послышался шум ломающегося дерева — кто-то огромный приближался к ним, сокрушая всё на своём пути. Волю осенила страшная догадка. Он кинулся к Рюше, схватил его за плечи и закричал:

— Вытель был один?! Отвечай! Один?! У него нет какого-нибудь приятеля, желающего отомстить?! Ну, что же ты молчишь!

Но Рюша только трясся от страха и скулил. Со всем близко от них с грохотом упало дерево и раздалось рычание, от которого волосы встали дыбом. Домовой резко дернулся, вырвался и кинулся бежать.

Собираясь пуститься за ним, Воля наконец оглянулся. Он успел увидеть тень высотой в четыре человеческих роста, гигантскую когтистую лапу и злобный взгляд налитых кровью глаз. Воле непроизвольно подумалось, удастся ли убежать маленькому домовому? Это была его последняя мысль...

Рюша со всхлипываниями бросился к бабке и уткнулся мокрым носом в подол её юбки. Она погладила домового по голове и сказала:

— Ну, успокойся. Мне тоже его жаль, он хороший парень и хотел нам помочь. Но зато теперь, когда он убил щитника, Вытель доволен и оставит нас с тобой в покое до зимы. А за то, что мы сами отдали ему Волю, глядишь, и до весны. Разве не замечательно? — и она снова погладила Рюшу по густым волосам. Домовой успокоился только к полудню, когда появилось столько работы по хозяйству, что стало не до внутренних терзаний...

ЭСКМОЗИВ

АЗЛИТА

Сергей РОГОЖКИН

Милые холода горы

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Словарь специальных терминов:

Атмосферка – гора без искусственного оснежения.

Карвинг – (от англ. to carve) – вырезать, резать.

Карвинговые лыжи – лыжи, расширяющиеся в носке и в пятке. Такая конструкция делает возможным выполнять «резаные» повороты, т.е. без «сбрасывания» вбок задников лыж.

Пяткосбросы – пренебрежительное название лыжников, не желающих обучаться «резаному» ведению.

Распилы – пренебрежительное название лыжников (услышано от сноубордистов).

Чайники – нет, это не новички. Это лыжники с заученными до автоматизма неправильными движениями. Основной признак чайника – это отсутствие стремления к обретению техники. Любой чайник может хоть немного, но прогрессировать. Было бы желание. Именно для желающих и написаны эти строки.

Три основных пути развития горных лыж:

1. Новая школа

Чтобы научиться спускаться с горы легко и красиво, необходимы годы усердных стараний. От последних слов веет академической скукой. А может, сделать «дью» и прыгнуть куда-нибудь? Вау! Круто!

Те, кто пытается восполнить свое техническое несовершенство рискованными трюками, идут в Новую школу или сноуборд. Если вас оскорбило мое определение – простите старого «распила», имеющего собственную точку зрения, тем более, что для исполнения большинства трюков нет необходимости пристегивать к ногам горные лыжи.

«Уральский следопыт», № 12, 2004

2. Могул

Любители езды по буграм, как правило, непримиримые антагонисты «вырезальщиков». К радости последних, «могулисты» беспомощно смотрятся на жестком ледянистом склоне, зато неподражаемы в скаканье по неровным, изрытым трассам. Как бы ни были яростны споры между карвингистами и пяткосбросами – они бессмысленны: разные сферы приложения стараний. Карвинг – скольжение. Могул – дерзкий вызов бездорожью.

Обилие «атмосферок» породило огромную армию любителей катания по буграм, но всё чаще её рядовые, и даже генералы, переходят на сторону противника.

3. Карвингисты – не следует путать их с обладателями модных лыж, представления о карвинге у которых ограничиваются отказом от использования палок. Современный спортивный поворот выглядит так: поставленные на ребра (канты) лыжи прогибаются и плавно скользят по дуге, вырезая на снегу отчетливо различимый след. Нет следа – нет карвинга. Одна милая женщина весьма категорично утверждала, что не находит ничего эстетично-

утро пробежку и приседания, то, конечно же, вам не будет скучно на маленьких, жестко укатанных пологих горках – только на них можно обрести азы горнолыжной культуры, «поймать» основные элементы техники.

Один процветающий карьерист говорил мне как-то, что ездит только в Альпы, а здесь неинтересно. На все мои уговоры посетить гору Пильную он снисходительно отвечал, что «здесь катания нет». Я не соглашался с тем,

что тот способ, которым он возвращается от верхней станции подъемника вниз, уместно называть катанием на горных лыжах. Это напоминало спор между купальщиком и фанатиком баттерфляя.

И тридцать лет назад я считал, что более прекрасного отдыха, чем посещение горнолыжного курорта, не найти. А уж если вы основательно покатаетесь на наших родных уральских горушках и докарабкаетесь до уровня здешнего хорошо катающегося лыжника, то там, в далекой Буржуинии, вам будут аплодировать. Дамы и господа, хотите аплодисментов?

Конечно же, невозможно убедить всех стремиться к культурному, грамотному спортивному катанию. Некоторые ограничиваются только установлением багажника для лыж на крыше своего авто. Престиж и P.R. – близнецы-

го в горных лыжах. Мои уверения в обратном она решительно пресекла: «Ну что Вы спорите – у меня муж катается!» Выяснилось, однако, что этот акт совершается только по выходным и, естественно, не с утра. Как правило, поклонники спортивного стиля – люди не ленивые и к моменту прибытия основной массы катающихся они уже собираются домой.

Если вы разглядели пленительную красоту в скольжении на лыжах, если готовы «черту душу продать», чтобы кататься красиво и правильно, если во имя Лыж вы делаете каждое

братья. Кто более для мифотворчества ценен? - как написал бы сейчас Маяковский.

Многотысячная популяция счастливых обладателей горных лыж устремляется воскресными зимними днями на Уктус, Флюс, Волчиху, Ежовую, Пильную, Теплую, Стожок, Ашу, Абзаково, Губаху.... Всего не перечислишь. Ах, эта радостная зимняя забава! И толпятся в очереди на подъемник возбужденные граждане, чтобы затем, кто как может, стремглав лететь вниз в модных горнолыжных нарядах, подпрыгивая на бугорках и безжалостно скребя лыжами снежный покров.

И какой русский не любит быстрой езды!

Уктус.

Гора находится в черте города. Искусственное оснежение. Вечернее освещение. Есть сноуборд-парк, два горнолыжных склона с бугельными подъемниками. Работает пункт проката, есть возможность занятий с квалифицированными инструкторами.

Склоны короткие, но гладкие, жесткие.

На этих склонах делали первые шаги многие будущие мастера спорта. Уктус – первая ступенька для становления «турика» «продвинутым» лыжником.

Пильная.

38 км. от Екатеринбурга. Искусственное оснежение. Вечернее освещение (катание?). Есть сноуборд-парк, два бугельных подь-

емника, работает прокат. Склоны подлиннее уктусских, очень уютное и красивое место. Отлично подходит для оттачивания горнолыжной техники.

Несколько слов о технике безопасности. Если вы совсем новичок, то обязательно возьмите первые уроки у хорошего инструктора. Никакой давно катающийся знакомый не заменит квалифицированного тренера. Поверьте: если вы выполняете начальные упражнения, ничего унижительного в этом нет - вы новичок. А вот если вы несетесь неуправляемым снаряжением и представляете опасность для окружающих, то вы не новичок, вы идиот. Почувствуйте разницу.

Не забывайте сделать разминку перед катанием. Пяток самых простых упражнений разогреют ваши мышцы.

Следите за регулировкой креплений. Неисправность крепления влечет непоправимые последствия.

Обращайте внимание на спускающихся рядом новичков и сноубордистов: наиболее вероятно столкновение именно с ними. Помните, что в любом случае лучше не тот лыжник, который быстро едет, а тот, кто умеет контролировать скорость спуска. Не пытайтесь поймать летящую со склона отстегнувшуюся лыжу – она может внезапно подпрыгнуть и сильно ударить. Эйфория от катания усыпляет осторожность – помните об этом.

Организация безопасности в лыжном горном походе

Зима в горах резко меняет характер опасности. Камнепады, ледовые обвалы прекращаются, увеличивается лавиноопасность. Поэтому зимний горный маршрут иногда значительно отличается от летнего.

Понижение или повышение температуры воздуха, большой снегопад, захвативший группу на маршруте, может также изменить выбор дальнейшего пути

Наиболее характерный путь туриста-горнолыжника – «долина – перевал». Движение по широкой долине, поросшей лесом, без лавинных просек, безопасно и может осуществляться в любое время суток, в любых метеорологических условиях.

Лесистая долина, даже если она пересечена просеками и мало заснежена, небезопасна.

Массы снега, срывающиеся со склонов выше зоны леса, обрушиваются на ее дно. Особенно опасны узкие долины с каньонами в нижней части. Проходить их желательно до восхода солнца.

Для зимы характерна особая лавиноопасность на альпийских лугах выше пояса лесов.

В высокогорье, в зоне скал и ледников, частые ветры и солнце быстрее цементируют снежный покров, и он более надежный, чем на крутых травянистых склонах долин с мягким профилем и ровным снеговым покровом. Однако здесь более опасны подветренные склоны из-за метелевого переноса с наветренных склонов. На подветренных склонах образуются лавины – «снежные доски».

Фото Евгения Корбута.

Пути схода лавин и лавиноопасную зону надо проходить очень осторожно. При увеличении лавиноопасности выходить на маршрут не рекомендуется: внешне отличный путь лыжного спуска может быть крайне опасен. В этом случае опыт и дисциплина помогут найти более безопасный маршрут, не считаясь с удлинением пути и неудобством прохождения его на лыжах.

Если летняя дорога идет по северной стороне ущелья, то зимой более безопасны южные склоны. Как правило, северные склоны значительно дольше сохраняют лавинную опасность.

При расчете времени на пути долина—перевал зону альпийских лугов и другие лавинные участки следует проходить до восхода солнца, с соблюдением всех правил предосторожности.

При потере видимости в условиях вынужденного движения ночью, в туман, снегопад обязательно часто проверять состав группы.

В широких безлесных долинах более безопасно идти по дну долин и руслам рек. Выше по долине или ее террасам туристы-горнолыжники выходят в верхнюю долину, непосредственно примыкающую к

а иногда ближе к южным склонам, опасаясь карнизов лавинных склонов северной стены. Выход на перевальное седло — по снежному мосту и далее по ледовому или снежному склону.

При лавиноопасности склона следует искать выход на перевальный гребень по боковым скальным гребням, примыкающим к основному гребню. На самом гребне опасны карнизы и надувы. На гребне с крутыми склонами надо соблюдать правила страховки и держаться подальше от предполагаемой линии отрыва карниза. Для спуска на другую сторону перевала, при наличии карнизов в гребне перевала, спускаться рекомендуется сбоку по боковому гребню. При отсутствии такой возможности нужно обрушить карниз в наименьшей части. При спуске следует опасаться схода лавины.

Выбор места для бивуака

Определить лавиноопасность в сумерках и ночью невозможно. Место для бивуака необходимо искать в светлое время.

В лесной зоне располагать бивуак надо подальше от лавинных просек. В открытой безлесной долине его можно устроить: под защитой скальных стен; на боковой террасе под скальными гребнями

склонам хребта, где расположена перемычка перевала. В верхней долине и на перевале может лежать ледник.

Нужно стараться сразу попасть на середину ледника. При отсутствии ледопада выходить на ледник лучше с его языка. Нельзя выбирать путь для выхода на ледник по заснеженным скальным лбам.

На леднике надо избегать боковых морен, если они сильно заснежены (лавиноопасны).

Зимой преодолевать ледопады безопаснее и легче, чем летом. Крутой склон, рассеченный трещинами, менее лавиноопасен, чем такой же склон без трещин. При обходе ледопада иногда удобна трасса подъема и спуска, идущая между склоном и ледником. Лавинные конусы перекрывают боковые трещины и ледопады. При отсутствии лавиноопасности можно использовать этот путь.

Верхнее фирновое поле ледника на подходе к перевалу нужно преодолевать в средней его части,

ми или на южных скальных склонах, свободных от снега; на леднике в его средней части, дальше от северных лавиноопасных склонов; под склоном ледника, сильно рассеченного трещинами.

При организации бивуака на закрытом леднике ближайший участок с возможными трещинами следует огородить веревкой и предупредить всех участников похода о необходимости соблюдать меры предосторожности.

«И приговор нашептывает время...»

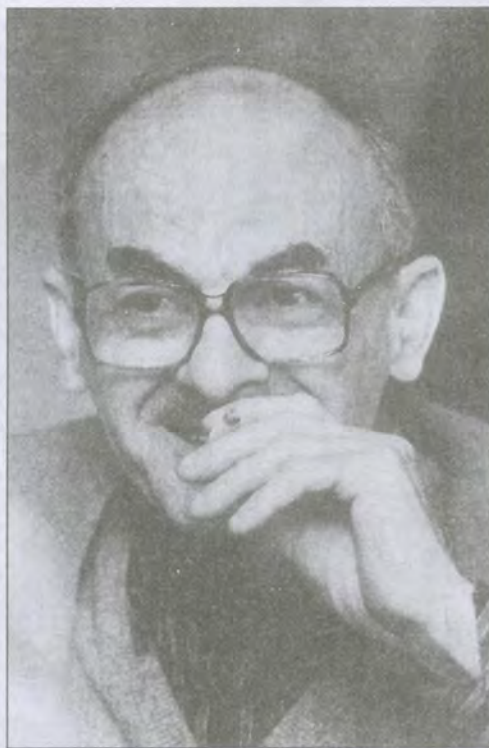
*«Совесь, благородство и достоинство —
Вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
За него не страшно и в огонь.»*

Тот, кто написал эти молитвенно-талантливые строки, был отважен и знал горечь утрат. Запоминалась поначалу звучная фамилия — Окуджава. В пору далекой теперь от нас «оттепели» удивительные песни этого барда, опережая появление его пластинок и книг, расходились в народе с помощью магнитофонного самиздата. От них веяло неким нравственным сопротивлением.

«Голубой шарик», «Полуночный троллейбус», «Дежурный по апрелю», «Шарманка», «По смоленской дороге» — эта странная лирика не звучала со сцены и телевизора, не была официально признана, но пробивала дорогу к сердцам. Меланхолический, несильный голос и неброская авторская манера исполнения под гитару вызвали в памяти «Бригантину», настрой дружеского «междусобойчика», бесед и напевов «для внутреннего потребления». Чувствовалось, что песни выстраданы, а насколько и каким образом выверены судьбой автора — узнать удалось значительно позднее.

Оказалось, что существует особая, роковая связь поэта с Уралом. Отец Булата, первый секретарь Нижнетагильского горкома партии Ш.С.Окуджава, в феврале 1937 года был арестован вслед за руководителем Уралвагонстроя Л.М.Марьясиным, обвиненным во вредительстве. По приговору НКВД оба были расстреляны.

Для Булата, сына «врага народа», лукаво озвученная вождем пословица «Сын за отца не отвечает» все же, слава богу, оправдалась: он уцелел, оставшись без родителей двенадцатилетним маль-

чуганом. Позднее попал на фронт и получил ранение; учился в Тбилисском университете, стал работать учителем. С матерью, Ашхен Степановной Налбандян, встретился после десятилетней разлуки, когда ее в 1947 году выпустили из лагеря. В книге «Ваше благородие, госпожа удача» (Москва, 2002) опубликованы фотографии матери с сыном и его пронзительный рассказ о встрече после ее возвращения. В кратком предисловии Булат Шалвович поведал, как после переезда в Москву пришло к нему в поэзии второе дыхание. Книги Окуджавы теперь разлетались, как песни.

Талант. Признание. Общественное и поэтическое. Однако все было не так благополучно. Он много ездил по стране, выступал и на Ура-

ле, и в Забайкалье, где мне довелось работать в окружной военной газете. И вспоминается эпизод, о котором не сказано в книге. После публикации в альманахе «Тарусские страницы» повести «Будь здоров, школяр!» над головой Окуджавы нависли тучи. Блюстители соцреализма обвинили автора, что, несмотря на свое фронтовое прошлое, он изобразил в повести не нюхавшего пороха, растерянного солдата, а паники в произведениях о Великой Отечественной войне быть не может. К тому же без ведома автора повесть вышла еще и за границей. По тем временам это считалось крамолой.

В конце концов, по мотивам этой повести был снят кинофильм «Женя, Женечка и «Катюша». Сценарий совместно с Окуджавой написал режиссер Владимир Мотиль, окончивший театральный ин-

ститут, а затем и университет в нашем городе, работавший в театрах Урала и Сибири, а затем — на Свердловской киностудии. Но публикация «за бугром» не могла по тем временам просто так сойти автору повести.

...На одном из выступлений Окуджавы в Кишиневе ему (не иначе, как по рекомендации литературоведов в штатском) подбросили вопрос: как относитесь к Александру Солженицину?

Напомним читателю, что к тому времени Александра Исаевича уже изгнали из Союза советских писателей, готовилось и его, нобелевского лауреата, изгнание из России.

— Хороший писатель и честный человек. Соответственно этому я и отношусь к нему.

Так ответил тогда Булат Шалвович, чем вызвал огонь на себя и подвергся остракизму: на заседании парткома в Москве его исключили из партии. Это означало по тем временам отлучение от публичных выступлений; перед ним закрывались и эфир, и двери издательств. В семидесятые годы термин «враг народа» заменило клеймо «диссидент». Вот уж действительно — «и приговор нашептывает время», как писал Булат.

Не зря однако и сказано: «Поэт в России больше, чем поэт». Попробуй запретить песню, звучащую с экрана в кинофильме «Белорусский вокзал». Ее пел едва ли не каждый фронтовик. А песню «Ваше благородие, госпожа удача!» из любимшегося космонавтам фильма «Белое солнце пустыни», который экипажи смотрят в Звездном городке перед полетами? Такие песни «не задужишь, не убьешь...»

Основываясь на здоровом подходе, поэт Георгий Граубин, в ту пору руководитель областного отделения Союза писателей в Забайкалье, пригласил Булата Шалвовича, уже известного и как автора исторической повести «Глоток свободы» (о декабристе П.И.Пестеле), выступать «во глубине сибирских руд».

Участвовал в этой поездке и автор знаменитой книги «Брестская крепость» лауреат Ленинской премии Сергей Сергеевич Смирнов, а покровительствовал столичным гостям другой Смирнов — первый секретарь Читинского обкома партии. Литературный праздник «Забайкальская осень» получил статус всесоюзного мероприятия и широко освещался в сибирской и дальневосточной печати. И дошло тогда до партийного руководства в столице, что препоны популярности Окуджаве ставить нецелесообразно. Административный маховик повернули в обратную сторону. А Булата путешествовать в краю, где отбывали ссылку декабристы, вдохновило на создание текста знаменитой песни «Кавалергарды, век недолог!» для кинофильма «Звезда пленительного счастья».

*Великий
Булат
1936г - 2 янв.*

Булат Окуджава в Нижнем Тагиле.

В сентябре 1989 года на традиционной международной книжной выставке-ярмарке на ВДНХ (ныне ВВЦ) в Москве мне, как редактору издательства «Наука», довелось присутствовать на встрече с редакторами ведущих литературных журналов и писателями, выступал там и Окуджава. Он сидел в президиуме вместе с Анатолием Ананьевым, Алексеем Адамовичем, Василием Быковым и другими. Выглядел усталым и каким-то словно бы отрешенным от этого зала, в котором чувствовалось нетерпеливое ожидание, характерное для первых лет перестройки, ожидание свержения отживших стереотипов, оглашения каких-то новых ориентиров и вех. Незадолго до того он побывал в Париже, и основным содержанием его выступления стал тезис о единстве русской культуры, о публикации в России лучших произведений, созданных в эмиграции и недоступных широкому читателю.

Выступление Окуджавы вызвало тогда неоднозначную реакцию, но то, что он сказал, почти физически ощутимо впитывалось аудиторией.

В тот вечер он не спел ни одной песни. О том, что будет учреждена Всероссийская литературная премия имени Окуджавы и настанут времена международных конкурсов, когда его песни будут звучать на разных языках в исполнении артистов Европы и Америки, он не догадывался.

Божье чудо

Мальчика звали Гидеон, не больше и не меньше — Гидеон. Мальчик был мал ростом, хлипок, сутул, и его веснушки, несмотря на их обилие, не могли скрыть кривизны его носа. Над ходячим набором достоинств под пышной вывеской «Гидеон» могло бы смеяться все Местечко, но Гидеон был сиротой. Над сиротами в Местечке не смеялись.

Гидеон был сиротой и жил у своего дяди, сапожника Рувима Козинакера. Гидеон называл его дядя Рува. Сапожником дядя Рува был плохим.

Дядя Рува и Гидеон жили вдвоём, и никто больше с ними не жил. Неверно было бы, исходя из этого факта, предположить, что никого больше у них и не было вовсе: у сапожника Рувима Козинакера была мама, которая жила в Бердичеве. Маму дяди Руву звали Сора Козинакер, и Гидеон называл её бабушкой Сорой. Как так получилось, что бабушка Сора оказалась в Бердичеве, а сын её Рува и внук Гидеон — в Местечке, никто уже и не помнил. Регулярно, раз в месяц, на адрес Рувима Козинакера приходило письмо из Бердичева. От этого события Рува делался торжественным, как жених, и строгом, как невеста. Рувим Козинакер очень любил свою маму Сору.

Он кричал на всю улицу «Гидеон!» — и маленький Гидеон бежал домой. Дядя Рува на расстоянии показывал ему белый конверт и читал вслух его содержимое. В письмах бабушки Соры Гидеона называли сладким мальчиком, отрадой дней и драгоценным подарком. Гидеон очень любил слушать письма от бабушки Соры. Жаль, что сама бабушка Сора жила так далеко.

Сапожник Рува Козинакер воспитывал своего племянника в строгости. В небогатом Местечке мало кто баловал детей, и дети ко многому были привычны, но даже на этом фоне воспитательная система сапожника отличалась суровостью. По мнению дяди Руву, в жизни Гидеона было два достойных занятия: изучение святых текстов и помощь в сапожной мастерской. Трудно сказать, каким именно образом эти два дела сочетались в строгих Рувиных глазах, но только ими маленький Гидеон мог заниматься безвозбранно. Все остальное ему было запрещено. Запрещено было: убежать на улицу и пачкать там одежду, играть с соседскими мальчишками и тратить на это время, задерживаться в городе при походах за нитками и кожей для мастерской, терять ценные вещи и плохо учить святые тексты.

Нелишним будет заметить, что данные запреты имели под собой реальную базу — в том смысле,

что маленький кривоносый мальчик с гордым именем Гидеон постоянно и неустанно нарушал их все. Он регулярно убежал на улицу (и, конечно, пачкал там одежду), он довольно часто играл с соседскими мальчишками, неумеренно тратя на это время, он вечно что-то терял, он плохо учил святые тексты, а главное — он всегда, всегда, всегда задерживался в городе при походах за нитками и кожей для мастерской. Если его посылали за нитками и кожей утром, он возвращался днем. Если его посылали за нитками и кожей днем, он возвращался вечером. Вечером же его за нитками и кожей не

посылали — видимо, дядя Рува смутно подозревал, что в таком случае племянник может не вернуться вовсе.

Рувим Козинакер не был сторонником убеждения, что запреты существуют для того, чтобы их нарушать. Напротив, ему казалось, что если ребенку что-то запрещено, ребенок обязан слушаться. Если ребенок не слушается, ребенок должен быть наказан.

Примерно два раза в неделю, обычно по понедельникам и средам, Рувим Козинакер рано заканчивал работу в сапожной мастерской. Он приходил домой, извлекал своего племянника Гидеона из очередных проказ и каверз, брал его за тощее плечо и подводил к платяному шкафу. В платяном шкафу на специальных крючках висели кожаные ремни, сделанные собственноручно дядей Рувой в его сапожной мастерской. Ремни были тонкие и потолще, узкие и пошире. «Выбирай», — радушно предлагал дядя Рува и подталкивал Гидеона к шкафу. Гидеон какое-то время стоял перед различными ремнями и думал, как бы было хорошо, если бы сейчас с ним произошло Божье чудо и все ремни Рувима Козинакера улетели бы в небеса. О Божьих чудесах Гидеон читал в Торе, в Пророках и в Писаниях, там было написано много про эти самые чудеса. В святых текстах чудеса всегда случались именно тогда, когда были особенно нужны. По понедельникам и средам Гидеону казалось, что настало наиболее подходящее время для Божьего чуда.

Тому, кто должен был бы, по идее, это чудо совершить, так, видимо, не казалось, и ремни никуда не улетали: ремни не умеют летать. Гидеон останавливал свой выбор на каком-нибудь одном ремне (каждый раз потом его выбор казался ему особенно неудачным), и два раза в неделю все Местечко слушало вопли и крики, доносившиеся из жилища сапожника Рувы Козинакера и его племянника Гидеона. Вопли и крики звучали довольно долго — так, что даже закаленные в боях с собственными детьми отцы семейств качали головами и неодобрительно шурились. Вечерами по понедельникам и средам Гидеона никто не видел, но на следующий день он, как обычно, отправлялся в город за кожей и нитками. Оттуда он должен был сразу же вернуться, но никогда сразу же не возвращался. Гидеона можно было понять: в городе, между магазинчиком кожи и пекарней, у него была Большая Любовь.

Любовь Гидеона была столь огромна и необъятна, что ради неё он готов был терпеть любые изливания гнева дяди Рувы: он просто не мог ничего с собой поделать. Каждый день, уходя из дома и слыша привычное: «Только смотри вернись вовремя», Гидеон точно знал, что вовремя он не вернется. Ему было известно до мелочей, что произойдет. Он видел заранее, как дойдет до города, как купит кожи и ниток для дяди Рувы, как повернет не налево, к дому, а направо, к пекарне, — и от мысли,

что будет потом, у Гидеона перехватывало дыхание и плыло в глазах. Потому что потом наступали те минуты, ради которых стоило жить на свете.

В большой витрине шляпной мастерской, расположенной как раз между магазинчиком кож и пекарней, стоял стеклянный ящик, наполненный водой. В ящике, лениво повсюду живой переливающейся тканью, жила разноцветная рыба. У рыбы были красные хвост, голова и плавники, и золотистое все остальное. Рыба была прекрасней, чем все, что Гидеон видел на этом свете. Рыба плавала по своему ящику, временами поворачивая голову и глядя прямо Гидеону в глаза. Гидеон стоял возле витрины и, не шевелясь и почти не дыша, глядел на рыбу. Ему казалось, что рыба его понимает. Ему казалось, что рыба его узнаёт. Ему казалось, что рыба переливается специально для него. Гидеон долго думал, как бы ему мысленно называть рыбу, которую он считал немножечко, совсем чуть-чуть, своей. Рыбе нужно было подобрать самое красивое на свете женское имя. Гидеон знал только одно красивое женское имя. Гидеон называл немножечко свою рыбу Сора.

Он рассказывал рыбе по имени Сора про свои

неприятности и беды, про дядю Руву и его ремни, про мальчишек на улице и их игры, даже иногда шепотом пересказывал ей святые тексты. Сора все понимала — во всяком случае, она все так же плавала по своему ящику и плавно поводила цветными плавниками. Между прозрачными перепонками вспыхивали маленькие искры. Гидеон любил смотреть на эти искры и думать, что они похожи на маленькие лампочки, которые зажигаются специально для него.

Никогда, даже в самых своих потаённых мыслях, даже в самой глубине своей растревоженной души, Гидеон не мечтал о том, что рыба Сора может не жить в витрине шляпной мастерской, а поселиться у него дома, в комнате, где он жил с дядей Рувой. Это было так же нереально, как мечтать, скажем, о том, что в один прекрасный день на осинах вырастут субботные халы, а башмаки будут тащаться из кожи сами. То есть неплохо было бы, конечно, но все-таки об этом нечего было и мечтать. Конечно, всегда существовала вероятность Божьего чуда, но Гидеон был уверен, что Богу нет дела до стеклянного ящика и рыбы Соры. К тому же он был вполне счастлив, приходя к витрине и стоя перед ней; ему не казалось, что их с рыбой Сорой жизнь можно было бы как-то улучшить.

Поэтому, когда случилась та драка как раз на улице перед витриной шляпной мастерской, Гидеон был к этому не готов. Он невнимательно просмотрел, как толстый кожевник Довид-Лейб набросился с какими-то упреками на вялого, но жилистого пекаря Игошуа. Они что-то не поделили, на помощь кожевнику пришла вся его семья, на помощь пекарю — вся пекарня, а в ней, между прочим, держали девятирх молодых работников; драка охватила почти всю улицу, и только задумчивый Гидеон стоял перед витриной шляпной мастерской. Кто-то бросил в кого-то камень, кто-то кому-то ответил, и только когда очередной камень (неслучайный, конечно, как и все чудесное в этом мире) ударился в стекло витрины, Гидеон очнулся от своего полусна. Камень пробил витрину и угодил точнехонько в стенку стеклянного ящика, ящик разбился с громким звоном, вода хлынула на пол и на мостовую, и в ней прямо к ногам ошалевшего от смены декораций Гидеона вылетела радужная рыба Сора. Сора, оставшаяся без воды и задыхающаяся на грязных камнях. Гидеон знал, что рыбы никак не могут дышать без воды. Он со-

риентировался мгновенно, быстрее, чем когда-либо в жизни. В этот день его посылали не только за кожей, но и за молоком. Молоко находилось в стеклянной банке. Гидеон подхватил банку, выплеснул молоко в сторону продолжавшейся драки (там никто и не заметил аварии с витриной и никому не нужной рыбой), зачерпнул воды из остатков ящика и одним движением переместил туда с грязных камней задыхающуюся Сору. Сора подвигалась чуть-чуть и замерла, шевеля плавниками. Из шляпной мастерской никто не вышел: там именно в этот день был выходной. Гидеон прижал к себе стеклянную банку и пошел домой.

Дома он немедленно показал свою драгоценную ношу дяде Руве. Его не отпускала уверенность, что Божье чудо, случившееся один раз, случится повторно и дядя Рува разрешит оставить рыбу Сорю жить в их комнате и плавать в стеклянной банке. Просто потому, что, кроме всего, не может же дядя Рува не оценить красоты и необыкновенности чудесной рыбы.

Дядя Рува оценил. Он внимательно посмотрел на племянника и на его водоплавающий клад, нахмурил брови и минуту подумал о чем-то. Потом поднял руку и погладил Гидеона по голове.

— Молодец, мальчик, — сказал дядя Рува. — Ты в кои-то веки принес домой полезную вещь. Сегодня у нас еще есть остатки вчерашней фасоли, да и нечего ба-

ловаться в будний день, но на субботу мы зажарим твою находку в подсолнечном масле и прекрасно поедим. Немного масла я припас с Хануки. У нас будет чудесный субботний ужин.

С этими словами дядя Рува еще раз ласково погладил Гидеона по голове и отвернулся от него, считая, что разговор окончен.

Остаток вечера Гидеон провел, стоя на коленях. Он молил дядю Руву разрешить рыбе по имени Сора жить в доме и не служить пропитанием. Дядя Рува сначала вообще не понял, о чем речь, потом долго смеялся, потом отмахивался и, наконец, рассердился.

— Послушай, Гидеон, — сказал дядя Рува. — Завтра ты захочешь, чтобы у нас на окне в банке жила субботняя хала или стручковая фасоль, сообщая мне, что у них есть имена и что ты любишь на них смотреть. Еще два слова, и я лично отведу тебя к доктору. Отстань, Гидеон. Послезавтра суббота. Ты почишь мне рыбу, и я лично ее пожарю. А теперь ляг под одеяло и лежи тихо. Или можешь сразу идти выбирать ремень.

Гидеон лёг под одеяло и какое-то время лежал тихо. Он дождался, пока дядя заснет, а потом встал с постели. Вещи Гидеон собрал быстро: у него, собственно, и не было особо вещей. Он взял с собой молитвенник, хлебный ломоть и стеклянную банку с рыбой в ней. Поколебавшись, добавил к багажу свечку и моток суровых ниток. Надел свои субботние кожаные ботинки и субботние же чистые штаны, кинул настороженный взгляд на спящего дядю Руву и вышел из дома.

Он не знал, куда идёт — зато знал, зачем: он идёт встречать Божье чудо. Мысль о том, что его рыбу, его Сору, действительно могут пожарить и съесть, ни на секунду не селилась в его сознании. Скорее, он сообразил, что одно чудо не сразу влечет за собой другое, и, видимо, навстречу второму чудо нужно идти. Ну вот он и пошел. В доме дяди Рувы рыбе Соре угрожала опасность, поэтому из дома дяди Рувы надо было уходить. Куда — Гидеон понятия не имел: он никогда в жизни не выходил за пределы Местечка и соседнего с ним города, и у него не было знакомых, к которым можно было заявиться жить вместе с рыбой. Он просто шел, твёрдо зная, что, как только он осилит ту часть пути, которая приходится на него, его немедленно встретит Божье чудо.

Гидеон шел к железной дороге, которая располагалась на окраине города и вела куда-то далеко, неизвестно куда. Гидеону казалось, что чуду будет легче найти его там, куда можно как-нибудь добраться — например — на поезде. До рельсов железной дороги было далеко (Гидеон был возле них один только раз, когда они с мальчишками из Местечка ходили смотреть на поезда), потому что город был довольно большой, но Гидеону некуда было спешить. У него был ломоть хлеба и рыба Сора в стеклянной банке. Соре он тоже покрошил хлеба, чтобы и она поела чуть-чуть. Она чуть-чуть поела. Гидеон шел по городу и мысленно рассказывал рыбе про те места, мимо которых они проходили. Знал про эти места он немного, поэтому основную часть своих рассказов придумывал. Рыба Сора слушала его не перебивая. Ломоть хлеба был довольно большим. Рассвет пришел, как и положено, с рассветом, и светлое небо мягко провисло над сутулым мальчиком, идущим куда-то с большой и тяжелой стеклянной банкой.

К вечеру дня Гидеон, изрядно устав, добрал до железной дороги. Блестящие рельсы змеились и уходили куда-то очень далеко. Город недолго бежал вслед за ними, но быстро отставал, и рельсы продолжали дорогу одни. Гидеон уверенно шел в ту сторону, где город расставался с рельсами, и был уверен, что именно там, именно в том месте, где города уже нет, а дорога, наоборот, есть, его ожидает Божье чудо. Он с замиранием сердца прошел мимо последних городских домов, крепче прижал к себе банку, а для того, чтобы чудо было особенно неожиданным (потому что ведь чуду не полагается показывать, что ты о нем знал), на последних мет-

рах городской дороги Гидеон зажмурился.

Осторожно, чтобы, не приведи Господи, не оступиться, мальчик шел вдоль рельсов по пушистым травам. Он отсчитал те метры, которые, по его мнению, были последними на его пути, остановился, постоял секунду и открыл глаза.

На повороте блестящих рельсов, именно там, где, по мнению Гидеона, должно было находиться то, что его спасет, сидел дядя Рува.

— Гидеон, — сказал дядя Рува, и мальчик заметил, что дядины глаза покраснели, — Гидеон, я получил письмо из Бердичева. Мне написали, что от сердечного приступа умерла моя мать, твоя бабушка Сора. Мы теперь с тобой совсем одни на свете, Гидеон. Ты можешь оставить свою рыбу. Я не буду ее есть. Пойдем домой.

Гидеон подошел к дяде и внимательно посмотрел на него. Дядя Рува вздохнул о чем-то своём и вытер глаза рукой. Дядя Рува не был похож на чудо, но, в конце концов, кем был Гидеон, чтобы указывать Богу, как именно ему совершать чудеса?

В стеклянной банке колыхнулась радужная рыба Сора, и сердце Гидеона колыхнулось вместе с ней.

— Пойдём, сказал он. — Пойдём домой, — сказал Гидеон рыбе Соре и дяде Руве

Евгений АНТОНОВ,

фото Евгения ТАМПЛОНА,

Михаила НЕМЦОВА

Но я-то знаю

Я, конечно, понимаю, что меня обмануть легко. Особенно взрослым. Что им стоит обмануть семилетнего ребенка? Но все же, даже когда я поддаюсь на обман, я обычно чувствую где-то там внутри, что меня пытаются в чем-то обдурить. Только виду не подаю, потому что знаю, что пока не поймешь, в чем тут дело, все равно ничего не докажешь. Или даже так: уже, казалось бы, и доказательства все на виду, а поди ж ты: все равно ничего не докажешь, все равно все вывернут наизнанку и примутся тебя уверять, что ты не прав. Ну, это примерно как в Новый год: все буквально из кожи вон лезут, чтобы показать, как они рады, что к нам пришел настоящий Дед Мороз, да еще с подарками. Но я-то знаю, что это всего лишь дядя Коля, сосед наш с девятого этажа, или еще какой-нибудь папин или мамин знакомый. Ну, да что поделаешь — такие они, взрослые!

Хотя и сестра старшая от них не отстаёт, так и норовит меня при случае как-нибудь обмануть.

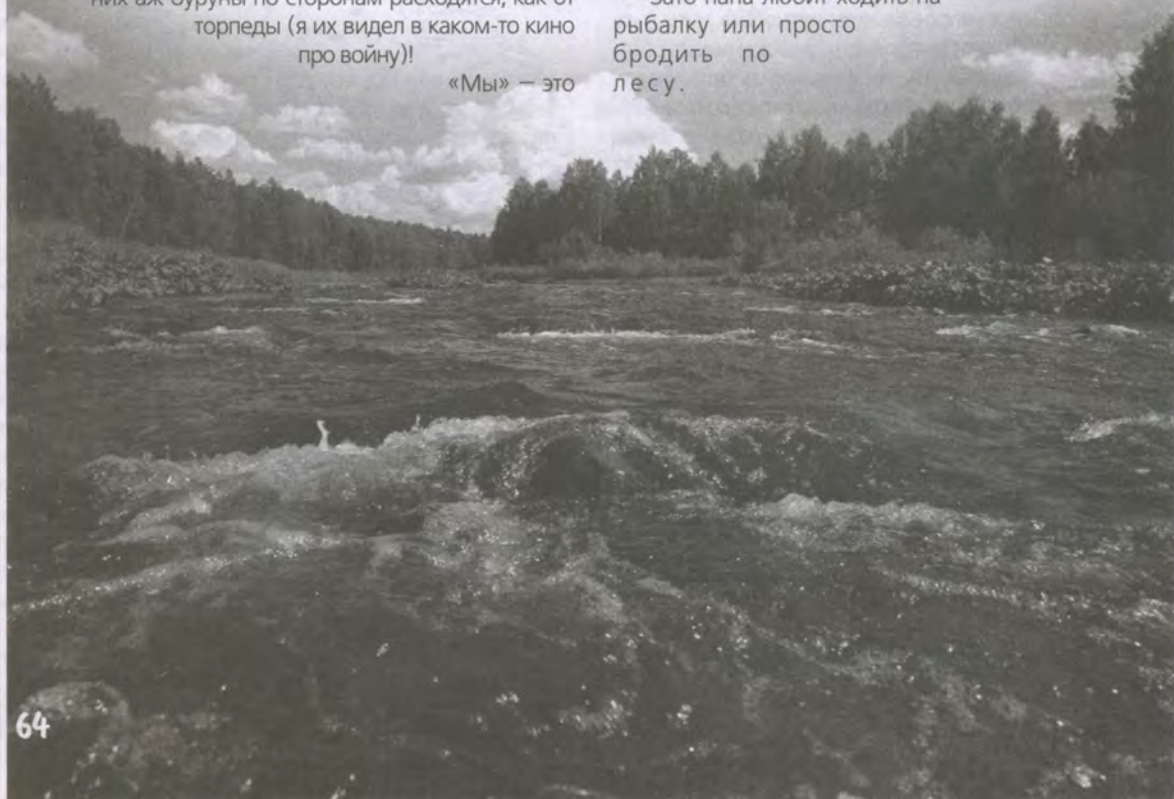
Вот и сейчас: плывем мы на лодке по какой-то реке (я уже несколько раз спрашивал ее название, но оно такое странное и непривычное, что каждый раз я его тут же забывал), а навстречу нам — то бревно плывет какое-нибудь, то дерево, вместе с корнями выдранное. Папа говорит, что это только так кажется, будто они тоже плывут, что на самом деле плывем только мы. Но я-то знаю, что это не так. Как же это бревна не плывут, если от них аж буруны по сторонам расходятся, как от торпеды (я их видел в каком-то кино про войну)!

«Мы» — это

вся наша семья: я (вообще-то меня зовут Арсением, но все называют меня Арсюшей, а мама иногда и вовсе — Сюсей), папа, мама, сестра моя старшая, Таська, да еще двоюродной брат, Борис. Он всего на год меня старше и вместе нам противостоят гораздо легче: мы ведь почти ровесники, и его тоже время от времени взрослые начинают водить за нос, а вместе мы можем выдумать такие доказательства нашей правоты, что перед ними ни один взрослый не устоит.

Ах, да, чуть не забыл: с нами еще собака наша, Речка. Речка — русский спаниель. Настоящая охотничья собака, предназначена, чтобы плавать за утками, когда их охотник подстрелит на каком-нибудь озере. Папа ее потому так и назвал, чтобы она не забывала, что она воду любить должна. Ну, и чтобы все остальные об этом знали. Хотя насчет спаниеля я бы тоже мог поспорить: по фигуре-то она спаниель, да только цветом она — как соседский ротвейлер, а не черно-белая да пятнистая, как нарисовано в Бориной книжке про собак. Папа уверяет, что родители Речкины именно такие и есть — черно-белые. Мама же говорит, что такое у собак бывает: щенок рождается совсем не похожим на своих родителей. Вот попробуй разберись теперь, кому из них верить. Но все равно Речка — классная собака! Ее все любят, хоть она вовсе и не охотница. Наверное, потому, что папа тоже не охотник.

Зато папа любит ходить на рыбалку или просто бродить по лесу.

Жаль только, что нас с собой редко берет, все время один ходит или с Речкой. Отговорок у него — сколько угодно: что идти очень далеко и нам просто не хватит сил, или что на пути к его заветному рыбацкому месту лежит большое и топкое болото, которое нам в наших коротких сапогах не перейти, а на себе он нас тащить не собирается, ну и еще что-нибудь вроде того. Не знаю, может, оно и так. Мама его долго уговаривала, чтобы он с нами в какой-нибудь поход ходил, и тогда он предложил нам устроить плавание по реке.

И вот мы плывем. Плывем на двух резиновых лодках. Одну из них, большую, с надувным дном, папа купил уже давно. На ней мы иногда катаемся по дачному озеру. Другую, маленькую и очень легкую, с маленькими лопатками вместо весел, он попросил на время у одного своего знакомого с работы.

Поначалу мама очень за нас беспокоилась, мол, как мы, такие маленькие, сможем все это вытерпеть. Особенно волновалась бабушка, даже не хотела нас отпускать, говорила, что это очень опасно. Но мы-то с Борей сразу поняли, что это вовсе не опасно. Ведь у них всегда так: чем ни займись — все опасно.

Начало пути было не очень интересным: сначала мы шли пешком до автобусной остановки, потом кое-как залезли в автобус, потому что была суббота и все ехали на дачи. Потом мы сели в поезд на маленькой станции и ехали в нем почти два часа. Вот это уже было поинтереснее. Я вообще люблю ездить в поездах, когда за окном все мелькает: деревья, поля, какие-нибудь мелкие речки или озера, столбы, семафоры, маленькие домики на разъездах, ну и всякое другое.

Папа и сам точно не знал, на какой станции нам выходить. Он говорил, что нужно внимательно смотреть в окно: как только мы проедем по мосту через какую-то лесную речку (он скажет какую), то нужно тут же двигаться к выходу. Что мы успешно и сделали.

И вот тут началось самое трудное: оказалось, что от станции до реки нужно было идти очень долго пешком. Ну, может, не совсем долго, но устали мы так, как будто весь день шли. Жарко было ужасно. Но жара — это еще ничего по сравнению с оводами и слепнями, которые напали на нас, как только мы сошли с поезда. Пот с нас ручьями тек, а ветровку снять невозможно: совсем закусает. Папа сказал, что это оттого так душно и так много слепней с оводами, что вокруг — одни болота. Я, конечно, с ним спорить не стал, ему лучше знать, да только я видел: вокруг нас никакие не болота, а сплошной дремучий лес. Я вообще на настоящем болоте ни разу не был. Интересно было бы побывать, только, по словам папы, в такую жару там вообще находиться невозможно: задохнешься, если до этого оводы живьем не съедят.

Папу было особенно жалко. Рюкзак у него был такой, что сзади были видны только ноги. Такой большой рюкзак с ногами. Хотя он и говорил, что ему вовсе не тяжело, я-то видел, как он кое-как поднялся на ноги после небольшого привала, который мы устроили на старых шпалах.

Когда, наконец, добрались до реки, сил уже никаких не осталось. Очень хотелось есть и особенно пить.

Напиться-то мы напились (до чего же бабушкин морс бывает вкусен!), а вот поесть папа советовал попозже, уже когда поплывем, потому что на воде оводов гораздо меньше, да и ветерком обдувает. Еще нам жутко захотелось выкупаться. Мы даже уже начали раздеваться, но вода в речке оказалась холодной, и нам, конечно же, не разрешили. Вот мы и ходили вокруг папы, отгоняя от него оводов, пока он, сняв с себя промокшую от пота рубашку, надувал лодки.

А с Борей тем временем чуть беда не случилась (с ним все время что-нибудь случается): он забрел в какую-то лужу, недалеко от края воды, и его начало засасывать в песок. По телевизору я однажды смотрел одну передачу про путешествия, и там про такой песок рассказывали. Он называется зыбучий. Очень опасный. Хотя папа, после того как вытащил Борю, объяснил нам, что это немного не тот песок. Он назвал его пльвуном. Чтобы вытащить Борю, который от страха визжал, как поросенок, ему пришлось бросить рядом с ним маленькую лодку. Хорошо, что он уже надул ее к тому времени.

Как же было хорошо, когда мы, наконец, разложили по лодкам вещи, уеслили сами и поплыли! Солнышко светит, ветерок, почти никто не кусает. Красота! Мы даже хором песню спели морскую, про бескозырку белую.

Лодки были связаны вместе одна за другой. В большой лодке, которая плыла впереди, сидели папа с мамой, Речка и Боря с Тасей. В маленькой плыли все наши рюкзаки и я. Правда, мы с Борей и Тасей договорились, что будем плыть в ней по очереди, и я все надеялся, что они об этом не скоро вспомнят. Не тут-то было: Боря всю дорогу канючил и просил поменять местами. Хорошо, что папа запретил нам перелезать из лодки в лодку на ходу, а к берегу мы пристали не скоро.

Течение быстрое было, веслами можно было и не грести, но мы все равно попробовали, и я тут же упустил одно весло-лопатку. Даже не знаю, как так получилось. Вроде так крепко его держал. Мама сидела ближе всех и быстренько его выловила, но папа все равно ругался, говоря, что оно могло утонуть. Но это уж точно выдумки. Я ведь знаю, что оно не утонуло бы, хоть и сделано из металла: у него ручка внутри пустая, а сверху заткнута пробкой из пенопласта. Папа с мамой просто не знали, что мы с Борей уже проверяли, тонет оно или нет.

Вот так мы и плыли все дальше и дальше от железной дороги. Нам нужно было доплыть до места, где эта речка впадала в Вычегду, большую реку, на которой стоит наш город, ну и дальше, до города, который находился от того места не так уж и далеко. Папа и сам не знал, сколько нам придется до туда плыть: может, день, а может, и все два. Он сидел впереди и большим веслом направлял наш караван куда нужно. Речка вся извивалась, как змея, папа иногда не успевал выруливать, и тогда мы задевали за один из берегов, проплывали под каким-нибудь деревом, почти упавшим в воду, цепляясь за его ветки, или налетали на одну из коряг или бревен, плывущих

нам навстречу. Тася каждый раз, когда это случалось, визжала от страха, а нам с Борей было весело, хотя тоже немного холодело внутри. Нам казалось, что под нас подныривает какое-то морское чудовище, и мы даже чувствовали, как его плавники царапают дно лодки. Мы с мамой сначала боялись, что лодки могут не выдержать и порваться, но так как папа был на этот счет абсолютно спокоен, мы тоже вскоре перестали за них опасаться, тем более что папа взял с собой в поход специальный клей и резиновые заплатки. Так, на всякий случай.

Поворотов у реки было так много и были они такими похожими друг на друга, что я вскоре совсем запутался. Мне то и дело стало казаться, что мы тут уже были. Ну, вот, например, поворачивает река налево: левый берег низкий, песчаный, весь в лопухах, заросли кустов начинаются уже возле самого леса, да и лес какой-то там неказистый, зато правый — высокая круча, сосны толстые с березами на самом краю стоят, так, что у некоторых корни свисают над обрывом; какое-нибудь из деревьев уже почти упало, над самой водой растянулось, как шлагбаум; другие же деревья, уже выдранные вместе с корнем, к самому берегу течением прибиты. И глубоко очень уже возле самого берега. Потом проплываем мы немного — поворачивает река направо: все то же самое, только наоборот. Но это ладно, а вот когда река снова поворачивает налево, повторяется точно такая же картина, что и при предыдущем повороте налево. Причем, даже коряги в воде и деревья на берегу, кажется, те же самые. В общем, спустя пару часов после начала плавания Боря и я пришли к выводу, что плаваем мы по кругу.

Папа с мамой, конечно, посмеялись и принялись нас разубеждать. Но я-то наверняка знал, что так оно и было. А уж после того случая с рыбаком даже папа, кажется, засомневался. Ну вот, смотрите сами: проплываем мы мимо какого-то дяди с удочкой. На нем сапоги высокие, зеленая куртка-штормовка, на голове — такая большая панамы с сеточкой от комаров, которая завязывается на шее и из-за которой лица совершенно не видно. И стоит он у самой воды на низком песчаном берегу, на самом повороте. Мы пока мимо него плыли, он даже рыбку какую-то поймал. Вот, а примерно через полчаса, точно на таком же месте, нам попадется точно такой же дядя. Да мало того, он, точно таким же образом, прямо у нас на глазах вылавливает такую же серебристую рыбку. Тут даже Тася поверила в наше круговое движение, а мама попросила папу объяснить, как так может быть. А папа что? У него объяснение всегда найдется: и что просто под сеткой лица не видно, и что такие куртки получают все рабочие в окрестных леспромпхозах, и что отмель на повороте реки — самое удачное место для такой рыбалки, и что-то там еще, а голос-то у

самого уже не такой уверенный. В общем, переубедить нас было уже невозможно. Правда, позже, когда нам водопад не встретился во второй раз, мы тоже стали сомневаться.

Водопад этот был самым интересным из того, что мы видели в первый день. Хотя, конечно, это был не водопад, а перекат, как его назвал папа, но нам всем показалось, что мы совершили прыжок с настоящего водопада. Там были камни, и застрявшие между ними коряги, и сверкающие на солнце струи воды, и было даже на глаз видно, что после всего этого воды в речке словно бы становится меньше. И еще, от воды стоял такой шум, что мы его кое-как смогли перекричать. Вернее, перевизжать. Особенно мама с Тасей. Но и

мы с Борей не отставали. Только мы визжали не от страха, как они, а просто потому, что было ужасно здорово. Папа потом сказал, что испугался больше нашего визга, чем самого водопада. Он как-то успел так ловко вырваться, что мы проскочили прямоохонько в самый широкий проход между камнями и корягами. Только почувствовали, что снизу ударило так, что Речка аж чуть в воду не вывалилась. Но нам ничего не отшибло, потому что я сидел, положив ноги на папин рюкзак, на надувной подушке в маленькой лодке, а у большой лодки дно было надувным.

Да, оно было надувным как раз до того самого водопада, потому что через несколько минут после того, как мы его проехали, все, кто сидел в большой лодке, заметили, что дно под ними стало проваливаться куда-то в воду. Тут папа указал на пузыри воздуха, которые выскакивали из под лодки, и все стало ясно: дырка. Хорошо, что не сквозная. Но все равно пришлось причаливать к берегу.

Папа не сильно расстроился. Он сказал, что как раз настало самое время, чтобы немного размяться, развести костер и приготовить горячий обед. Тут, пожалуй, он был прав: было уже далеко за полдень, сидеть в лодках мы уже устали и изрядно проголодались, хотя, пока плыли, мы съели весь запас приготовленных бабушкой бутербродов и выпили весь морс. Да и от того, чтобы развести костер, мы с Борей никогда

не отказывались.

Место нам подвернулось просто чудесное: песчаный пологий берег, неглубоко, солнечная сторона, дров для костра в кустах — полным полно. Нам даже выкупаться разрешили, потому, наверное, что папа и сам хотел купаться. И все бы было хорошо, если бы опять не эти противные оводы и слепни!

Да, тут еще с починкой лодки одна неприятность случилась: оказалось, что тюбик с клеем уже кто-то открывал, по-хорошему не закрыл, и клей весь высох. Все шишки, конечно же, повалились на нас с Борей, хотя мы и отбивались, как могли.

Вот так всегда: вроде ты и не виноват, но все равно виноватым тебя сделают. Ну, клеил я пару раз этим клеем кое-что для себя, так ведь пробку-то я закручивал по-хорошему, изо всей силы! А, может, кто-то другой тоже знал, где он лежит, и тоже им пользовался? Кто, кто. Да мало ли кто!

В общем, дальше мы плыли уже без надувного дна. Мы с Борей поменялись местами, и я сидел теперь в большой лодке. Сидеть в ней было уже не так удобно, хотя папа как можно сильнее накачал у нее бока и аккуратно пристроил под ноги две широкие, найденные на берегу доски, концы которых он обернул чехлами от лодок.

С ней, с этой лодкой, была еще одна проблема: она почему-то постепенно спускала воздух, и ее приходилось, время от времени на ходу подкачивать. Теперь это дело было поручено мне, потому что я уселся в самой ее задней части, а как раз там и располагались специальные штучки для накачки воздухом. Папа называл их клапанами. Он положил на доску рядом со мной специальный насос, на который, чтобы качать, нужно было надавливать ногой. Правда, у меня это не очень получалось, и тогда мне помогала мама.

Во второй раз нам тот водопад так и не встретился, и мы с Борей пришли к заключению, что нам как-то удалось свернуть с того круга, по которому мы плавали с утра. Папа с мамой ничего на это не сказали.

Уже перед тем, как остановиться на ночевку, все заметили, что речка немного изменилась: стала шире, полноводнее. Да и лес вокруг был уже не таким высоким и дремучим. Папа сказал, что просто мы уже приближаемся к низине, где течет Вычегда.

За эту ночь мы с Борей и Тасей узнали много чего нового про походную жизнь. Больше всего нам понравилась палатка. Замечательная красно-голубая палатка, сшитая из какого-то тонкого, но очень прочного материала. У нее еще была вторая крыша, тентом называется. Папа поставил ее не сразу, а после того, как мы уже сварили ужин и все съели. Он перенес костер на другое место, а туда, где он только что горел, сказал нам набросать мягких еловых веток, которые он нарубил, и травы. Так, объяснял он, нам будет тепло спать, и жечь снизу не будет. Сам он тем временем приготавливал колышки, что бы палатку натягивать. Делать все это пришлось быстро, потому что небо вдруг потемнело, запахло дождем, и где-то над лесом, у нас за спиной, уже погромыхивало.

Чтобы не вымокнуть самим и не замочить вещей, папа решил натянуть сначала тент. Мы помогли ему все, и даже Боря, который любит повалить дурака, когда все остальные чем-то заняты. Только мы успели спрятаться под тентом, как полил дождь. Настоящий ливень. Костер наш тут же залило, только дым еще немного тянулся от него по земле, но мы и не горевали: папа припас сухой бересты и веток, чтобы потом снова его разжечь. Мы сидели под тентом, в теплом сухом месте, подложив под себя кто что мог, и грызли соленые сухарики, которые вдруг внезапно обнаружались в каком-то из рюкзаков. Иногда сверкала молния и гремело так, что мы, визжа и крича, чуть не валились на землю. Потом мы ставили палатку, прямо так, не вылезая из под тента. Папе, правда, пришлось несколько раз выскочить под дождь, чтобы натянуть некоторые из длинных веревок.

Потом дождь с грозой закончился. Вот так всегда бывает, я уже заметил, что когда дождь уже вовсе не страшен (лей он себе на здоровье), он тут же заканчивается. Ну и ладно. Мы снова разожгли костер и принялись печь картошку, которую специально для этого взяли из дома (на ужин мы варили макароны).

Стояла уже ночь, но было совсем светло. У нас летом ночи всегда светлые. Да и небо уже прояснилось. Правда, звезд было мало, не то что осенью или зимой. Но Полярную звезду мы все же нашли!

Оводов и слепней не было и в помине, но зато комаров — целые тучи. От них было одно спасение: или у самого костра в дыму стоять, или залезать в палатку.

В палатке было хорошо, как дома, и даже лучше: тепло, уютно (мама расстелила папин спальный мешок, который превращался в одеяло, если его полностью расстегнуть), костер видно и всех, кто вокруг него, можно и окошечко открыть, сделанное из специальной сетки. Но разве ж в палатке долго усидишь, когда столько интересного вокруг?

После того, как мы несколько раз залезли в палатку и вылезли из нее, папа начал ругаться, говоря, что мы натаскаем в нее песок, напустим комаров и спать тогда будет невозможно. Все это, конечно, неправда, потому что перед тем, как в нее забраться, мы снимали сапоги, а залетевших с нами комаров выслеживали и сбивали. Но спорить лишней раз мы не стали. Так только, совсем немного. Нет, поспорить-то конечно можно было и побольше, но Боря все испортил, забыв снять сапоги, когда залезал в палатку последний раз. Он их потом снял, когда обтер уже о спальный мешок, но когда вылез наружу, забыл одеть обратно и скакал, какое-то время, вокруг костра в одних носках. Из-за этого нам влетело еще и от мамы, и было запрещено залезать в палатку до тех пор, пока мы не будем укладываться спать.

С сапогами тоже целая история вышла, только уже у Таси. Пока мы все пекли картошку, она забрела зачем-то в воду, оступилась и начерпала полные сапоги. Это у нее любимое дело. Она всегда умудряется вымочить ноги, даже когда мы ходим за грибами

и вокруг такая сушь, что мох под ногами хрустит. Папа с мамой поэтому даже и не удивились особо. Папа только сказал ей, что она уже достаточно взрослая и что пусть сушится теперь сама, как хочет. Но это он так только сказал, а на самом деле он показал ей, как развешать возле костра носки со штанами и куда поставить сапоги. Еще он ей сказал, чтобы она стояла неотступно возле костра (сам он в это время заготавливал дрова, чтобы хватило на всю ночь) и следила, чтобы ничего не подгорело.

Ха, как будто он не знал, что если Тасе поручить за чем-то следить, то она обязательно прокараулит. Костер вскоре разгорелся сильнее, огонь подобрался к ее правому сапогу, стоявшему на краю бревнышек, которые горели в костре, и сапог начал потихоньку плавиться. Тася заметила это только тогда, когда он вдруг вспыхнул. Она, конечно же, подняла крик, подбежал папа и выхватил горящий сапог. Потушить-то он его потушил, да только это был уже не сапог, а не поймешь что. Папа пытался его хоть как-то расправить, пока резина не затвердела, но было уже слишком поздно: верх сапога превратился в сплошной комок. Потом папа отрезал ножом все обгоревшее, и в результате получилось что-то похожее на изуродованную калошу. Мы с Борей смеялись до упаду, когда Тася ее кое-как натянула.

В конце концов, когда делать уже стало нечего, мы все отправились спать. И Речка тоже. Сначала мама не хотела ее пускать в палатку, говоря, что собака должна охранять снаружи, но папа, который хорошо знал все Речкины повадки, сказал, что этот номер не пройдет, что ее все равно придется пустить. Речка и в самом деле, уже сама ошалевшая от комаров, начала скулить, как только мы затынули у палатки вход, и пыталась с разбегу прорваться внутрь. Так что Речка тоже спала с нами. Мама утром даже сказала, что ей это понравилось — такая мягкая грелка под боком.

Когда мы проснулись, папа был уже на ногах и

даже успел вскипятить на костре чайник. Солнце светило вовсю, но было еще совсем не жарко, а даже немного прохладно. Мы бы, конечно, и дольше могли поспать, но папа обещал приготовить нам с утра удочки, чтобы мы могли немного порыбачить, и нужно было спешить, пока не закончился утренний клев. Мы даже завтракать не стали, чтобы его не пропустить. А зря. Не рыбалка получилась, а ерунда какая-та.

Началось с того, что мы никак не могли поделить между собой удочки: удилица папа вырезал прямо здесь, в лесу, они все были разные, а каждому хотелось взять получше. Потом оказалось, что рыба клюет не повсюду в реке, а только местами. Я на такое место как-то сразу попал: рыба клевала как бешеная, только что не ловилась. А вот Боря с Тасей все никак не могли такого места отыскать. От обиды Тася вообще бросила удочку и пошла к костру, а Боря прилез ко мне и стал забрасывать удочку рядом с моей. Мы с ним тут же начали ругаться из-за этого, особенно когда первая рыбка поймалась не у меня, а у него, хотя я это место нашел. Закончилось все тем, что наши удочки так запутались, что даже папа не смог их распутать. Пришлось леску обрезать ножом и привязывать крючки и грузила заново. Когда удочки были готовы, рыба уже перестала клевать. То ли оттого, что мы громко кричали, то ли оттого, что утренний клев закончился. Солнце уже начало припекавать, опять появились оводы, и мой интерес к рыбалке весь куда-то пропал.

Сразу после завтрака мы стали собираться, чтобы продолжить плавание. Сколько нам еще оставалось плыть до Вычегды, никто не знал, но папа предполагал, что часа три или чуть побольше.

Ошибочка вышла. До Вычегды мы добрались только после обеда, когда солнце уже начало клониться. Мы не приставали к берегу, чтобы приготовить себе обед (папа не хотел терять время, опасаясь, что мы не успеем к вечеру добраться до дома), а когда голод начал нас донимать, мы доели весь хлеб и принялись грызть макароны быстрого приготовления. У нас их еще много оставалось, пачек десять. Тоже, оказывается, неплохая штука, хоть мама и говорит, что они вредны для желудка. Но я-то знаю, что то, что вкусно, просто не может быть вредным. Чаю, чтобы запивать, тоже было много: папа специально утром остудил целый чайник и разлил его в пластиковые бутылки, оставшиеся из под морса, который мы брали из дома.

Когда Вычегда была уже близка, речка стала еще изворотливей. Казалось бы, вон стоит деревня, явно на берегу Вычегды, видны крыши домов, слышен рев лодочного мотора, и вот-вот мы до нее доплывем. Но речка вдруг, словно назло, сворачивает совсем в другую сторону. Затем, попетляв, она снова нехотя поворачивает в сторону деревни, но когда деревня уже совсем близка, она снова утекает куда-то не туда. Короче, мы все измаялись в ожидании настоящих речных просторов.

Тем временем на горизонте начали собираться огромные грозовые тучи, и даже были видны полосы

лившего из них дождя. Папа с мамой очень беспокоились, потому что ветер дул как раз со стороны туч, а попадать под дождь посреди реки нам никак не хотелось, хотя у папы и был припасен на этот случай большой кусок полиэтиленовой пленки, точно такой же, какой покрыта теплица на нашей даче.

Самое интересное, даже захватывающее, началось как раз после того, как мы выплыли в Вычегду. Воды кругом — аж берегов не видно! Течение такое, что дух захватывает, когда проплываешь мимо какого-нибудь бакена! Где-то за спиной тучи черные и громадные, и молнии сверкают! В общем, красота! Нам с Борей все это ужасно нравилось, а вот папа с мамой начали сильно беспокоиться.

Папа сказал, что теперь, когда вот-вот нас накроет грозой, да и съестного уже больше ничего не оставалось, не может быть и речи о том, чтобы плыть до самого города. Нам нужно было окончить плавание раньше, в том месте, откуда до нашего дачного поселка было рукой подать.

Мама все просила папу держаться поближе к берегу, на тот случай, если навстречу нам попадет какой-нибудь катер или теплоход. Папа старался, но с одним веслом у него это не очень получалось. Сам же он больше опасался не встречных катеров, а приближающейся грозы, так как, по его словам, если молния ударит в воду, даже если она ударит далеко от нас, мы все можем погибнуть. Но это он так, пугал просто. Я-то понимал, что это невозможно, потому что лодки наши были резиновыми, а резина ток не пропускает.

Когда вдалеке были уже видны крыши дачного поселка, поднялся такой ветер, что волны начали заплескиваться прямо в лодку, а у меня сдуло с головы мою любимую кепку-бейсболку. Она пролетела несколько метров по воздуху, потом шлепнулась в воду и начала медленно тонуть. Я тут же забил тревогу, но папа, обернувшись, крикнул, что сейчас не до нее и что спасти ее все равно не удастся. Я чуть не заревел от обиды.

Мама с Тасей тоже чуть не заревели, только от страха. Да и было чего испугаться: все вокруг потемнело, начался самый настоящий шторм; ветром нас отнесло от берега, несмотря на то, что папа бешено орудовал веслом, как заяц из рекламы батареек «Энерджайзер»; того и гляди нас могло пронести мимо. Мы все схватились за оставшиеся весла и принялись помогать папе. Большая лодка к тому времени уже заметно приспустила, подкачать ее было некому, и вода начала заливать в нее еще сильнее через морщины, получившиеся в местах крепления скамеечек. В общем, хоть караул кричи!

Общими стараниями мы все же причалили к берегу. Помогло также и то, что незадолго до того, как нас окончательно накрыло грозой, ветер вдруг стих.

Причалить-то мы причалили, да только все насквозь мокрые, и сверху, и снизу. Лил дождь как из ведра. То и дело сверкало над самой головой, и грохало так, что в ушах звенело. Но папа сказал, что это уже не так опасно, потому что мы были на берегу и вокруг нас не было деревьев, в которые так часто попадает молния. Он накрыл нас всех пленкой, а сам

принялся сдувать и упаковывать лодки. Мама очень за него беспокоилась и просила, чтобы он переждал дождь вместе со всеми, но он только отмахнулся: все равно и так уже весь мокрый, а дождь еще неизвестно когда закончится.

До дачи мы так и шли всей гурьбой под пленкой, а папа — отдельно, впереди нас, со своим огромным рюкзаком. Тропинка вся раскисла, и пока мы дошли до хорошей дороги, каждый из нас успел не по разу шлепнуться, то поскользнувшись на мокрой глине, то запнувшись за Речку, которая жалась к самым ногам. Зато сколько было радости, когда мы наконец-то дошли до нашего домика: сухо, тепло, уютно, и переодеться есть во что!

До города мы добрались, когда уже наступил вечер, последним рейсовым автобусом. За те пятнадцать минут, что мы ехали, мы успели-таки повеселить народ: я — своим чумазым лицом, которое мама никак не могла оттереть; Тася — своим сапогом-калошей на правой ноге; а Боря заснул так, что на своей остановке мы его кое-как разбудили. Папа его почти на руках вынес, и он долго не мог сообразить, где мы находимся.

От бабушки нам, конечно же, всем влетело. Она была вся не своя и уже не знала, где нас и искать. Но мы ее взбучку даже и не прочувствовали толком: слишком были уставшие и голодные. Речка тут же задрыхла на своей подстилке. Даже есть ничего не стала. Нас же мама заставила, после того как мы наелись, по-хорошему отмокнуть в ванной, потому что мы все были ужасно грязны и насквозь пропахли костром.

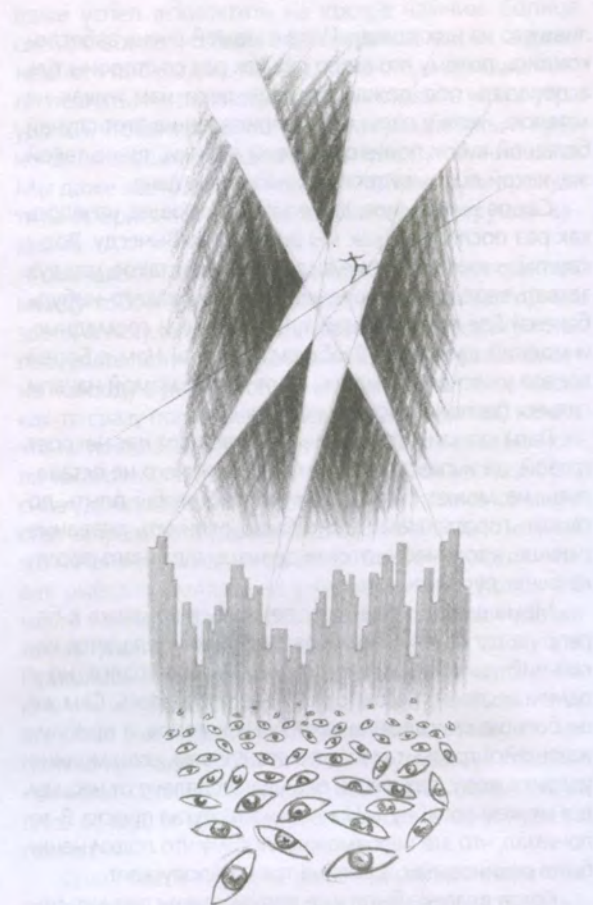
Когда я засыпал, у меня перед глазами почему-то все время прыгал, пуская по воде круги, поплавок от удочки и слышался бабушкин голос, твердивший, что она нас больше никогда в такой поход не отпустит. Но я-то знаю, что это не так. Теперь-то мы уж точно не останемся дома, если папа снова будет куда-нибудь собираться.

Канатоходец

Укротитель жил натянутых,
Звеняших,
В перекрестке прожекторов —
— Гетры.
Он гладкой ступнёй поглаживает
Шершавых канатов
метры.
Он не выдает глазами испуга,
Просто свет заблестит
В цилиндрах.
Он истопник, бравады прислуга,
Виден снизу
в толстенных
линзах.
Наверху только птицы, да кручи
Смеют прямо в глаза
подхихикать,
Но не паяц он,
А просто случай,
Представляешь, насколько хитро
Крючковатыми
пальцами
тыкать,
Все горазды
полностью, кучей.
Ну попробуй-ка выстоять
ты, как
Канатоходец, сдвигающий тучи.
И щекочет внизу на арене,
Опускайте скорее сетку,
Дождитесь, когда он — в пене —
Распахнет нервишек клетку.
И в сиянье смущенных
фанфар
Все пытались дождём
громких криков
Затушить тот невидимый
жар,
Что струился меж
бронзовых стыков.
Он сорвался, он не обманул,
Над рыданиями клоуна пугливого,
Вот как зал разорвался, брыкнул
И захлопал,
забравил
любимого.

Рис. Вячеслава Микрюкова

Бессоница

Фарфоровый бант на затылке из хлопка,
Чумные глаза, серых лент редколесье.
Какой же я франт?! — обезьянья походка!
Над форточкой хлопают в тюль занавесья.

Согрейте мне ванную, сливки топите,
Я в глянец журнальный закутаю томы.
Уйти не уйду, слишком много хотите,
В владеющий утренний ропот бездомных?

В окне над крестами лиловый глазище
Всю ночь продырявливал снящийся пудинг.
И пудель тогда разоблизывал днище,
Уютно разваленных в страстном преблудье.

Какая тоска! Расскажу — не поверят,
Они ведь не чувствуют запах окислин,
А если им крыльями ворон без перьев,
Глаза защитил от напраслины мыслей?

Кусаются дужки кровати беззлойной,
В момент озверев, разбрыкался подельник.
Накрылся подушкой, как площадью лобной,
В томлении жарком уснувший бездельник.

Поважнее, значительней, резче.
Вот какие дела нынче в моде.
Вроде выскоблил пепельниц
слухи.
Бутерброд из ботинок
и челки.

Лебезил.
И солёные мухи, и олухи-глухи.
Только слышится стук,
ЭТО

Ноги
протезные
сухо
сбиваются
в
ритме
чечётки.

Клаксоны гудят,
Тормозят на ненужных асфальтах
Штиблеты.
И звенят поножовщины
звонкие
пальцы.

Разряжая в туман пистолеты:
АТУ! АТУ!
ВОН Прокажённый,
В коростах талантливых мыслей.
Заплешивевший вышел,
«ПОШЕЛ»,
Погоняемый градом
червивых амбиций.

Только так, за мороку.
Скажи, эй, изгнанник!
Где ты
столько
бумаги
нашёл?

Освободись от бремени,
Знай, здесь всегда много времени,
Насадить по заплате
На каждом
расколоте
темени.

НЕ послушался — сгинул.
ОН СГИНУЛ!!!
Чей сдвинул, единственного,
Кто свою голову
на плаху
кинул.

Каждого из нас новогодней игрушкой
На руке своей взвесил. А мы
Только протирали
задницами

спинки говорящих кресел
С кожаными сороканожками
В вальсе
На раз, два, три.
Каблучками
вбиваются
гвозди,
БЕРИ-ТЕ,

Разнуздари!
Плюются в проеме двери
Желторотые лодыри

Что ж мы наделали...
Накололи слепому художнику
Бумажные веки.
Музыканту засунули в уши
Потасканной неги,
Разошлись, не подумали.

А где-то они жгут на кострах
Парики,
И седые
сонеты
сбиваются
в кучи
сожженной
муки.

И купаться пытаются в русле
Давно
Пересохшей
реки.

Адажио
М.А.

Скользко.
Иду.
Рубашки потные лацканы
Лязгают с боем настенных часов.
Нет.
Не пойму.
Сколько забытых мгновений
В растёгнутых куртках пастельных домов.
Можно
Найду?
Все анфилады и эркеры
В гроздьях сплетёных из сплетен
надёжных оков.
Каются,
что не шептали
на ушко
бизе из
присыпанных
сахаром слов.

Скользко,
Иду...

Евгений БИРЮКОВ

Канатоходец

Ванька Голый и К°

«Освобожденный труд» 1 мая 1920 г.

Музей фотографии

У старожилов города Екатеринбурга этот персонаж — Ванька Голый — все еще на языке. А вот предыстория многими забыта.

Величайшим событием в жизни России стала отмена в 1861 году крепостного права. Царю-освободителю Александру II по этому поводу повсеме-

г. Екатеринбург

Памятник Императору Александру II

г. Екатеринбург.
Памятник имп.
Александру II 1907 г.
изд. В.Л.Метенкова

РЕКА ВРЕМЕНИ

Главная площадь.
«Свобода».

стно воздвигали памятники. В Екатеринбурге тоже объявили сбор средств. Но достойный монумент — фигура во весь рост на высоком постаменте — появился лишь в 1907 году на Главной площади, ближе к мужской Александровской гимназии.

Февральская революция 1917 года с лозунгом «Да здравствует Республика!», а потом и Октябрьская — «Вся власть Советам!» — сбросили все символы самодержавия. 1 мая 1918 года на царское место водрузили женскую фигуру с факелом и громким названием «Свобода» (напоминающую американскую «статую Свободы»).

В 1919 году она, «Свобода», уступила место... Карлу Марксу. Это была нелепо подрубленная под самый подбородок голова провозвестника коммунизма. А он, в свою очередь (идеологическая чехарда!), сменился символическим памятником «Освобожденному труду».

1 мая 1920 года состоялось открытие нового монумента, и взору собравшихся предстал пятиметровый обнаженный мужчина со всеми мужскими достоинствами. Скульптор Степан Эрзя говорил, что это лишь начало большой многофигурной композиции на революционную тему. Но до нее дело не дошло. Новый памятник даже тиражировался на почтовых открытках — с названием «Свобода». В народе же его окрестили Ванькой Голым. Пять лет он мозолил глаза горожанам, вызывая нарекания и анекдоты. Летом 1925 года власти его убрали. Постамент же простоял до 1930 года, когда его снесли заодно с Кафедральным храмом и приступили к благоустройству площади. Было несколько вариантов новых памятников, но... памятник Ленину на этом месте появился лишь в 1957 году.

Памятник
К.Марксу
на том же
постаменте.

Воздушный поцелуй смерти

Мужчина сидел на месте водителя в очень неудобной позе. Ноги упирались в педали, голова была откинута назад, спина выгнута, как будто в неё что-то упиралось. Хотя между спиной и спинкой сиденья ничего не было. Погибшему на вид было лет 35. Довольно шуплого телосложения. Глубоко посаженные глаза были открыты, в них застыли животная боль и дикий страх. И со стороны могло показаться, что смерть, наложив на это лицо свою печать, превратило его в маску первобытного человека: низкий лоб, выпуклые надбровные дуги, широкие скулы.

Старенькая «шестёрка» грязно-жёлтого цвета стояла на обочине лесной дороги. Деревья, одетые в осенний наряд и ковёр из опавших листьев, создавали некую нелепую гармонию с машиной, прижавшейся к краю колеи.

— Что скажешь? — кислым голосом спросил старший оперуполномоченный капитан Даренко, высокий крепкий блондин с пронзительно голубыми глазами, точёным носом, с волевым подбородком — вылитый истинный ариец, если бы не детские губки и неожиданно маленький ротик. Сыщик ещё раз через лобовое стекло взглянул на труп, выпрямился и отступил на шаг, как бы уступая своё место второму мужчине, к которому и был обращён вопрос.

— Смерть наступила несколько часов назад, — авторитетно заявил стоявший поодаль высокий худощавый брюнет с чёрной мефистофельской бородкой и бледно-бледно-голубыми глазами с чёрными точками зрачков. В правом уголке рта у эксперта была зажата дымившаяся сигарета, дым которой заставлял щурить правый глаз. Руки говорившего были заняты: они сдёргивали тонкие резиновые перчатки.

— Но едва ли это произошло от удара по «адамову яблоку», — продолжал собеседник опера, небрежным жестом показав на ссадину на кадыке мёртвого мужчины, — его сначала «отключили», а потом уже убили...

— Как? — тут же отозвался Даренко, нервно застёгивая кожаную куртку, поёживаясь и сутуля широкую спину.

— Пока не знаю, — пожал узкими плечами эксперт.

— Понятно, — управившись наконец с курткой,

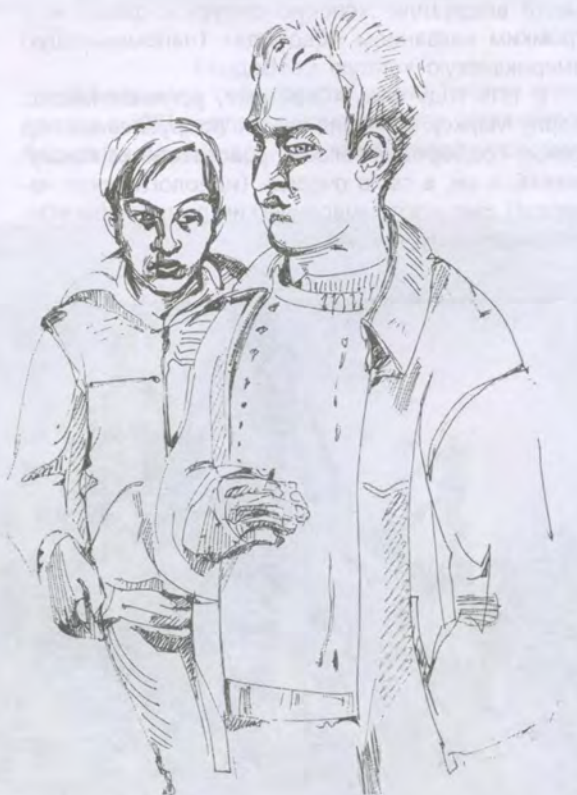
пробормотал капитан и отошёл к другому автомобилю — тёмно-синей «девятке». Привалившись спиной к кабине со стороны пассажирского места, закурил. Сзади послышались торопливые шаги. Даренко оглянулся и увидел торопливо приближавшегося своего молодого сотрудника.

— Не беги так, а то не заметишь, как земля кончится, — бросил он возбуждённому и не в меру озабоченному напарнику и отвернулся.

Тот, кому было сделано это замечание, встал, как вкопанный, в двух шагах от старшего.

— Я так понимаю, что кроме мальчишки, обнаружившего машину, других свидетелей нет... — скорее утверждающе, чем вопросительно пробормотал капитан.

Напарник согласно и в то же время сокрушённо помотал головой.

— Тут метрах в пятистах отсюда только три дома. Старых. Деревянных. Почти у самого озера. Кто там есть, всех опросил. Никто ничего не видел и не слышал... — заоправдывался молоденький оперативник в короткой спортивной курточке и потёртых джинсиках, то и дело откидывавший назад растрёпанную чёлку грязно-русого цвета.

— Понятно, — снова сказал старший оперуполномоченный и сплунул.

Был солнечный летний день. На небе ни облачка. Улица непривычно пустынна. По-видимому, все, кто мог, устремились к ближайшим водоёмам, в сады и на дачи.

Анатолий, высокий, импозантный блондин 33-х лет, с белоснежными волосами, зачёсанными назад так, чтоб были видны благородные залысины на высоком лбу, одетый в чёрную элегантную рубашку, в лёгкие, тоже чёрные и элегантные, брюки с безукоризненными стрелочками и, разумеется, в чёрные туфли, не спеша шагал по пустой улице. На красивом лице молодого человека лежала печать скуки, а глаза смотрели мимо всего земного.

Неожиданно из-за угла дома, возле которого как раз проходил Анатолий, выскочил парнишка лет 17—18 и побежал ему навстречу. Почти сразу же следом за ним выбежала молодая женщина в лёгком открытом сарафане.

— Цепочку! Цепочку! — в отчаянии крикнула она неизвестно кому.

Бежавший парень увидел мужчину, шедшего ему навстречу, но не стал сворачивать и не сбавил скорость, намереваясь, видимо, проскочить мимо. Анатолий невозмутимо продолжал свой путь, но когда беглец поравнялся с ним, неожиданно выставил ногу в его сторону. Мальчишка споткнулся и кубарем покатился в газон, тут же попытался вскочить, но ноги заплелись, и он снова упал. Увидев направлявшегося к нему незнакомца, он кинул в него тем, что было у него в руке. Анатолий среагировал и поймал. С недоумением посмотрев на свой сжатый кулак, разжал его и увидел на ладони золотую цепочку с маленькой подковкой. Парень воспользовался этой заминкой, вскочил на ноги и снова дал дёру.

Женщина подбежала к Анатолию, одной рукой потянула его за рукав, а другой показала в сторону убегающего.

— Моя цепочка! — крикнула она ему в лицо, и слёзы брызнули из её глаз.

— Эта? — протянул он ей золотую вещицу, брошенную беглецом.

— Эта... — прошептала она, отпустив его рукав и потянувшись к его ладони, на которой мёртвой змейкой лежала разорванная цепочка. — Мне её только вчера подарили на день рождения, а этот... сорвал её...

Она прерывисто вздохнула и смешно шмыгнула носом. Анатолий смотрел на незнакомку сверху вниз, отметив про себя, что рост у неё, как у фотомодели, не меньше 170-ти сантиметров. Всего-то на 15—20 сантиметров ниже его.

— Поздравляю, — с улыбкой сказал он.

— Что? — не поняла она.

— Поздравляю вас с днём рождения, — пояснил он и добавил, — меня зовут Анатолий, а вас?

— Мария...

— Ну вот, Мария, как видите, всё обошлось...

— Спасибо вам...

— Пустяки... давайте я вас провожу... на всякий случай, — галантно предложил Анатолий и вдруг смутился, — если это удобно, конечно.

— Удобно, — неожиданно для себя торопливо согласилась Мария.

Даренко бросил на письменный стол, за которым сидел, листы с заключением судебно-медицинской экспертизы и откинулся на спинку стула; тот тут же обиженно скрипнул.

— Дурдом, — громко и отчётливо произнёс оперативник, хотя в кабинете, кроме него, никого не было. Впрочем, комнатку, где обретались они с молодым сотрудником, назвать кабинетом было бы большим преувеличением. Помещеньице в пять-шесть квадратных метров едва вмещало два допотопных и довольно громоздких письменных стола, вплотную придвинутых друг к другу тыльными сторонами, четыре стула, несгораемый шкаф размером с двухкамерный холодильник и колченогую вешалку.

Между тем, едва сыщик закрыл рот, дверь распахнулась, и ворвался его молодой коллега, лицо которого пылало от нетерпения.

— Тебя уже выпустили из сумасшедшего дома? — глянув на него, решил пошутить старший опер.

Младший опер хлопнул глазами и застыл с открытым ртом.

— Отомри, — махнул рукой Даренко, — излагай. Слушаю.

— Валерий Петрович, мне дежурный только что велел вам сообщить: в лесопарке опять труп обнаружили, — выпалил молодой оперативник.

— Тыфу ты, ну-ты, — грохнул кулаками по столешнице капитан, — то понос, то золотуха!

— Ага, — подтвердил младший сыщик, — только теперь он лежит недалеко от дороги, по которой рейсовый автобус ходит до лодочной станции.

— Кто лежит? Понос? Или жидкий стул?.. — мрачно «пошутил» старший сыщик, неохотно вставая, — ребятня опять наткнулась?

— Школьники. Они приехали гербарии собирать... а там он лежит, сам, как гербарий...

Даренко посмотрел на напарника, как на безнадежно больного, и вздохнул:

— Ладно. Поехали.

* * *

В ближайшие выходные Мария и Анатолий поехали на озеро позагорать, покупаться. Доехали на рейсовом автобусе до конечной остановки и, не сговариваясь, пошли напрямик на лодочную станцию. Свободных лодок не оказалось, зато была небольшая очередь и достаточно места на берегу. Анатолий узнал, кто последний, и предложил своей спутнице расположиться у воды, дабы совместить приятное с полезным. Пока не подойдёт очередь, позагорать, искупаться и устроить небольшой пикничок. Мария с радостью согласилась, одобрив вслух находчивость Анатолия. Действительно, в отличие от других частей берега, донельзя забитых отдыхающими, на отгороженном участке было совсем немногочисленно: сюда пускали только тех, кто готов был воспользоваться услугами лодочной станции.

Мария расстелила широкое байковое одеяло, принесённое с собой. Анатолий снял с себя футболку песочного цвета, обнажив торс, на котором явно угадывались следы давних спортивных тренировок, и небольшой животик. Затем сбросил

жёлтые сандалии и летние брюки того же цвета, что и футболка. Оставшись в плавках телесного цвета, он с удовольствием растянулся на одеяле.

Мария была в том же бело-голубом сарафане, что и при первой встрече с Анатолием. Поколебавшись, она решительным движением сняла его, оставшись в открытом купальнике и босоножках. Анатолий лежал на спине и смотрел на неё из-под руки, которой прикрылся то ли от яркого солнца, то ли от ослепительной женской красоты.

— Ты очень красивая, Мария. Мне хорошо с тобой. Спокойно, — признался Анатолий. И добавил: — А то в последнее время мне как-то всё не мило, всё постыло...

— Что-то на работе? — присаживаясь рядом на краешек одеяла, спросила она.

— И на работе, и вообще... — болезненно сморщившись, пробормотал он, — ничего не хочется делать, никого не хочется видеть... кроме тебя. Вот увидел тебя, и стало спокойно на душе. Ты, как дева Мария... чистая... непорочная...

— А какая у тебя работа? — помолчав, тихо спросила она.

— Я — дизайнер. Работаю в строительстве. Дворцов не строим, зато коттеджей наклепали за милую душу... — он прикрыл глаза и потянулся.

— У тебя хороший вкус. Это сразу видно, — с улыбкой похвалила она.

Он промолчал. На какое-то время возникла пауза.

Вдруг он резко сел и спросил, глядя ей в глаза:

— У тебя кто-то был до меня?

— У меня ещё и тебя нет... — едва шевеля губами, ответила она.

— Не может быть, чтоб у тебя никого не было. Ты такая красивая. И уже не девочка, — его серые прищуренные глаза искали в её огромных тёмно-синих глазницах отражение лжи.

— Да, я не девочка. Мне тридцать лет. Но у меня никого не было, — не отводя глаз, сказала она.

— Как это может быть? — попробовал он улыбнуться.

— Потому что я — дева Мария, — игриво сказала она и рассмеялась. — Я была толстой и некрасивой. А похудела совсем недавно. Решила совершить чудо. Сама. Без посторонней помощи. И вот что получилось.

— Э, да ты гляжу, как и я... дизайнер, — тоже засмеялся он.

— Я — гадкий утёнок, превратившийся в царевну-лебедь...

— Не люблю лебядей.

— Я не лебядь. Я — царевна. Лебедь...

Они замолчали, продолжая погружаться в глаза друг друга и стараясь не моргать. И вдруг оба рассмеялись. Он снова лёг на спину и отодвинулся к краю, освобождая ей место. Она осторожно прилегла.

— Я всё равно узнаю, если у тебя кто-то был до меня, — снова услышала она его голос.

— Не узнаешь. Их нет... — тихо сказала она.
— Посмотрим, — пробормотал он.

Даренко и его напарник остановились перед обшарпанной дверью со стеклянной табличкой, на которой едва угадывалась надпись: «СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ».

— Боюсь и заходить, — признался наставник молодых своему подопечному.

— Вы разве боитесь покойников? — удивился молодой опер.

— Не покойников, а медицинского заключения Ушакова. Дурное предчувствие у меня, Аркадий, — вздохнул капитан и решительно постучал в дверь. Им почти сразу открыли, и они вошли внутрь приземистого и неказистого одноэтажного здания.

Уже в вестибюле чувствовался специфический запах, хотя всё довольно обширное помещение буквально заставлено было горшками и кадками с различными растениями.

Открывший им пожилой санитар в старом халате и длинном резиновом фартуке пробубнил что-то нечленораздельное и кивнул куда-то в угол.

Сыщики посмотрели в указанном направлении и увидели того самого брюнета с мифистофельской бородкой, который как раз и был тем самым Ушаковым, чьёго медицинского заключения так боялся Даренко.

Медэксперт сидел в кресле, закинув ногу на ногу, курил, пуская дым в потолок, и, казалось, не обращал внимания на вошедших.

Оперативники гуськом подтянулись к нему.

— Поздравляю, господа, — великосветским жестом вынув сигарету изо рта, сказал Ушаков, — похоже, у вас серийный убийца образовался.

— Не «у вас», а «у нас», — хмуро поправил его Даренко.

— Это с какой стороны посмотреть, — усмехнулся Ушаков и, обращаясь к Даренко, добавил: — Спешу довести до вашего сведения, что способ убийства один и тот же — укол из пустого шприца.

— Воздухом? В вену? — уточнил старший оперуполномоченный.

— Именно, — подтвердил эксперт.

— А почему ты сразу след от укола не обнаружил? Ты же смотрел, — раздражённо посетовал капитан.

— Я на месте убийства только руки осмотрел и шею убитого. А он, убийца то есть, в ногу ему зашарилил. У покойного на левой икре варикозное расширение вен было, так этот злодей прямо во вдутие и всадил, — со значением произнёс Ушаков.

— Это что же у нас получается? — сам себе задал вопрос Даренко и сам же на него ответил, — убийца ткнул жертве пальцами в глаза, ослепил, потом оглушил палкой, после чего вогнал в вену несколько кубиков воздуха?.. Оригинально... хотя... стоп!

Молодой оперативник вздрогнул от неожиданного вскрика старшего опера. Последний посмотрел на напарника сумасшедшим взглядом и ударил по плечу.

— Итак, ещё раз! Что у нас получается, Аркадий свет Сергеич? — с хитрым прищуром спросил он своего молодого сотрудника.

— Получается серийное убийство, — пролепетал тот.

— Убийца и убитый были знакомы — вот что получается! Причём настолько хорошо, что злодею было известно о варикозе. И приехали они в лесопарк вместе! Может, даже на автобусе...

Невооружённым глазом было видно, что старшим оперуполномоченным овладел охотничий азарт.

— Похоже, старая ищейка взяла след, — с уважением заметил Ушаков.

— Не старая. И не ищейка. А сыщик в самом расцвете ума и сил, — поправил его Даренко и подмигнул напарнику.

— Надо опросить водителей автобусов, кондукторов и постоянных пассажиров, — решил внести свою лепту в обсуждение Аркадий.

— Правильно, — согласился с ним капитан, — показать фотографии и постараться выяснить, кто был его попутчиком. Действуй. А я ещё раз опрошу родных, близких и знакомых убитого.

Даренко благодарно хлопнул по плечу Ушакова и подтолкнул к выходу Аркадия.

Как-то в начале осени Мария и Анатолий попали под дождь и, спасаясь от его хлестких струй, забежали в летнее кафе. Сначала они просто стояли под навесом, а потом решили сесть за столик. Только они опустились на стулья, как перед ними возник официант.

— Что будете заказывать? — вежливо поинтересовался он.

— Может быть, кофе? — спросил Анатолий Марию.

— Я бы не отказалась, — пожал плечами, ответила та.

— Два кофе, — сказал кавалер.

— С коньяком? — уточнил официант.

Анатолий на секунду задумался, посмотрел на Марию и улыбнулся.

— А, давай, — махнул он рукой.

Официант ушёл. А они, как по команде, повернули головы к улице и стали смотреть на дождь.

— Вот и осень... — с грустной улыбкой сказала Мария.

— «... Очей очарованье...», — тут же подхватил Анатолий, тоже улыбнулся и добавил: — А ещё это пора свадеб...

Его спутница едва заметно вздрогнула, продолжая смотреть на дождь. Вернулся официант и поставил перед ними дымящиеся чашечки. Анатолий не глядя протянул пятисотку.

— А помельче у вас нет? — скромно поинтересовался официант.

— Это много? — с удивлением оглянулся на него Анатолий, пожал плечами и усмехнулся, — тогда принеси ещё что-нибудь.

— Может быть, по бокалу вина? — предложил гарсон.

— Красного, полусладкого. И какой-нибудь фрукт, — Анатолий снова повернулся лицом к дождю.

Официант исчез.

— А почему ты не купишь себе машину? — вдруг спросила его она.

— У меня была машина. Она разбилась. В ней погибла моя жена... и её любовник... — не меняя выражения лица и глаз, ответил он.

— Извини, — тихо сказала она.

— Ну, что ты, — улыбнулся он уголками губ, — теперь у меня есть ты. Моя дева Мария. Чистая. И непорочная...

— Я девушка целомудренная, но не монашка, — проронила она.

Официант принёс вино и порезанный апельсин.

— Понимаешь, если у тебя кто-то был до меня, я не смогу быть с тобой, — со вздохом повторил он сказанное летом и глотнул из бокала.

— Ты у меня один. Только ты. Других нет, — произнесла она, как заклинание.

— Всё тайное рано или поздно становится явным. Помни об этом... — задумчиво сказал он.

* * *

Оперативники сели на предложенные стулья возле огромного современного офисного стола в кабинете старшего следователя по особо важным делам городского управления внутренних дел майора Каладзе. Сам кабинет городского начальства тоже был намного больше, чем у оперов районного УВД — квадратов 25, не меньше. Хотя и столов здесь было шесть и помещение это принадлежало оперативно-следственной группе по особо важным делам.

Время было позднее, поэтому столы, кроме майорского, пустовали.

Старший следователь лицом походил на умную и хищную птицу. Его губы то и дело расплывались в улыбке, и со стороны могло показаться, что это своего рода нервный тик. Тёмно-карие глаза при этом оставались внимательными и холодными. Оперативники вошли в кабинет всего минуту назад и успели только поздороваться и познакомиться с его хозяином.

— Ну, рассказывайте, что накопили, — с лёгким кавказским акцентом сказал майор и улыбнулся.

— Вам нужен полный отчёт? — сдержанно поинтересовался капитан Даренко.

— Нет. Полный отчёт не нужен. Я ознакомился с документацией, — не стирая полностью улыбку, проговорил Каладзе. — Я хочу знать то, что вы ещё не успели запротоколировать.

Оперативники переглянулись. У лейтенанта застыл вопрос в глазах. Капитан мотнул головой и придвинул свой стул вплотную к столу майора.

— Лейтенант Мокрушин вчера и сегодня работал в автобусах, маршрут которых проходит через лесопарк. Ему удалось найти кондуктора, который

по фотографии опознал убитого Барнёва, но при этом он утверждает, что тот ехал один и вышел на остановке «Лесопарк» тоже один. На автобусах этого маршрута в это время года ездит в основном один и тот же контингент. Так что всякий незнакомец на виду. Кроме Барнёва, никто на остановке «Лесопарк» из автобуса не выходил. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что убийца приехал либо на личном транспорте, либо на частнике, либо на такси. Скорее всего, он приехал на частнике и по другой дороге. Ещё кондуктор показал, что при Барнёве была сапёрная лопатка, завернутая в мешковину. На месте преступления мы нашли эту лопатку. Кстати, у убитого водителя жёлтой «шестёрки» тоже была штыковая лопата в багажнике...

Даренко замолчал, вопросительно глядя на Каладзе.

— Считаете, наличие лопат не случайно? — серьёзно спросил майор и улыбнулся.

— Но зачем-то они им были нужны, — пожал плечами капитан, — что-то или кого-то они собирались закопать...

— ... Или выкопать... — подхватил старший следователь.

— ... Хотя следы раскопок мы не нашли...

— Да, странно всё это, — признал майор и снова обратился к капитану. — А что говорит окружение потерпевших?

— Там окружение ещё то, — махнул рукой старший оперуполномоченный. — Убитый Трухин Виктор Владимирович, 37 лет, женат, двое детей. Работал экспедитором мелкого опта. Возил на своей «шестёрке» фрукты-овощи для лотков. Окружение у него соответствующее. Сводить с ним счёты таким вот образом для торгашей запахло. Нет у них и не может быть такого веского повода. Это же не наркомафия...

— А вдруг?.. — засмеялся майор.

— Конечно, мы на всякий случай натравили на них ОБЭП и налоговую... Там, конечно, не всё чисто, но в пределах...

— А ОБНОН не подключали?

— Консультировались. У них по ним ничего нет...

— И тем не менее хочу заметить: у сицилийской мафии подобный способ убийства одно время был особенно в ходу. Фильм Домиано Домиани «Камень во рту» не доводилось смотреть?

— Нет, — сказал лейтенант.

— Не доводилось... — эхом отозвался капитан.

— Неудивительно. В нашем прокате он появился в начале 80-х... — засмеялся Каладзе и тут же оборвал свой смех, — Так. А Барнёв?

— Барнёв Артём Федорович. Фотограф. 46 лет. Разведён. Живёт один. В последнее время перебивался случайными заработками. До 98-го года его снимки очень котировались. Даже в центральных изданиях печатались. А когда слу-

чился обвал рубля, он был вынужден продать значительную часть аппаратуры, после чего уже не смог снова развернуться...

— Скандальные фотографии не могли стать мотивом для убийства?

— Да нет. По словам его ученика (обучал он тут одного паренька фотоискусству), последние работы у него были чисто такие... девчушек он фотографировал для поступления в модельные салоны...

— А ревность какого-нибудь Отелло не может иметь место? Или месть за неудачный фотоснимок? Или за посягательство на девичью честь?

— Нет, тут что-то другое... Барнёв и Трухин как-то связаны между собой и с убийцей. Хотя ни тот, ни другой не засвечивался в окружении того или другого.

— И общих знакомых они тоже не имели?

— Выявить не удалось...

Наступило тягостное молчание. Вдруг лейтенант Мокрушин поднял руку, как ученик в школе.

— Можно? — попросил он разрешения высказаться.

— Валий, лейтенант, — разрешил майор.

— Жертв «выключали» по принципу: бей по самым уязвимым местам. Горло, глаза, мошонка. Этому учат женщин на уроках самообороны. И потом — эти беспорядочные удары по голове. Мне кажется, тут — шерше ля фам... ищите женщину... — сбивчиво высказал свои соображения молодой оперативник.

— Во-первых, если кажется — крестись, во-вторых, искать будем убийцу, и в-третьих, о самых уязвимых местах мужикам не хуже известно. И чтобы знать про это, вовсе не обязательно посещать занятия по самообороне, — разбил в пух и прах доводы молодого оперативника матёрый следователь. Но, помолчав, добавил: — Хотя напрочь отрицать, что это могла быть женщина, тоже не следует. Убивал не профессионал, это факт...

— Этот злодей — или псих, или медработник, — пробормотал Даренко.

В комнате снова повисла тишина. Милиционеры, не сговариваясь, полезли в карманы за сигаретами. Молча закурили. Сизый дым слился с тишиной...

* * *

Он сразу почувствовал, как она напряглась, когда их обогнал длинный и худощавый молодой человек в спортивном костюме. Они гуляли по аллеям городского парка. Уже смеркалось. Под ногами мягко шуршали разноцветные листья, не успевшие ещё превратиться в жухлый, потерявший праздничные краски мусор. И вот сзади послышались шаги бегущего человека. Мария оглянулась и почти сразу же отвернулась.

— Кто-то знакомый? — улыбнувшись, спросил Анатолий.

— Нет... просто бежит за нами... страшновато стало... — глухим голосом произнесла она, пытаясь не показать волнение.

— Испугалась, что опять цепочку сорвут? — засмеялся он, обнял её за плечи и с улыбкой сказал, — Со мной не посмеют. Не бойся.

— Да. Конечно. С тобой не посмеют... — попробовала она улыбнуться.

Они замолчали. Анатолий время от времени пинал по листьям, стараясь оторвать их от земли. Мария шла, крепко держась обеими руками за его согнутую в локте руку.

— Знаешь, — снова заговорил он, — а ты довольно скрытная.

— Я? — переспросила она.

— Я о тебе почти ничего не знаю, хотя мы знакомы уже почти три месяца.

— Разве?.. Вообще-то мне казалось, что тебя мало интересуют бытовые мелочи...

— Я ни разу не был у тебя дома. Ты ничего не рассказывала о своей работе...

— То, чем я занимаюсь, не называют работой в общепринятом смысле. А дом... тебе там может не понравиться...

— Ты заинтриговала меня.

— Мой бизнес — это кошки. У меня их девять. Все породистые, — он почувствовал, как она опять напряглась, — и все они у меня шоу-класса...

— Что это значит? — с интересом спросил он.

— Это значит, что все они имеют рекомендации не просто участвовать на выставках, но и побеждать...

— А какая у них порода?

— Экзоты. Их ещё называют плюшевыми персами: они похожи на персидских кошек, только у них шерсть короткая...

— И они тебя кормят?

— В общем, да... Котёнка шоу-класса можно продать за 200—300 долларов...

— И много у тебя таких котят?

— Практически постоянно. У меня два кота, поэтому, помимо своих котят, у меня ещё есть элементные...

— Как это?

— Мне приносят кошек на вязку. Я за это беру либо деньгами, либо котятками...

Анатолий остановился и внимательно посмотрел на Марию.

— И давно ты этим занимаешься? — спросил он, глядя на неё смеющимися глазами.

— Почти четыре года, хотя кошки у меня были всегда, — с трогательной улыбкой ответила она. — Вообще-то я закончила музпед... музыкально-педагогическое училище. Работала музработником в детском садике...

— Можешь не продолжать...

— А ты, — тихим голосом начала Мария и замаялась, но всё равно задала важный для неё вопрос, — любишь кошек?

— Обожаю, — легко ответил он.

Она улыбнулась счастливой улыбкой и медленно пошла дальше по аллее. Он усмехнулся, догнал её, взял за руку и пошёл рядом.

* * *

— Если следовать твоей логике, следующий удар злодей нанесёт по яйцам жертвы, пардон, в пах. Так? — сидя в позе киношного американского полицейского (ноги на столе, в зубах сигарета), вещал капитан Даренко.

Оба оперативника «прохлаждались» в своём, с позволения сказать, кабинете, сидя друг против друга, каждый за своим столом.

— Не злодей, а злодейка, — упрямо буркнул лейтенант Мокрушин.

— Ну да, судьба-злодейка, пустоглазая и с косой, — сдохмил старший опер.

— Вот увидишь, — пообещал ему молодой и неопытный коллега.

— И, конечно же, всё произойдёт опять же в лесопарке.

— Скорее всего.

— Наверное, нам надо туда роту спецназа подтянуть, — хохотнул Даренко, — а ещё лучше полк, чтоб за каждым деревом засаду устроить.

— Что-то вы не на шутку развеселились, Валерий Петрович...

— Это от безделья, — продолжал балагурить капитан.

— От безделья есть прекрасное средство — работа, — хмуро бросил лейтенант.

— Конечно, у нас и других дел невпроворот, — согласился старший оперуполномоченный и театрально хлопнул себя по лбу, — но у меня никак наш серийный убийца из головы не идёт...

— Шутки шутками, а может, и вправду есть смысл в лесопарк смотаться, — вполне серьёзно заявил молодой оперуполномоченный. — Между первым и вторым убийством промежуток был в три дня. Сегодня как раз третий день пошёл после второго убийства...

— Флаг тебе в руки, Аркадий! Вперёд и с песней! — не двигаясь с места, напутствовал его старший по званию.

Лейтенант встал и пошёл к вешалке, где висели их куртки.

— Заметь, — по-ковбойски небрежно процедил ему вслед Даренко, — это была не моя идея!

Мокрушин усмехнулся и вышел из кабинета. Капитан пару секунд, не двигаясь, смотрел на закрытую дверь, потом громко сплюнул воздухом, сбросил ноги со стола и рванул к вешалке...

Максим Петровцев совершал свою ежевечернюю пробежку по городскому парку. Осень уже отступала к зимнему рубежу. Вечерний воздух заметно холодал. Максим подумал, что, пожалуй, с завтрашнего дня вместо футболки под олимпийку не помешает надеть что-то более тёплое. Он продолжал бежать. И вдруг в одной из аллей увидел её. Она медленно шла ему навстречу. В первый момент он её не узнал. И даже сначала пробежал мимо. И тут в памяти яркой вспышкой возник её образ. Он остановился, оглянулся. Она очень изменилась. Хотя ему эта женщина и в прежнем облике очень нравилась. Но теперь перед ним стояла стройная, хорошо одетая, молодая и прекрасная дама...

— Ты? — изумился он и заулыбался, — тебя не узнать. Богатой будешь. Или долго жить...

— Привет, — сказала она, — я и не знала, что ты тут бегаешь...

— Кварту поменял тут недавно...

— Вы поменяли квартиру? — удивилась она.

— Да, разъехались...

— Ты ушёл от жены?

— Развёлся...

— Значит, ты сейчас свободен?..

— Абсолютно.

— А я уже нет...

— Ты вышла замуж?

— Пока нет, но скоро выйду...

Его взгляд тут же изменился и принял выражение побитой собаки.

— Я часто о тебе думаю, — признался он.

— А я уже нет... — сказала она с отстранённой улыбкой.

— Пока занимались обменом, столько времени прошло... Я хотел выменять что-нибудь поближе к тебе...

— Максим, я старше тебя на три года. Пойми: ничего хорошего из этого не выйдет.

— А я думаю, что всё возможно...

Она долго смотрела на него с сожалением. А он умолял её взглядом.

— Если я попрошу тебя помочь мне, ты поможешь? — с жалостью глядя на него, спросила она.

— Конечно, — не задумываясь, ответил он.

— У меня погибла кошка. Нужно похоронить. Ты сможешь мне?

— Конечно, помогу!

— У тебя есть какая-нибудь лопатка?..

— Найду...

— А твой мотоцикл? Он на ходу?

— Да. Когда ты хочешь поехать?

— Лучше было бы прямо сегодня...

— Сегодня, наверное, не получится... Просто сейчас уже темнеет, а за мотоциклом надо ехать. Он у меня у друга в гараже стоит, это далеко, не меньше часа добираться. Много времени потребуется... — было видно, что Максиму отчаянно жаль. — Давай завтра. Прямо с утра!

— Ночевать в одной квартире с мёртвой кошкой? — с сомнением произнесла она.

— Можешь переночевать у меня, — тут же предложил он и смутился.

— Ты же понимаешь, что не могу, — с мягким укором сказала она.

— Тогда давай похороним её здесь. И мотоцикл не понадобится, — снова предложил он с надеждой.

— Нет уж, давай тогда завтра утром, — тихо сказала она, — приезжай к девяти часам к остановке «Лесопарк». Помнишь, наверное?

— Конечно, сколько раз ездили купаться... — с готовностью подтвердил он.

— Там, по ходу автобуса, тропинка вправо есть, — никак не реагируя на его напоминание, продолжала медленно говорить она. — Есть там ещё и влево тропинка, но ты езжай по правой. Понял?

Он несколько раз кивнул.

— Вот и хорошо, — похвалила она, — я тебя там встречу...

— Я понял. Буду ровно в девять, — пообещал он.

Она погладила его по щеке, прошла мимо и, не оглядываясь, пошла прочь.

— В одном ты ошибся. Со времени второго убийства прошло не три дня, а почти четыре, — ворчливо пробормотал Даренко, глядя на лежавшее навзничь тело молодого человека. Глаза убитого были зажмурены так, будто он из последних сил старался выдержать обрушившуюся на него боль. — А в остальном ты, похоже, прав: и удар ниже пояса, и лопата, и лесопарк...

К оперативникам подошёл майор Каладзе. Поздоровался с обоими за руку.

— Он? — коротко спросил старший следователь по особо важным делам.

— Она, — буркнул старший оперуполномоченный.

— Почему она? — не понял майор.

— Потому что всё сходится, — не очень понятно объяснил капитан.

— Чего сходится? — потребовал ясности Каладзе и нервно улыбнулся.

— Известно чего — шерше ля фам, — сказал Даренко и плюнул.

— Вот что, ребята, пора нам расширять оперативное поле деятельности, — произнёс тоже несколько туманную фразу важняк из ГУВД, — пришло время задействовать четвёртую власть. На полную катушку. Пора подключать широкие слои общественности. А то у нас уже три убийства, а ни мотива нет, ни подозреваемого...

— Я могу съездить на телевидение, — тут же предложил свою кандидатуру Мокрушин.

— Не надо куда-то ехать, — отмахнулся Каладзе, — они уже сами сюда едут. И сегодня же по всем местным каналам в вечерних новостях выйдут сюжеты с фотографиями и моим комментарием...

И, будто в подтверждение слов майора, послышались шумы моторов, а сквозь оголившиеся деревья стало видно, как подъезжают одна за другой легковушки, принадлежащие городским каналам.

Никогда ещё Мария не испытывала такого восторга и счастья, и никогда ей не было так легко и свободно. Ночь прошла бурно, страстно, неистово. И теперь она лежала на спине, тяжело дыша и обливаясь потом, глядела в потолок и улыбалась. Её тёмные волосы разметались по подушке, как в одной из реклам про волосы. Серый сумрак утра вливался в комнату. Анатолий лежал рядом на животе. Его мокрая спина блестела, отражая отблески уличных огней, а по коже скользили подрагивающие пальцы Марии. За стенкой скреблись и мяукали кошки.

Анатолий вдруг резко перевернулся на спину, тяжело дыша, и, отчётливо выговаривая каждое слово, сказал: «Ты. Всё-таки. Обманула. Меня».

— В чём? — спросила она, продолжая улыбаться.

— Я на следующий день встретил того, из городского парка, — с трудом переводя дыхание, сообщил он.

— Кого? — снова спросила она, всё ещё не понимая, о ком идёт речь.

— Максима твоего, — стараясь говорить сдержанно, произнёс он, — Максим мне всё рассказал. А ещё я видел, как ты с ним вчера вечером встречалась...

Улыбка постепенно гасла на её губах. А он сел на постели. Потом встал. И начал одеваться.

— Куда ты? — выдохнула она.

— Всё, Мария. Всё, — спокойно сказал он и, присев на пуф возле трюмо, стал не спеша натягивать носки.

— Что — всё?!

— Ты обманула меня, — повторил он, продолжая одеваться.

— погоди! Ты не можешь просто так уйти, и всё! — крикнула она.

— Ты хочешь, чтоб я ушёл не просто так? — усмехнулся он.

— Ты куда не уйдёшь. Я не отпущу тебя, — с

неожиданной твёрдостью и спокойствием произнесла она.

Его это почему-то рассмешило. Он громко рассмеялся, расслабленно опустив руки вдоль тела и откинув голову. А она вся подобралась, с ненавистью глядя на его трясущееся от смеха тело, и вдруг, как кошка, прыгнула на него...

Работы оперативникам хватило на всю ночь. Поздно вечером на контактный телефон позвонил молодой человек, назвавшийся другом Максима Петровцева. Он сообщил, что последний держал в его гараже свой мотоцикл, за которым приехал рано утром, подняв друга ни свет ни заря. Оперативникам пришлось около часа ждать дежурную машину, прежде чем они рванули к ценному свидетелю, от которого позже узнали, что Петровцев был очень возбуждён, когда приехал к другу, и очень торопился. Причину своей поспешности объяснил так: девушка, с которой он когда-то был в близких отношениях и из-за которой, собственно, развёлся, назначила ему утреннее свидание в лесопарке. А ещё Петровцев попросил у друга лопатку, в шутку сказав, что она нужна ему для пароля. Только к утру оперативники наконец вычислили, где живёт бывшая пассия Максима, и вот теперь дежурная машина мчала их в направлении нужного адреса.

Мария сидела на пуфике возле трюмо. Одной рукой она держала шприц, разглядывая на свет его пустую ёмкость, другой гладила себя по лицу и растрёпанным волосам, при этом не переставая бормотать: «Я же тогда не знала, что внутривенно нельзя ставить, не выпустив немного лекарства, чтоб воздух не попал. Я вообще не умела уколы ставить. А Алисочке нужны были укольчики внутривенные. Как колоть — научили, а про воздух не сказали. А я и поставила Алисе — кошечке моей — укол... и как-то попала же прямо в венку. А у кошечки моей вдруг судороги. И почти сразу умерла. А я же не медсестра, откуда мне было знать? Потом уж объяснили...

Мария пожимала плечами и делала удивлённое лицо, глядя на пустой шприц, потом перевела

взгляд себе под ноги и продолжила свой сумбурный монолог:

— Я же освободилась, очистилась... я не обманывала, когда говорила, что их нет... потому что их нет!.. У меня никого нет!..

Она замолчала, медленно подняла глаза и замерла, незряче глядя перед собой.

— Надо было сначала Макса найти... он был первым... я была такая толстая, а он такой молоденький... а второй наоборот — старик почти. Зато умел. И ему тоже было всё равно, что я толстая. Зато молодая.. Вот Витечка больше других по возрасту подходил. Страшенький только, как обезьянка, и женатик, как Макс... С Макса надо было начинать, потому что он был первым... Надо всегда начинать сначала. Вот и не получилось. Похудеть на тридцать восемь килограмм получилось, а очиститься перед Толиком не получилось... Не поверил он, что дева Мария я, не поверил, потому что не дева... Как он тогда спросил?.. «Кто у тебя был до меня»?.. — она снова опустила глаза: — Я же сказала тебе, что нет никого у меня... нету их... нету... соблюла я себя... защитила... дядя Коля хорошо научил меня... «Дядя Коля из спецназа малолеток ё..., зараза»... Он всегда повторял: «лучший способ обороны — это нападение». Дядя Коля умел нападать... В тёмном подъезде чирк зажигалкой — и по башке... Научил на свою голову и тоже получил по башке...

В дверь позвонили. Настоячиво и длинно. Потом раздался стук и послышались голоса. Кошки за стенкой замяукали и загудели.

— А ты говоришь: уйду. Куда ты уйдёшь? — не обращая внимания на шум за стенкой и входной дверью, спросила она лежавшего у её ног Анатолия, пялившегося в никуда чёрными глазами, — Я же сказала тебе: не в этой жизни, — она положила шприц на трюмо, нагнулась и выдернула из брюк Антона, которые тот так и не успел застегнуть, мягкий кожаный ремень и, не спеша, сделала себе жгут на левой руке.

В двери долбили всё настойчивее. Мария снова взяла в руку шприц.

— «Наверно, в следующей жизни, когда я стану кошкой, лала-ла-ла», — пропела она, с интересом рассматривая набухшие вены на руке...

Мой друг Макарыч – парень хоть куда

Имя новому пистолету ижевских оружейников
дал поэт

Я и предположить не мог, что поэзия заведет меня так далеко. Окончательно уверился в реальности происходящего, когда получил приглашение в Ижевск, на юбилей... пистолета Макарова. Впрочем, все по порядку. История эта началась в позапрошлом году. Летом 2002-го я с головой окунулся в поэзию. Вот тогда и появилось стихотворение, посвященное пистолету Макарова. Почему именно пистолету? Да откуда я знаю? Неисповедимы пути поэта...

Мой друг Макарыч – парень хоть куда,
И пусть его характер крут порою,
Мы дружим так, что не разлей вода!
Он за меня в любой беде – горою.
Надежен он и в жизни, и в бою –
У друга моего стальные нервы,
И хоть он силу чувствует свою,
Но никогда не лезет в драку первым.
Он молчалив, как истинный мужик –
Не любит он пустые разговоры.
Он слов бросать на ветер не привык,
Но скажет слово, и стихают споры.
Когда ладонью чувствую опять
Его рукопожатие сухое,
Я знаю, что не стоит унывать –
Мой самый верный друг всегда со мною!

Написал и отправил по факсу на завод, где эти самые пистолеты Макарова выпускают – на Ижевский механический. Отправил и, честно говоря, забыл. А из Ижевска пришло сразу два письма. Одно – от редактора заводской многотиражки Надежды Николаевны Микрюковой. Другое было подписано главным конструктором оружейного завода Александром Ушеровичем Дорфом. Заводчане удивлялись: мол, стихов, посвященных оружию, не появлялось в России со времен Великой Отечественной войны. Благодарили за теплые слова в адрес оружейников.

Еще один солидный пакет пришел из Ижевс-

ка спустя какое-то время. В нем – каталог оружия «Ижмеха» и газета, посвященная шестидесятипятилетию завода. На первой странице – стихотворение «Друг Макарыч». Редактор газеты Н.Н.Микрюкова рассказала в письме, как праздновали заводчане тот юбилей: «...а потом на сцену вышел заместитель генерального директора Николай Павлович Парфенов и под гитару спел песню про Макарыча, которую сам сочинил на Ваши стихи...»

Наверное, со временем эта история и забылась бы. Но только в феврале этого года на НТВ промелькнул коротенький сюжет о том, что ижевские оружейники запустили в серию новинку – гражданское оружие, пистолет самообороны, разработанный на базе «Макарова» и стреляющий резиновыми пулями. Назвали конструкторы свое новое детище... «Макарыч». И вновь письмо из Ижевска: «С удовольствием сообщая, что именно Ваше стихотворение сыграло решающую роль при выборе «имени» нового пистолета – «Макарыч». Именно так в нашем Отечестве обращаются к близкому и надежному другу. А надежность и простота в обращении – это те качества, которыми уже многие десятилетия отличается русское оружие. Ваше стихотворение помещено на сайте, посвященном пистолету Иж-79-9Т «Макарыч», и его читают все, кто интересуется оружием Ижевского механического завода. Я надеюсь, что «Макарыч» станет надежным защитником граждан России. Но, как говорится, дай Бог, чтобы использовали его по назначению как можно реже... С уважением – главный конструктор ФГУП «ИМЗ» А. У. Дорф.» Вот так я стал «крестным отцом» пистолета, подарив оружию имя.

Впрочем, на этом история не заканчивается...

Когда с очередным письмом из Ижевска пришло приглашение на празднование 55-летнего юбилея пистолета Макарова и ружейного про-

М. Т. Калашников разглядывает последнюю разработку «Ижмеха» — пистолет «Макарыч».

изводства, я не очень-то и удивился. За год с лишним у меня сложились дружеские отношения с оружейниками. А чего еще можно ждать от друзей?

Юбилей пистолета Макарова и ружейного производства отмечали 9 и 10 июня. До торжественного собрания я успел немного познакомиться с Ижевском, в который влюбился с первого взгляда. Широченные улицы, больше напоминающие проспекты, новостройки, «спальные» и рабочие районы. Декорацией к фантастическому фильму высятся новое здание цирка. А вот история, связанная с ним — не фантастика, а реальность. Сразу после открытия цирка целый месяц сюда возили на бесплатные представления малышей из всей Удмуртии. Это был подарок детям от президента республики Александра Александровича Волкова.

«Ижмех» — это целый город, «население» которого — 15 тысяч человек. И я волею судьбы оказался причастен к тому, что делает этот большой коллектив. А значит, у меня появилось пятнадцать тысяч новых друзей.

Беседую с главным конструктором А.У.Дорфом возле выставочных стендов с ижевским оружием. С видом знатока слушаю его рассказ о продукции завода (перед этим успел побывать

в заводском музее, где, кроме охотничьих ружей и пистолетов, представлена медицинская и бытовая техника). Но вот в дверях появляется очередной почетный гость. Извинившись, главный конструктор спешит ему навстречу. Приехал Калашников. Да-да, тот самый изобретатель нашего знаменитого автомата. Михаила Тимофеевича сразу обступают журналисты. Под прицелом телекамер он обходит выставку оружия.

Сопровождающий его главный конструктор берет со стенда «Макарыча», рассказывает о последней, самой свежей разработке завода. Калашников внимательно слушает. Потом берет пистолет в руки, разбирает, заглядывает в ствол...

— Красота нужна не только женщине, — говорит Калашников на торжественном собрании, обращаясь к залу. — А ваше оружие не только красивое, но и работоспособное.

Что правда — то правда.

В кабинете директора хранится часть коллекции охотничьих ружей, принадлежавших Леониду Брежневу. Именно в Ижевске была изготовлена большая часть из 87 экземпляров его богатой коллекции. После смерти генсека ружья какое-то время держали в Гохране, а потом передали ижевским оружейникам. Ведь каждое ружье — это настоящее произведение искусства, украшенное тончайшей гравюрой.

Сегодня искусство гравюры по металлу изучают молодые художники в школе ружейного мастерства при заводе. А опыт молодым передает художник первого класса Валентин Михайлович Белобородов. Недавно на Всемирной выставке в Монреале ружья, украшенные им и другими ижевскими художниками-граверами, произвели настоящий фурор. Переговоры о сотрудничестве с ижевскими оружейниками пару дней назад вел президент американской оружейной фирмы «Ремингтон» Томас Миллнер...

Содержание журнала «Уральский следопыт» за 2004 год

РЕКА ВРЕМЕНИ

Тропой поиска

И.ПЛОТНИКОВ Под чужим именем	№1-3
А.БОДРЫХ Дольмены на Камышенке	№2
В.ТРУБЕЦКОЙ Гамаюны на Урале	№4
М.ПЕТРОВ Часы уральских мастеров	№5
В.ТРУСОВ Старые рудники Кронских гор	№6
В.ТРУСОВ Гавани на Чусовой	№7
Д.СЕРГЕЕВ В застенках «Уральского Шлиссельбурга»-2	№8
Ю.КЛЮШНИКОВ «Рад буду похлопотать»	№9
В.ИЩЕНКО Будет ли золотым Золотой камень?	№9
А.ДМИТРИЕВ Новелла о Тиманской нефти	№10
А.ПИЧУГИН Тайна острова Соснового	№11
П.ФЕДОТОВ Шемахинская дача Никиты	№11
А.ТРОФИМОВ Масон из рода Голубцовых	№11
В.ИЩЕНКО Богословский завод на Турье	№12

Легенды и были

Л.ЗАВАРЗИН Коренная фамилия	№1
В.ИЩЕНКО Приведения живут на Гумешках	№1
В.СУРЕНКОВ Айсылу – цветущая луна	№1
С.ГРЖЕБИНСКИЙ Тунгу	№3
Л.ЗАВАРЗИН Ганин уголь	№5
В.СУРЕНКОВ Провал над Думной	№6
В.СУРЕНКОВ Палена горка	№8
Е.ЛЫСЕНКО, В.ШАКАЕВ Дети снегов	№12

По следам бажовских сказов

А.ЧЕРНОСКУТОВ Тятиню подаренье	№1
--------------------------------------	----

Юбилей

Краткая хроника жизни и творчества П.Бажова	№1
В.СУТЫРИН, О.ЛОБАНОВА Откуда текут реки	№3
Ю.КЛЮШНИКОВ Ручательство Бажова	№4
И.МОРОЗОВА Кто стучится в дверь ко мне	№10
И.ПЛОТНИКОВ Колчак в Екатеринбурге	№11
А.МОЛЧАНОВ Песня в погонах	№12
Э.МОЛЧАНОВ «И приговор нашептывает время...»	№12
А.ЯКИМОВ Мой друг Макарыч – парень хоть куда	№12

Самым маленьким

Кроссворд «Знаете ли вы сказки Бажова?»	№1
---	----

Версия

В.СМИРНОВ Екатеринбург: год рождения 1704-й?	№1
--	----

В мире прекрасного

В.БУЛАВИН Принц из рода Валуа?	№1
В.ПОПОВ Гитара и цыганщина	№11

100 лет русско-японской войне

Н.Чуйкин Казачий полк ушел непообежденным	№2
---	----

Полуночные этюды

Ю.ГОРБУНОВ Юность императрицы	№2
Ю.ГОРБУНОВ Елизавета Коломенская	№6

Человек и природа

Э.РУМЯНЦЕВ Медвежий «подарок»	№2
Н.АКИФЬЕВА Многотерпеливая Чусовая	№4
Ю.ВЛАДИМИРОВ Рассказы о животных	№6
Л.БОГОЯВЛЕНСКИЙ Лога, которым 10,000 лет	№8
Г.ПУДОВ Береста красивая и обиходная	№9
Ю.КОНЬКОВ Репище	№11

Краеведческая копилка

М.БЕССОНОВ Первая женская школа	№2
---------------------------------------	----

В.СЕМИБРАТОВ Гуго под № 273	№3
В.СЕМИБРАТОВ Из рода съеденного Кука	№4
Н.АКИФЬЕВА Дело о 400 рублях	№7
О.ЩЕТИНИН Исеть – поселок между гор	№7
Л.ВСЕВОЛОЖСКАЯ Храмы Всеволожских	№8
В.ВЕЙХМАН Лямбда аш	№9
В.БОЙКО Пока живу – надеюсь, или Судьба офицера	№10
130 слов от Теплоухова	№10
А.АДУТОВ Гайна-тарханы, кто вы?	№11

Мир камня

В.ВОРОНИН пирит – огнеподобный	№2
В.ВОРОНИН Селенит	№3
А.ЕВСТИГНЕЕВА Уральский камень родонит	№4

Далекое-близкое

Л.БОГОЯВЛЕНСКИЙ Многоэтажная Кама	№2
С.СКУРЫДИН Тере-Я – река аборигенов	№6
В.ШИЛОВ Уральские казаки	№9
О.ЛУЗЯНИНОВ Дети войны	№9
А.ПАНИФИЛОВА Победить терроризм – не значит уничтожить террористов	№10
П.ЕВЛАДОВ Генсек Киров	№12

Портреты

А.МОЛЧАНОВ Феномен Гребенщикова	№3
С.РОЖКОВА Судьбы ее простое полотно	№5
Е.ПОДЧИВАЛОВ Загадка чугунного колеса	№8
П.ФЕДОТОВ Судьба учителя	№8

Мемуары

В.ТРУСОВ Невольник пугачевского бунта	№3
Я.ВИЛЬЧКОВСКИЙ Из воспоминаний старого лесничего	№3-5

По белу свету

Н.ЗАЙЦЕВ Кому – яд, а кому – лакомство	№3
Н.ЗАЙЦЕВ Подарок для Сталина	№5
Г.УФИМЦЕВ Время видеть чудеса	№7

Очерк

А.ОЛЬХОВИКОВ «...И по щеке земли скатилась»	№4
---	----

Занимательная нумизматика

В.ПУРОНЕН Уральская монета	№4
----------------------------------	----

59 лет Победы

Ю.ВЛАДИМИРОВ Не человеческое это дело – война	№5
На перекрестках судеб	№5

И.СЕМЕНЧИК Три новеллы	№5
------------------------------	----

Добрые попутчики «УС»

И.МОРОЗОВА Дом на Широкой речке – тысячи «здравствуйте» и «спасибо»	№5
--	----

Вернисаж

М.ПРОЗОРОВА Война глазами молодых	№5
---	----

Музей

Ф.МЕДВЕДЕВА Клятва, воплощенная в музей	№6
---	----

Смотрите, кто пришел

Александра Гурьева-Сажаева: на мосту памяти	№6
---	----

Родословная

А.ПОДКОРЫТОВ Там, где пела гармонь	№6
--	----

Из первых рук

В.ВОЛЕГОВ Харбинские отголоски	№6
В.ВОЛЕГОВ Сын интернационалиста	№12

Пушкиниана

Л.ВСЕВОЛОЖСКАЯ Пенза, Пушкин, Всеволожские	№6
--	----

Ю.КЛЮШНИКОВ Тайна «Евгения Онегина»	№8
<i>Засная экспедиция</i>	
В.ГОЛДИН Новый обелиск «Европа-Азия»	№7
<i>Возвращение из Леты</i>	
В.ГОЛДИН Из ломовых — в писатели	№7
<i>Как это было</i>	
И.ПЛОТНИКОВ Екатеринбургская операция	№7
<i>Уроки истории</i>	
В.ТРУБЕЦКОЙ Кто на Сергее хозяин?	№8
<i>Библиотечные чтения</i>	
Н.КРЫЛОВА Наставникам, хранившим юность нашу	№9
<i>Музей одной фотографии</i>	
О.ШАБАРШИНА Дрова на площади «Железной столицы»	№ 9
Е.БИРЮКОВ Ванька Голый и К°	№12
<i>Заповедные земли Урала</i>	
Е.ТАМПЛОН Игнatieвская пещера	№9
<i>Открытие на Урале</i>	
О.ЩЕТИНИН Исетский леопард	№10
<i>Клуб собирателей</i>	
В.ПОПОВ Монета-клад	№10
А.МАКУРИН Екатеринбург в телефонoкартии	№11
<i>Прогулки в прошлое</i>	
В.СТРУГАНОВ По улочкам Нижней Туры	№10
<i>Страна топонимия</i>	
Я.ГЕЛЬБЛУ Шульган-Таш — столпы мироздания	№11
<i>Эпoды</i>	
О.КАРЯКИНА Календарик	№12

АЭЛИТА

Переводы современной поэзии

RICK PATRICK. Стихи. Перевод А. Мельникова	№1
<i>Современная проза</i>	
Э. ГРАЧЕВ Один день из жизни предпринимателей	№1
Е.ЛОБАНОВ Рация молчала	№2
Н.ИШКОВА Прощай, Жангиз	№2-3
О.ВАКУЛЬСКАЯ Месяц — меч и Солнце — рана	№3
В.ЗЮСЬКИН Открытка	№4
В.БОЧАРОВ Свадебный марш	№4
Н.САВИЦКАЯ Рассказы	№4
А.КОЖЕЙКИН Рассвет	№6
О.ВАКУЛЬСКАЯ Синица любит журавля	№9
Н.БЕРЕЗОВСКИЙ Вечный свет	№10
В.МАЛЬЦЕВ Московский «Титаник»	№11
Ю.ГОРБУНОВ Дарсонваль	№12
И.ЗАВОДОВСКИЙ Новогодний роман	№12
В.РАЙХЕР Божье чудо	№12

Фантастика

В.НИКОРА Наследник	№1
С.ЭСТ О смелом парне будет речь	№1
И.АНДРОЩУК Произнесенное вслух	№2
Ф.АДРА Контуры зла	№3
Н.ТЕКИНА Анти	№4-5
П.ГОССЕН, В.ДЕГТЯРЕВА Человек со Звезды	№5
А.ТИВИРСКИЙ, М.ЛУРИ Я расскажу тебе Сказка на тему «куда исчезли чудовища»	№5
А.ЯКИМОВ Мутант	№5
С.КУСКОВ Кто не верил в дурные пророчества	№6-8
Е.ГРАЧЕВА Осторожно: светлое прошлое	№7

М.ОЛИН Иероглиф Кальвина	№8
С.ЧЕКМАЕВ Четыре страницы из черной тетради	№9
В.ВОРОН Другие двери	№10-11
Д.КОЧКИН Извне	№10
С.ЭСТ Новенькая	№11
Н.ТЕРЕХОВА Танзания	№12

Юмор

Л.СЕМЕЙКИНА До зеленых верблюдов	№1
М.ГРЯЗНОВ Бред	№3
А.ИЛЬЕНКОВ Байки	№9

Современная поэзия Урала

С.МЕДОВЩИКОВ Стихи	№1
В.ОСИПОВ Стихи	№4
Е.ИЗВАРИНА Стихи	№4
Л.РАТУШНАЯ Стихи	№5
Т.КУЛЕШОВА Стихи	№6
П.СМЕРТИН Стихи	№6
Г.МЕТЕЛЕВА Стихи	№7
М.ЛИХОМАНОВА Стихи	№10
Д.КОЛЧИН-ЕРШАКОВ Стихи	№11
Ю.КИРЧЕНОВ Стихи	№11

Поэзия Урала

И.АНФЕРОВА Стихи	№2
В.ГЕРЕНТЬЕВ Стихи	№5

Современная поэзия

О.МОШНИКОВ Стихи	№2
Ю.СЕДОВ Стихи	№2
Ю.ВИНОГРАДОВ Стихи	№6
Н.ГАЛАВТИНА Стихи	№6
Е.ЛОБАНОВ Стихи	№7
С.ИВКИН Страсти по Андрею	№8
Л.НАЗАРОВСКАЯ Стихи	№9
А.ТЕМИРОВ Стихи	№12

Наш гость

С.ЧЕКМАЕВ Дотла	№1
А.ЯКИМОВ Рассказы	№2
А.БОРОВСКАЯ Очень грустная сказка	№3
О.КЛИШИН Стихи	№5
А.АФОНИН Скульптор	№7
И.ВОРОТНИКОВ Стихи	№8
О.ПАВЛОВ Стихи	№9
А.СТРАВИНСКИЙ Стихи	№12

Мастерская

Н.ЯГОДИНЦЕВА Несколько алых лепестков	№2
А.КОРОТИНА, Н.ШАМСУТДИНОВ Стихи	№3

Дебют в «Уральском следопыте»

В.СТРОЕВА Предлог для покупки	№2
В.ГАЛКИН Розовые розы	№3
Е.ДРУГОВА Рассказы	№3
И.ЗАВОДОВСКИЙ Две королевы	№4
А.ЯКУБЧИК Крыша	№6
Д.БАЛЫКО Стихи	№7
А.КИНЯЕВА Стихи	№9

Шуточные истории

О.МИНАЕВА Подарок	№3
-------------------------	----

Эксклюзив

И.МЕДВЕДЕВ На руинах	№6
Ф.АДРА Вытель	№12

Автобиография

С.МЕДОВЩИКОВ Патефон	№8
----------------------------	----

Рассказы в одну строчку

М.ГОЛДИНА Полосы жизни	№9
------------------------------	----

Сказка для взрослых

И.САМОХИНА Колдунья	№10	А.ЯКУБЧИК Ворона токует	№11
Е.КУЗЬМИНА Новогодняя сказка	№12	<i>Человек в экстремале</i>	
<i>Новые имена</i>		М.РАСКОЛЬНИКОВА Траверс на снегоходах	№1
Н.СТАРОДУБЦЕВА Стихи	№10	А.КУРОЧКИН Случай в Заполярье	№1
<i>Детектив</i>		<i>Дети в походе</i>	
Ю.ШЕРГИН Воздушный поцелуй смерти	№12	Г.ФЕДОРОВА Пльвем мы по Конде, нам страх неведом	№4

Встречный ветер:

<i>Уральские тропы</i>		М.КЛЕТКИНА Картинки из жизни мальчиков-скалолазов	№6
ДЕЛИН Практика в охотхозяйстве	№1-2	Н.БАРАНОВА Вот такие мы — кадеты!	№6
А.КАЗБУЛАТОВА Шпалы	№7	Е.АНТОНОВ Но я-то знаю	№12
САЛЕНТЬЕВА Наследники уральских рудознатцев	№8	<i>Путешествия</i>	
А.КУРОЧКИН В одиночку по заповедным местам	№9	М.УСОЛЬЦЕВ К цели сквозь ветры и снег	№2
Ю.УСТЮЖАНИНА По реке по Вишере	№9	В.ШУМКОВ Пещера Победа	№3
<i>Туристский байки</i>		А. И Н. СОКОЛОВСКИЕ Благословенный край	№4
Про ботинки и пиратов	№1	Н.НЕФЕДОВА, О. ТРЕТЬЯКОВА Как попасть в пещеру	№4
В.РАСТОПШИН	№10	А.СТАРЦЕВ Олягь весна зовет в походы или пройти реку Чусовую за три дня	№5
<i>Записки очевидца</i>		М.КОПЫЛОВ Когти в Санкт-Петербурге	№7
А.ПОГОЛЬСКИЙ Роман плаща и шпалы	№1	М.ЛАРИОНОВ Поход на Путораны	№11
В.ЮКЧУБАЕВ Юлька	№4	А.ТИХОМИРОВ Фаны на пять с плюсом	№11
А.ЯКУБЧИК Шкварки от похода	№8	<i>Экспедиция</i>	
Н.БАЯНДИНА 12 подвигов туриста водника	№9	В.ЮКЧУБАЕВ Ущелье «злых духов»	№2
А.ЯКУБЧИК Эльбрус начинается на Волчихе	№10	М.РАСКОЛЬНИКОВА Флаг «Следопыта» в руках альпинистов	№3
<i>Советы специалиста</i>		В.ЮКЧУБАЕВ Бабье лето	№10
Опасности зимнего маршрута	№1	В.МИХАЙЛЕНКО В краю заповедной Печоры	№11-12
Социально-психологические аспекты туристской группы	№2	<i>Школа юного журналиста</i>	
Питание в лыжном походе	№3	А.ЕВСТИГНЕЕВА Юные путешественники покоряют леса	№1
Выбор маршрута и комплектования групп в водном походе	№4	А.ЕВСТИГНЕЕВА Немного о велотуризме	№5
Гигиена туриста	№5	А.ПОЛОНИК Экспедиция на Диксон	№11
Спортивный туризм и охрана природы	№6	<i>Невыдуманные истории</i>	
Тактика и техника движения в походе	№7	А.ПОДКОРЫТОВ Таганайский дебют	№3
Добыча и очистка воды в походных условиях	№8	В.ЮКЧУБАЕВ Аметист — камень редкий	№6
Ведение дневника в походе	№9	<i>С места событий</i>	
В.ВОЛЕГОВ «Сломатие» шеи	№10	И.МОРОЗОВА В небе над Кунгуром	№7
Особенности организации путешествия на велосипеде	№10	М.ГЕМБИЙ Броня крепка	№7
Особенности организации путешествия в пещеры	№11	<i>Семейный туризм</i>	
С.РОГОЖКИН Милые пологие горы	№12	В.БУЛАНОВ Наказание путешествием	№1
Организация безопасности в лыжном горном походе	№12	<i>История альпинизма</i>	
<i>Проекты «Уральского следопыта»</i>		В.ШУМКОВ Мы тоже были молодыми	№1
Виктория — это победа!	№2	<i>Публицистика</i>	
М.РАСКОЛЬНИКОВА Майский экстрим	№3	М.РАСКОЛЬНИКОВА Как недолго пока удалось нам прожить без войны	№2
А.ТЕТКИНА Сплав по реке Березяк	№5	<i>История уральского туризма</i>	
И. МОРОЗОВА «Отрыв» ушел в отрыв, но и «Титаник» не затонул	№6	Л.БУКРИН Новый год в лесной избе	№2
<i>Леса Уральской горной страны</i>		<i>Охота и рыбалка</i>	
Е.САВЕНКО Обзор	№2	ДЕЛИН Путеводитель по Ваграну	№3
Е.САВЕНКО Мугоджары	№3	С.РОГОЖКИН Кондинская протока	№11
Е.САВЕНКО Южный Урал	№4	<i>Соревнования</i>	
Е.САВЕНКО Южный Урал. Горно-лесная зона	№6	М.КЛЕТКИНА Ветераны на уральской сотне	№4
Е.САВЕНКО Средний Урал	№7	<i>Добрые попутчики «УС»</i>	
Е.САВЕНКО Северный Урал	№8	Е.ТАМПЛОН Поход на Пелым	№8
Е.САВЕНКО Приполярный Урал	№9	<i>Наши увлечения</i>	
Е.САВЕНКО Полярный Урал и Пай-Хой	№10	С.КОНДРАШИН Акулы реки Тобол	№10
<i>Человек и природа</i>		А.НОВИКОВА Байкеры: начало - ездим на мотоциклах	№12
Э.РУМЯНЦЕВ Край земли	№3	<i>Наблюдательный совет журнала «УС»</i>	
Е.ГРАЧЕВА Здесь был Федор	№4	А. НОВИКОВА о виноградском и не только	№10
ДЕЛИН Где ты?	№6		
Ю.ВИНОГРАДОВ Твои лесничие, Россия	№7		
В.ЮКЧУБАЕВ Пашкин ток	№8		

Завершился фотоконкурс ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

Победителем признана фотография № 02`2004. Автора снимка в редакции ждет ценный приз!

Хочешь двигаться - ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психо-
неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

**ХИМТЕХ
СТРОЙ**

ISSN 0134-241X Индекс 73413 «Уральский следопыт», 2004, №12 (570)